БЛОКАДНЫЙ
ДНЕВНИК

LENINGRADI
BLOKAADI TALLINNA SELTS

ТАЛЛИНСКОЕ ОБЩЕСТВО
ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

БЛОКАДНЫЙ ДНЕВНИК

Издание 3-е
переработанное и дополненное

Таллин – Санкт-Петербург
2010

ББК 63.3 (2) 622.11
Б 70

Издание
Таллинского Общества
жителей блокадного Ленинграда

Составители - Нина ПАВЛОВА и
Людмила МАТРОСОВА-ЗЫБИНА

Редактор - Людмила МАТРОСОВА-ЗЫБИНА

Перевод на эстонский язык -
Ольга БУРМИСТРОВИЧ

Дизайн и верстка - Вика МЕЛЬНИКОВА

Корректура - Татьяна МОСИНА

Издание поддержали:

Губернатор Санкт-Петербурга
Валентина Ивановна МАТВИЕНКО

Мэр города Таллина Эдгар САВИСААР

Посольство Российской Федерации
в Эстонской Республике

Союз Русских просветительных и
благотворительных обществ в Эстонии
Людмила Егоровна МАТРОСОВА-ЗЫБИНА

Мэр города Маарду Георгий Васильевич БЫСТРОВ

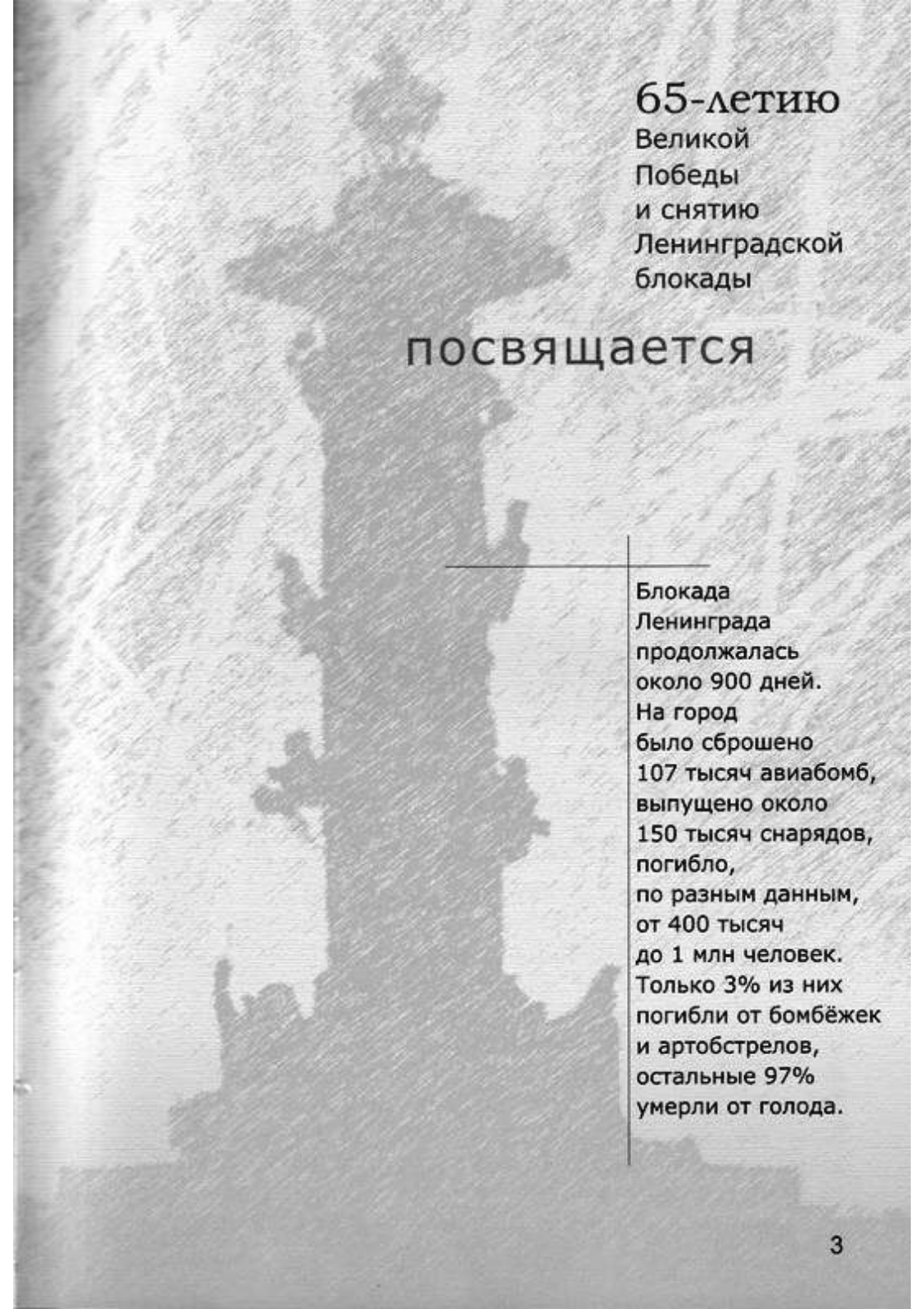
AS KRAVOND Иван Антонович СМОЛЬНИКОВ

*Издание выпущено при поддержке
Комитета по печати и взаимодействию
со средствами массовой информации Санкт - Петербурга.*

ISBN 978-5-91498-011-2

©Таллинское общество жителей
блокадного Ленинграда, 2010

©Информационно-издательский центр
Правительства Санкт-Петербурга
"Петроцентр", 2010



65-летию Великой Победы и снятию Ленинградской блокады

посвящается

Блокада Ленинграда продолжалась около 900 дней. На город было сброшено 107 тысяч авиабомб, выпущено около 150 тысяч снарядов, погибло, по разным данным, от 400 тысяч до 1 млн человек. Только 3% из них погибли от бомбёжек и артобстрелов, остальные 97% умерли от голода.

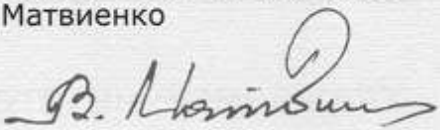
Уважаемые читатели! Дорогие ветераны, блокадники!

Блокада Ленинграда - трагическая страница в мировой истории. Ни одному городу не выпали такие испытания, как Ленинграду - 900 дней голода, холода, артобстрелов. Поэтому память о блокаде священна и для тех, кто ее пережил, и для каждого последующего поколения. Есть такое понятие "блокадное братство". Все, кто защищал Ленинград, кто трудился в блокадном городе, где бы они сегодня ни жили - для нас навсегда останутся ленинградцами. Общественные организации

блокадников действуют сегодня во многих странах. Люди, "крещенные блокадой", делают все для того, чтобы сохранить для потомков память о том, какой ценой досталась нам сегодняшняя мирная жизнь.

Книга "Блокадный дневник", третий выпуск которой вы держите в руках, издана по инициативе Таллинского общества жителей блокадного Ленинграда и при поддержке Правительства Санкт-Петербурга. Эта книга - не просто воспоминания, это целая энциклопедия блокадной жизни. На примерах судеб простых людей, переживших страшные испытания, она учит читателя мужеству, преданности долгу и любви к родному городу. Мы бесконечно благодарны ветеранам за их подвиг, за то, что они подарили нам счастье мирно жить и трудиться. Огромное им спасибо за то духовное наследие, которое будет храниться в таких уникальных изданиях, как "Блокадный дневник". Желаю всем читателям книги мира, добра и счастья.

Губернатор Санкт-Петербурга
В.И. Матвиенко



Людская память хранит самые подлинные свидетельства о событиях, вписанных в историю под знаком тяжелых испытаний, стойкости и сохранения человеческого достоинства. Я приветствую новое издание книги воспоминаний о жизни в блокадном Ленинграде - ведь живых свидетелей того времени становится, к сожалению, все меньше и меньше.

Жизнь сложилась так, что многие жители блокадного Ленинграда оказались в послевоенные годы в Эстонии и обрели вторую родину в Таллинне. Здесь прошла их молодость, они заняли свое место в обществе, но сохранили память о тяжелых годах блокады.

Эта память объединила их в Таллиннское общество жителей блокадного Ленинграда, и власти нашего города старались и стараются поддержать стремление этих немолодых уже людей к активной жизни. При поддержке Таллиннской мэрии они ездят на экскурсии по Эстонии, встречаются с молодежью, собирают и издают свои воспоминания.

Члены Общества активны в традиционном сотрудничестве между Таллинном и Санкт-Петербургом, и мы благодарны за поддержку этих добрых связей. Они непременные участники Таллиннских встреч в Петербурге и Петербургских встреч в Таллинне, которые попеременно проходят в наших городах каждый год.

Первые две книги воспоминаний о блокадном Ленинграде вышли в Таллинне в 2001 и 2005 годах. Третье издание увидит свет в Петербурге при поддержке правительства города на Неве. Эта книга - свидетельство самых прочных, человеческих связей между нашими городами.

Я хочу пожелать читателям книги воспоминаний испытать чувство сопереживания и глубокого уважения к людям, сохранившим достоинство в самые тяжелые дни. А авторам сборника желаю здоровья и сил. Мы благодарны вам за сохранение памяти.

Эдгар САВИСААР,
Мэр Таллинна

Дорогой читатель!

В 2009 году исполнилось 65 лет с момента полного снятия блокады Ленинграда. Начавшаяся в сентябре 1941 года блокада длилась почти 900 дней. Несмотря на все неимоверные лишения и тяготы, ленинградцы своим героическим трудом, неиссякаемым оптимизмом и великой волей к победе отстояли город. К сожалению, многие из них не дожили до сегодняшнего дня. С глубокой скорбью мы преклоняемся перед их памятью.

Потребность в издании книг, содержащих документы и фотографии тех лет, публикации воспоминаний людей, переживших ужасы самой страшной за всю историю человечества войны, остаётся одним из необходимых источников познания реалий того времени. Именно поэтому хочется особо отметить и поблагодарить авторов уже третьего по счёту

"Блокадного дневника", выполняющих столь ответственную и кропотливую работу. С каждым годом становится всё меньше очевидцев той чудовищной войны и всё больше они нуждаются в наших внимании, заботе и поддержке. Сегодня они живут в самых разных уголках света, но это не означает, что подвиг их жизни предан забвению. Напротив, российские власти на разных уровнях стараются особенно чутко относиться к чаяниям блокадников, ветеранов и оперативно реагировать на поступающие от них просьбы и предложения. Эта помощь выражена не только в виде финансовой поддержки, но и в предоставлении медицинских препаратов и оборудования, санаторного лечения, ежегодной подписки на периодические издания на русском языке, в приглашениях на различные культурные мероприятия, проводимые на территории страны проживания, и во многом другом. Россия постепенно становится сильнее, ширятся и возможности поддержки.

Дорогие блокадники, восхищаемся вашими мужеством, самоотверженностью и героизмом, с которыми вы шли к Победе. От всей души поздравляю вас с этой знаменательной датой и желаю долгих лет счастливой жизни, оптимизма, доброго здоровья и бодрости духа!

Николай УСПЕНСКИЙ,
Посол Российской Федерации
в Эстонской Республике

Бесценное свидетельство

В 2005 году в Таллине была издана вторая книга воспоминаний жителей блокадного Ленинграда. Судьба книги повторила судьбу первой - она разошлась мгновенно. Вспоминается эпизод, когда группа ленинградских блокадников вместе с таллинскими школьниками посетила Пискаревское мемориальное кладбище... Не буду говорить о чувствах, которые мы испытали, когда зажигали свечи и возлагали цветы. Екатерина Ивановна Ленцман, ее соратницы, часто даже не уверенные в том, что именно в этом захоронении покоятся их молодые родители, маленькие братики и сестрички, бабушки, старше которых стали их внучки... Возвратившись в автобус, я обнаружила, что исчезла стопка книг, приготовленных для сотрудников Администрации города Санкт-

Петербурга. Все книги оказались в руках у школьников. Внимание, с которым они читали историю ленинградской блокады, о "Дороге жизни", о страшных событиях из жизни мирных ленинградцев в осажденном городе, ещё раз убедило меня в том, что эти жертвы не забудутся никогда, что память нельзя убить, стереть, вытравить...

Потом были позорные дни и ночи, когда Таллин захлестнул протест против лжи, ненависти и натаскивания полиции на борьбу с собственным народом, когда правители не захотели услышать голос людей, уважающих и ценящих свое прошлое, и когда Наш Солдат с Тынисмяги воровским образом был убран с глаз долой отдельно взятыми и хорошо проплаченными чистильщиками памяти. Но и на новом месте у памятника Солдату, теперь уже на Военном кладбище, по-прежнему собираются ветераны войны, и цветов стало не меньше, и горят свечи у каждой могилы Солдата Великой Армии. Неуклюжие и подлые попытки заставить людей забыть и предать своих отцов и дедов обернулись новым открытием - задремавшее чувство достоинства и гордости за свое историческое прошлое из дороги к памятнику Солдату превратилось в широкий проспект, и девятого мая этот проспект в эстонской столице становится самым мирным, украшенным цветами, песнями, улыбками, слезами счастья и гордости за себя, за своих дедов и будущих детей. Жаль только, что наших ветеранов с каждым годом становится все меньше и меньше. Старшее поколение сменяют их дети, внуки и правнуки, которые помнят и знают через какие тернии прошли их родители, дедушки и бабушки, какую страшную угрозу миру они смогли преодолеть и победить.

К памятнику приходят бывшие ленинградские блокадники, которые в годы Великой Отечественной войны были детьми, на чью долю

выпали непосильные даже для взрослых и физически крепких людей испытания. Голод, холод, постоянные обстрелы, страх за своих близких не сломили этих людей. Они выжили, выстояли, не очерствели душой. Воспоминания жителей блокадного Ленинграда о пережитых ужасах войны - свидетельский рассказ о том, что война - это чудовищно, преступно и противно человеческому разуму. Но трижды нельзя не знать об этом тем, кому посчастливилось родиться после войны. Это те страницы из школьных учебников, в первую очередь по истории России, которые пытаются отнять у наших детей и внуков. Этого не должно произойти. История мстит за беспамятство. Нельзя согласиться с попытками переписать историю так, как это выгодно и удобно тем, кто возвеличивает фашизм, принесший Европе и всему миру неисчислимые страдания, горе, разрушения, невосполнимые потери. Авторам "Блокадного дневника", пережившим блокаду, ужасы войны, стремившейся уничтожить бомбежками и артобстрелами мирных жителей, голодом, холодом и лишением всех бытовых удобств довести их до первобытного скотского состояния, приходят письма с благодарностью за стойкость и мужество донести до читателей пережитое, за то, что нашли силы не молчать, а говорить правду. "Это необыкновенные воспоминания, сокрушающие своим притягательным и подчас леденящим душу свидетельством, своим трагизмом, - пишет Кира Михалева из Москвы. - Как были изранены эти детские сердца, и как было нелегко снова в подробностях вспоминать то далекое пережитое и заставить себя написать о том, что видели так близко детские глаза, что никогда не забывалось и не забудется, что всю жизнь повторялось и повторялось в "блокадных" снах, что навсегда надорвало сердце... Когда-то великий Достоевский

(тоже, кстати, петербуржец) вопрошал: "Может ли совесть человечества забыть и простить слезинку хоть одного страдающего ребенка?"... А фашизм затопил всю Европу океаном детских слез. Какое мужество и благородство проявили авторы "Блокадного дневника"! И как это необходимо было сделать, чтобы помнили, чтобы сопереживали трагическим событиям прошлого нынешнее и будущие поколения. Какое это бесценное человеческое свидетельство! Невольно вспоминается народная мудрость: "Кто выстрелит в прошлое из пистолета, в того будущее выстрелит из пушки..."

"Спасибо за знакомство с изданием громадной моральной силы. Когда читаешь, а тем более перечитываешь книгу, то прежде всего испытываешь чувство глубочайшей благодарности к составителям, авторам и исполнителям. Наверное, они и сами еще не осознали, сколь удачно, по времени и к месту, совершили частичку святого дела, сохраняя дух своего поколения в глазах потомков." В. Бусел, Таллин.

"С волнением прочитал "Блокадный дневник" - книгу честную, искреннюю, написанную словами, идущими от сердца. Она заставляет читателя задуматься над тем, какой ценой досталась нам Победа в Великой Отечественной. Читая воспоминания ветеранов, еще крепче утверждаешься в мысли, что никому не удастся переписать историю, принизить подвиг ленинградцев, вклад нашего народа в победу над фашизмом. Эта книга - памятник всем, в чью жизнь навсегда вошло слово "блокада" - людям, жизнь которых стала подвигом." В.В.Путин.

Многие блокадники не смогли написать свои воспоминания - даже спустя десятилетия слишком трудно смириться с горечью утрат. Другие же, пережившие немыслимые разуму лишения, посчитали, что в их свидетельский рассказ никто не

поверит - даже современные фильмы ужасов слишком просты и наивны по сравнению с теми кошмарами, которые им пришлось пережить на самом деле в голодном и холодном, обстреливаемом со всех сторон городе, и эти ужасы могли прекратиться только со смертью или только со спасительным прорывом блокадного кольца. Других вариантов в то время не было...

Люди, пережившие блокаду, принесли свои воспоминания, документы, фотографии, чтобы дополнить первые два издания новыми фактами, подробностями личной жизни блокадного периода в очередном "Блокадном дневнике", посвященном детям, внукам и правнукам, чтобы они знали правду о войне, блокаде, о братских могилах, в которых покоятся герои обороны Ленинграда и мирные жители, ставшие жертвами фашизма и невиданной ненависти людей к людям, которой нет аналогов даже в животном мире. Милые, славные, замечательные, умные и честные, сильные и красивые - ленинградские блокадники покидают земной мир, но они оставляют в назидание потомкам свои свидетельские рассказы и заветы - беречь мир, помнить о страшном прошлом, чтобы в будущем Человек не ронял своего достоинства. Эта простая правда о войне - предостережение всем, кто слишком вольно обращается с оружием. Мир так хрупок, и только Память может уберечь его от взрыва.

Людмила
Матросова-Зыбина

К.И.Чуковский

ЛЕНИНГРАДСКИМ ДЕТЯМ

Промчатся над вами года за годами,
И станете вы старичками.
Теперь белобрысые вы, молодые,
А будете лысые вы и седые.
И даже у маленькой Татки
Когда-нибудь будут внучатки,
И Татка наденет большие очки
И будет вязать своим внукам перчатки.
И даже двухлетнему Пете
Будет когда-нибудь семьдесят лет,
И все дети, все дети на свете
Будут называть его: "дед".
И до пояса будет тогда седая его борода.
Так вот: когда станете вы старичками,
С такими большими очками,
И, чтобы размять свои старые кости,
Пойдете куда-нибудь в гости
(Ну, скажем, возьмете внучонка Николку
и поведете его на елку),
Или тогда же, в две тысячи
Двадцать четвертом году,
На лавочке сядете в Летем саду,
Или не в Летнем саду, а в каком-нибудь
Маленьком скверике
В Новой Зеландии или в Америке, -
Всюду, куда б не заехали вы, -
Всюду, везде, одинаково,
Жители Праги, Гааги, Парижа,
Чикаго и Кракова
На вас молчаливо укажут
И тихо, почтительно скажут:
"Он был в Ленинграде... во время осады...
В те годы... вы знаете... в годы блокады!"
И снимут пред вами шляпы.

Май 1945

С сентября 1941 года
по январь 1943 года
умерло от голода
641 000 человек.

В сентябре 1941 года
началась почти

900-дневная блокада Ленинграда

В осажденном городе
оставалось 2 млн 544 тыс.
гражданского населения,
в том числе свыше 100 тыс.
беженцев из Прибалтики,
Карелии и Ленинградской
области. Вместе с жителями
пригородных районов в
блокадном кольце оказалось
2 млн. 887 тыс. человек.
Среди оставшихся
в блокированном
Ленинграде было не менее
1 млн 200 тыс. человек
несамодеятельного
населения, из них около
400 тыс. детей.

За время блокады
на Ленинград было сброшено
102 520 зажигательных и
4 653 фугасные бомбы.
В результате бомбежек и
обстрелов в течение блокады
было убито 16 747 и
ранено 33 782 мирных
жителя Ленинграда.

Архипова А.А. - вязальщица

АРХИПОВА
Анна Александровна

Прошло уже много лет, поколение, пережившее войну и блокаду, состарилось. Тяжело вспоминать эти страшные годы. Наша семья жила в городе Колпино, недалеко от Ленинграда, теперь это район города. Там находится знаменитый Ижорский завод,

основанный Петром I в 1703 году, который выпускал судовые машины, танки, прессы, прокат. Там работали целые династии, в том числе мужчины нашей семьи. Дедушка Петр Архипович Архипов всю жизнь проработал на телефонной станции, папа освоил профессию шофера. Мы, его дети, были связаны с заводом, а теперь уже и дети моих племянников преумножают его традиции.

В нашей семье было шесть человек: родители и четверо детей. Мы жили в 16-ти метровой комнате. Младшие дети были отправлены до войны на лето в Калининскую область. Папа был осужден в 1937 году по 58 статье, его перевезли в город Хабаровск. Когда его освободили в 1940 году, он не имел права жить в Ленинграде, и был сослан за 101 километр. Там был взят в армию и погиб под Сталинградом в 1943 году.

В 1941 году я окончила среднюю школу, 16 июня был выпускной вечер. Счастливые, веселые, повзрослевшие мы думали о будущей жизни. Но уже шли "сороковые, роковые" и началась война. В конце августа 1941 года фронт был в трех километрах от города. Помню, 28 августа я вышла на улицу, и около меня упал осколок. Это было первое знакомство с настоящей войной. Он не задел меня, но было очень страшно. Военные советовали уходить в Ленинград, говорили, что войска отступают. Мама, я и сестра сразу уехали.

В Ленинграде нас приютили родственники, которые жили недалеко от Староневского. 8 сентября я пошла к Московскому вокзалу встречать маму, она продолжала работать в Колпино. Когда я вышла на площадь, передо мной открылся весь Невский проспект. О, ужас! Я увидела, что все небо от правой до левой стороны проспекта, от вокзала до Адмиралтейства, было как полосатая дуга: красная полоса огня, темная полоса - что-то страшное, трагичное. Я замерла. Подумала, неужели этот момент не зафиксируют старшие

опытные художники, фотографы? Оказалось, что уже очень близко горели деревни, фашисты были около Ленинграда.

Но пройти к Ленинграду им не удалось. Ижорцы героическими усилиями остановили врага, не пустили в Ленинград. И завод работал, отремонтированные танки шли на фронт.

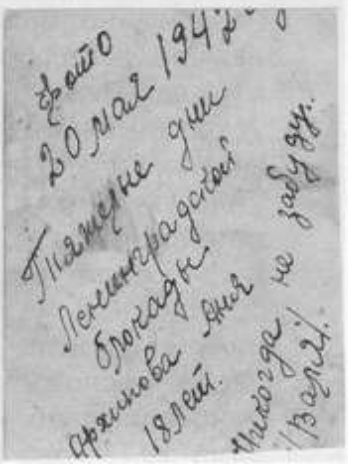
Мой будущий муж, Рэм Блюм (в будущем профессор, доктор философии Тартуского университета), шестнадцатилетний рабочий-слесарь Ижорского завода, записал тогда в дневнике: "Немец бил шрапнелью. Мы прекратили работу, сидели в корпусе танка".

В Ленинграде начались ежедневные артобстрелы и бомбежки, где-то все время грохотали взрывы. Было очень страшно, когда горели Бадаевские продовольственные склады, шлейф дыма с запахом горелых продуктов тянулся над городом. На месте сгоревших Бадаевских складов люди ходили собирать землю, пропитанную сахаром, ее растворяли в воде, процеживали, потом пили эту воду.

После бомбежки на Староневском был разрушен старинный шестиэтажный дом. Середина его стены была словно вырезана от крыши до земли, а на самом верху висела детская кроватка! Слезы потекли при виде этой картины. Недавно я прочитала статью в газете "Молодежь Эстонии" о скульпторе Константине Симуне, который запечатлел в своих работах трагедию Ленинграда. Одна из скульптур называется "Кроватка". Неужели это о ней, которую я видела и плакала?

15 ноября мы вернулись в Колпино. Бесконечные бомбежки и обстрелы не прекращались. Жизнь становилась совсем невыносимой. Уже пять раз снижали норму хлеба, в декабре служащие и дети получали по 125 граммов, вместо крупы давали 200 граммов картофельной муки на декаду. В хлебе была смесь из целлюлозы, древесной коры,

АРХИПОВА
Аня
18 лет



кожевенных отрубей. Дома и предприятия погружались во тьму. На Ленинград обрушился страшный, убийственный голод.

Поэтесса Ольга Берггольц писала:

" ... о, ночное воющее небо,
Дрожь земли, обвал невдалеке,
Бедный ленинградский ломтик хлеба,
Он почти не весит на руке...".

Мама умерла. Мы остались с сестрой вдвоем. Моя сестра Валя иногда ходила за хлебом. По дороге она съедала часть пайка. Я свою долю, 125 граммов, делила пополам. Тогда я сказала, что будем ходить вдвоем, и каждый будет получать свой паек отдельно. Нам в этот момент неожиданно повезло: однажды пришел военный и предложил обменять водку, которую нам дали по карточкам, на хлеб. Мы согласились. Какая это была радость - держать в руках буханку хлеба! Мы поели немного, а остальное я решила спрятать на чердаке, где мы и жили. Когда я перелезала через балку, то увидела пакет с сухарями, примерно полкилограмма. Я изо всех сил закричала, сестра сразу прибежала, мы радовались такой находке и плакали. Однажды я

проснулась от страшной боли в желудке. Это был протест организма на голод, такое выдержать было невозможно. Весной у меня обнаружили плеврит, я лежала в больнице. Когда стали эвакуировать жителей Ленинграда по Ладоге и моя сестра Валя уехала, мне пришлось остаться, потому что доктор сказал: "А что, если в дороге будет хуже?". Тогда умирали целыми семьями, иногда прямо на улице лежали трупы.

Я работала вязальщицей в трикотажном цехе артели "Колпинкооп". Все наши изделия шли на нужды фронта. Рабочий день продолжался 12 часов. Весной после работы мы убирали улицы и помогали ослабевшим людям.

Зима 1942 года была очень холодной, к тому же угнетали постоянные обстрелы, бомбежки, потери близких дорогих людей, раны, болезни, цинга, дистрофия. Где-то все время грохотали взрывы, небо было красным от пожаров то там, то тут.

И все же дождались - 18 января 1943 года было прорвано кольцо блокады! Первая важная победа! В феврале 1943 года было наступление из района Колпино. Я вспоминаю, как ночью прибывали войска и вооружение. 10 февраля по всей главной улице выстроились "Катюши" и дали залп. Описать это трудно. Надо было слышать и видеть! Над нашими головами висели снаряды вроде бутылок. Мы радовались и кричали: "Ну, фашисты, пришел вам конец!". Земля поднималась до неба. "Катюши" быстро уехали, как улетели. Вечером немцы опомнились, стали бомбить, обстреливать, но ценой героических усилий Ижорский батальон в город их не пустил.

В мой дом попал снаряд, и он сгорел дотла. Добрые люди помогли, дали самое необходимое. Мы жили в бомбоубежище, спали в пальто. Самым дорогим у меня была сумочка с карточками, без которых выжить было просто невозможно.

Бомбежки и обстрелы продолжались. Однажды я

АРХИПОВА
Анна
Александровна

тоже попала под бомбежку. Я спряталась около больницы, больше негде было. И, о ужас, на меня летит бомба и свистит у-у-у-у... Вой этой летящей бомбы не забыть. Она мне угрожала смертью, и она была рядом со мной. Я молила: "Господи, спаси!". В голове что-то щелкнуло, я потеряла сознание. Меня нашли несколько часов спустя. Потом выяснилось, что осколок попал в висок, глазную кость. До сих пор осталась черная метка.

После долгожданной Победы ко мне в Колпино приехали две сестры и брат. Мы опять были вместе, но с великим горем, что родители погибли, и мы остались сиротами.

Вспоминаю сейчас эти 900 дней. Опять волнуюсь. Все надо сделать, чтобы такое не повторилось.

А жизнь шла своим чередом. Молодое поколение устраивало свою жизнь: училось, работало. Пережив страшные военные лишения, мы вступали в жизнь досрочно повзрослевшими. Это была наша комсомольская молодость. Я тогда работала в райкоме комсомола, инструктором, потом секретарем. Тогда я и встретила свою судьбу - Рэма Блюма, заместителя секретаря комитета комсомола

Ижорского завода. У нас было удивительно много общих понятий: оценок жизни, дел и интересов. Мы были единомышленниками.

Но снова трудности, препятствия. В 1949 году меня сняли с должности секретаря райкома из-за того, что мой муж был еврей. Заседание пленума было бурным: комсомольцы протестовали против этой расправы. Я в это время была в декретном отпуске. "Дело врачей" положило начало травле, обыскам, судам, арестам. Страшное это было время.

После окончания Ленинградского университета моего мужа нигде не брали на работу. А Ижорский завод, на котором он работал во время войны, не имел права принять его на работу слесарем, потому что у него было высшее образование. В ЦК партии, куда он обратился, ему предложили ехать в город Биробиджан на Дальний Восток, учителем истории в вечернюю школу. Мы отказались. Чтобы прокормить семью, пришлось наниматься строить заборы. Неожиданно пришло спасение: однокурсник пригласил в Тарту, в Учительский институт, работать лаборантом.

Теперь вся наша жизнь была связана с Эстонией. Позже мой муж перешел на работу в Тартуский университет, где проработал до последних дней своей жизни. До сих пор многие студенты вспоминают лекции, которые им читал профессор Рэм Блюм.

Я окончила Тартуский университет, была назначена директором 2-ой вечерней средней школы и проработала на этом посту 25 лет. Подрастали дети - дочь и сын. Мы с мужем прожили вместе более сорока лет, вместе переживали радости и горести, поддерживая друг друга. В нашей семье царил дух свободы. Дети и внуки - наша любовь, гордость, волнения и надежда.

Бурлей Людмила в годы войны

БУРЛЕЙ
Людмила Евгеньевна

28.09.1925 г.р.

Когда началась война, мне было 15 лет, я училась в Ленинградском судостроительном техникуме. Мы, студенты, добровольно шли на оборонные объекты: рыли окопы на окраинах Ленинграда, а потом нас отправили к Усть-Луге. В этом районе немецкие самолеты стали выбрасывать десант. Мы, в чем были, а день был очень жаркий, побежали окраиной леса к станции. По дороге везли ремесленников в форме, немецкие самолеты стали с воздуха их расстреливать. Когда мы прибежали на станцию, стали прибывать составы с военными, и нас в этих составах под обстрелами и бомбежками повезли в Ленинград.

В Ленинграде я жила на Васильевском острове на 8-й линии, с родителями и двумя сестрами 4 и 6 лет. Дом наш выходил на Неву. На 10-й линии был военный госпиталь, а на 11-й линии Военно-

морское училище им. М.Фрунзе. На Неве в этом районе находился крейсер "Киров". Так что наш район постоянно бомбили и обстреливали. В квартире были выбиты все стекла, окна заделали досками и тряпьем. Света, воды и канализации не было, зима была суровая и все замерзло. Отапливались мы "буржуйкой", сооруженной из духовки. Освещались лампадкой. В общем, жили в холоде и полумраке.

Отец мой был оставлен в Ленинграде, у него была бронь от Союза архитекторов. Ему приходилось много работать, а так как транспорт стоял, на работу отец был вынужден ходить пешком. В 20-х числах декабря 1941 года папа умер от голода. Дней восемь он, мертвый, лежал в квартире, потом соседи помогли маме на санках отвезти тело папы на Смоленское кладбище в братские могилы - вырытые оборонительные рвы, где лежали груды покойников. Никто их не зарывал. После увиденного на кладбище, мама заболела.

Воду для питья мы носили с Невы в двухлитровом бидончике, больше не было сил донести. Бани все были закрыты, мыться было негде. Самые тяжелые дни для жителей блокадного Ленинграда наступили в январе-феврале 1942 года. Встал хлебозавод, около недели мы не получали наши драгоценные 125 граммов хлеба. Ели столярный клей с водой, который также был большим дефицитом. По утрам люди, одетые во что попало, закутанные в одеяла и платки, шли к булочным. В ожидании хлеба, тут же в очереди, многие падали и умирали. Открывался магазин, а хлеба не было. Когда я приходила домой, сестренки лежали в кровати, закутанные с головой, встречали меня голодными глазами, но, видя, что я ничего не принесла, снова закрывали глаза. Это были страшные дни, люди умирали семьями. В квартирах стояла минусовая температура, согреться было нечем. Ломали мебель, по щепочке бросали в буржуйку, чтобы сохранить огонь, так

как спички были на исходе.
Наконец пришел долгожданный день, когда в магазин привезли хлеб. На нашу семью за все дни я получила хлеба больше буханки! Пришла домой, девочки подняли голову, и не могли отвести глаз от этого хлеба. Это был настоящий праздник! Но силы иссякли. Голод валил с ног. В конце апреля по последнему снегу нас, полуживых, с одним маленьким чемоданчиком, вывезли на санках к Ладожскому озеру. По Ладоге нас на грузовиках вывозили из блокадного Ленинграда. Далеко не все прибыли в конечный пункт. Многие машины вместе с людьми ушли под лед...
На Ладоге нас встретили хорошо. Накормили, дали по плитке шоколада. Но вскоре начались новые испытания. Нас посадили в необорудованные товарные вагоны, битком набитые больными людьми с детьми, и повезли в город Котлас, в Архангельскую область. В вагонах не было туалетов. Появились вши. Наш эшелон останавливали за несколько километров до станции, так как на каждой стоянке из вагонов выгружали трупы. До Котласа нас доехало всего четверть, остальные погибли.
Маму сразу положили в больницу, где спустя несколько дней она умерла. Очень скоро умерла и шестилетняя сестренка. Младшую сестричку отправили в детский дом. Я пролежала в больнице около месяца, кое-как выкарабкалась. На работу меня нигде не брали, мой вид не внушал доверия: я была похожа на скелет, обтянутый кожей, руки и ноги покрылись язвами. Случайно мне встретились ленинградцы, работавшие на военном строительстве в пригороде Котласа. Они увезли меня в деревню, где дали работу, хорошее питание. Месяца через два я стала уже более-менее нормальным человеком.

Тивас
Лия
1940 г.

БУТЫНСКАЯ (Тивас)
Лия Викторовна

27.02.1931 г.р.

Странно, но в молодые годы я ни разу не задумывалась, как мы выжили в ту страшную блокадную зиму 1941 - 1942 годов. И в семье нашей никогда не вспоминали блокаду. Сейчас я думаю, что мы смогли выжить только благодаря моей двоюродной сестре Гале. Ей было тогда 14 лет. Наша семья состояла из двух мам - родных сестер и их детей: я с сестрой-двойняшкой, нам тогда было по десять лет, и двоюродные брат и сестра восьми и четырнадцати лет. Матери наши работали на военном заводе, а мы, дети, оставались дома. О том, что где-то работают школы, мы и не знали. Дома у нас был строгий режим. За продуктами

ходила Галя, она же делила хлеб и выдавала порции три раза в день, так что съесть сразу всю дневную норму в 125 граммов никто не мог. К хлебу выдавалась кружка горячей бурды: заваренный сельдерей с чайной ложкой какао без сахара. Я до сих пор даже запаха сельдерея не выношу. Мы, дети, получали хлеба больше, чем нам было положено: весь хлеб для мам и детей делился на шесть частей, затем каждая часть еще на три части. Все дни рождения у нас приходились на зиму, и именинники получали дополнительный кусочек хлеба. Порции остальных, соответственно, уменьшались, но я это только сейчас сообразила!

Нам было категорически запрещено жаловаться на голод и просить есть. Хотя между собой мы, видимо, говорили о еде. Помню, что никто не мечтал о конфетах, пирожных, а только о хлебе и каше.

Мы много читали, и как-то обнаружилось, что я выписываю в тетрадку названия всех блюд, которые упоминались в книгах. Был большой шум, мне запретили это делать, объяснив, что так сходят с ума. Каждый день мы были обязаны гулять. Помню лестницу, залитую желтым льдом. Канализация не работала, все выносили во двор, выливая тут же. Улицы, заваленные снегом, были пустынны, изредка брели люди, тащили санки, на которых было что-то длинное, завернутое в белое. Иногда мы находили осколки от снарядов, они были такие блестящие, страшно-рваные. Так жалко было, что мешочек с осколками решительно не разрешили взять с собой в эвакуацию 12 марта 1942 года. Помню, как мы ехали в автобусе через Ладогу. Угол автобуса был снесен, и надо было следить, чтобы туда не выпали наши вещи. Удивительно, как мы не замерзли в дороге. После Ладоги ехали в товарном составе с нарами в два этажа, в жуткой тесноте. На остановках все выскакивали из вагонов и садились на корточки прямо тут же - у всех была дистрофия и голодный

понос. Матери шли на станцию, где по талонам эвакуированным выдавали суп, а специальная команда выносила из вагонов умерших.

На Кубань мы ехали целый месяц. В станице Тимашевской Краснодарского края наших мам сразу отправили в больницу, а нас, детей, определили на квартиру к хозяйке. И опять Галя ходила на базар, варила еду и кормила нас, давая еды понемногу. Зато ни у кого из нас не было такого огромного живота, как у многих эвакуированных, которые не могли удержаться и ели, ели, ели... Через неделю тетя умерла в больнице, моя мама выжила. Когда немцы приблизились к Кубани, мы в товарном составе уехали в Куйбышевскую область.

И вот теперь я думаю: Боже мой, как могла четырнадцатилетняя девочка нести такую ответственность за всю семью?! Конечно, ей давались указания, как и что делать, и все же... Разве мы в нормальных условиях могли бы доверить такое нашим детям и внукам? Как, оказывается, велики запасы наших сил и возможностей!

Каждый год мы, блокадники, встречаемся со школьниками, рассказываем им о страшных годах войны, о Ленинградской блокаде. Дети очень внимательно слушают наши рассказы, а потом дарят рисунки. Рисунки очень трогательные, чистые и честные. Дети хотят знать правду о прошлом. Эти рисунки - самый искренний рассказ о чувствах детей, отношении к прошлому своих дедушек и бабушек, к истории своей страны. Глядя в детские глаза, хочется верить, что они будут счастливы, на их долю никогда не выпадут те горькие испытания, которые достались нам. В этом им помогут наши рассказы о Ленинградской блокаде, о Дороге Жизни, о блокадном колючем хлебе, о городе, который мы спасали от врага, жертвуя собой.

1941 г. Балашова Люда (2 ряд, 5-я слева) закончила первый класс

ДЕМИДОВА (БАЛАШОВА) Людмила Алексеевна

24.10.1931 г.р.

В Ленинграде наша семья жила на улице Газовой, дом 4 квартира 6. Мама, Балашова Мария Степановна, папа, Балашов Алексей Никитич, сестра Вера, она была старше меня на два года. Когда началась война, я закончила первый класс. За два дня до начала войны у нас в семье родился брат Леня. Отца в армию не взяли по инвалидности. Когда начались авианалеты, мы через двор бежали в бомбоубежище. Я видела, как летят бомбы. Каждый день, когда мы ложились спать, вечером в 23 часа начиналась воздушная тревога. Хотелось спать, но нам было не до сна. Иногда мы вместе с соседями спускались в подъезд и дрожали от страха и холода. А утром ходили смотреть, куда упали бомбы. Дежурные были на чердаках, гасили зажигалки и фугасы. Особенно было жутко, когда

били зенитки по немецким самолетам.
Начались перебои с продуктами, мама с вечера уходила в магазин занимать очередь. Приходила чуть живая, иногда ни с чем. До войны мой отец работал на обувной фабрике "Скороход". В войну он ходил на работу, пока хватало сил, а когда сил не стало, остался дома. Меня часто отправляли в булочную за хлебом. Очередь надо было занимать в шесть часов утра. Однажды, когда подошла моя очередь, я подала продавцу пять хлебных карточек. Продавщица карточки взяла, три карточки бросила себе под ноги, и сказала, что у меня было только две карточки. Я стала протестовать, сказала, что мои карточки у нее под ногами, но она сделала вид, что их нет. Все, кто стоял за мной, стали кричать, меня вытолкнули из очереди. Дома все были в ужасе.
Через два месяца нас осталось трое. В марте 1942-го умер отец. Мы с мамой остались вдвоем. В школе занятий не было, мы ходили туда только на обеды. Давали кашу с горьким маслом, которую с трудом можно было есть. У меня стали плохо двигаться ноги, а потом и вообще я перестала ходить. Мама после смерти отца устроилась на работу в больницу санитаркой. Врач написала справку, чтобы меня положили в больницу. Мама отвезла меня в детскую больницу на Каменном острове. Там меня подлечили, и я стала заново учиться ходить. Мама начала хлопотать об эвакуации.
17 июля 1942 года мы сели в поезд, потом на грузовике добрались до Ладожского озера. Ночью нас погрузили на катер. Было холодно и страшно. Немцы временами освещали озеро прожекторами. Но до противоположного берега мы добрались благополучно. Потом в товарных вагонах нас повезли в Новосибирск. На остановках люди выходили из вагонов по нужде, но многие, не имея сил снова забраться в вагон, оставались на тех станциях.

ЕГОРКИНА (ГРОНСКАЯ)
Грона Александровна
04.10.1925 г.р.

В 1941 году я закончила 9 класс и поехала на каникулы из Ленинграда на остров Гогланд, где мой папа, подполковник медицинской службы, был начальником. На остров я приехала 19 июня, а уже через три дня началась война. 30 августа был оставлен город Таллин, все корабли с эвакуированными жителями шли в Кронштадт через наш остров. Корабли беспрестанно обстреливали и бомбили, они тонули, а людей подбирали те, что были на ходу. На острове Гогланд была остановка. Мы, оставшиеся на острове (семьи военнослужащих были эвакуированы), помогали людям, одевали их, кормили на камбузах супом, оказывали помощь раненым. Я вместе с папой работала в медсанбате.

После ухода последних кораблей в Кронштадт, немцы целые сутки бомбили наш остров. Мы прятались в расщелинах скал. На острове люди

оставались до ноября 1941 года. Нас вывезли в Кронштадт 13 ноября на тральщиках в сопровождении авиации. В Ленинград я приехала тогда, когда уже вовсю свирепствовал голод, мороз добирался до сорока градусов, город постоянно обстреливался, в домах ни света, ни воды, ни тепла. Чтобы согреть воды, вместо дров мы использовали книги из папиной медицинской библиотеки. Сестра и мама лежали, ходячая была только я. Рано утром я с соседкой ходила за хлебом. Надевала свое пальто, потом мамино. Как можно дальше прятала хлебные карточки. Варила студень из столярного клея. За водой ходили на Фонтанку, на саночках привозили чайничек. Нечистоты выливались прямо на улицы, по которым стаями шныряли огромные крысы. Сугробы возвышались до второго этажа. Люди умирали в таком положении, в каком их настигала смерть: сидя, лежа, стоя. Голод и холод были соучастниками. 21 февраля 1942 года умерла мама. Ее завернули в простыню и свезли в штабель покойников во двор больницы на Литейном проспекте. Маму потом похоронили на Пискаревском кладбище. Через несколько месяцев я стала работать в Таллинском Военно-морском госпитале № 2 Краснознаменного Балтийского флота, который располагался на 19-й линии Васильевского острова. В этом госпитале служила моя старшая сестра старшиной 2-й статьи медицинской службы. Работала я в бухгалтерии, но наравне со всеми мне приходилось принимать раненых, дежурить в отделении, а при больших поступлениях, особенно во время прорыва Ленинградской блокады, помогала в операционной. Когда раненые бойцы поступали в госпиталь без денежных и вещевых аттестатов, мне приходилось ползать по пластунски в их часть на передовую, доставать для них необходимые документы и вещи. Я жила на втором этаже, и однажды при артобстреле снаряд попал в третий этаж. В комнате вылетели все стекла,

пришлось окна заделывать фанерой, вставлять между рамами подушки и завешивать махровыми полотенцами. Когда пошли трамваи, случалось, что вражеские снаряды попадали прямо в вагон. Весной 1942 года все ленинградцы вышли на улицы убирать город от нечистот, разбирали завалы, находили на улицах и в опустевших квартирах покойников и хоронили их. Люди были голодными, больными, но никогда даже мысли не возникало, что город отдадут врагу.

ЭНЗЕЛЬ (Дунскус) Татьяна Николаевна

01. 07. 1923 г.р.

До войны я с мамой и двумя сестрами жила в Ораниенбауме. Все ораниенбаумцы, работавшие в Ленинграде, ездили на работу на поезде. Мама работала на заводе "Красный треугольник" в конце августа 1941 года, когда немцы уже окружали Ленинград, а в районе станций Лигово - Стрельна -

Петергоф был разбомблен последний поезд из Ораниенбаума. Все, кто остался в живых, кто пешком, кто ползком добирались до Ленинграда. Мама тоже ехала в этом поезде, она добралась до Ленинграда и смогла получить комнату на Фонтанке, дом 139, в квартире 23. Там проживали еще три семьи. Она передала нам с оказией весточку о себе и просила по возможности перебираться к ней.

В то время я работала в Гидрографическом отделе Краснознаменного Балтийского Флота ученицей-чертежницей, но наш отдел вскоре расформировали, вывезли все архивы.

В ленинградские госпитали через Финский залив на баржах стали перевозить раненых с Ораниенбаумского пятачка. Их возили по ночам, в полной темноте, под артобстрелами и авианалетами. В одну из таких барж взяли меня. Это была страшная незабываемая ночь. Раненые солдаты лежали на досках в два яруса. В темноте и суматохе меня приняли за медсестру. Раненые кричали от боли, холода и голода (перед посадкой на баржу их не кормили), просили сделать перевязку и дать лекарства, воды, хлеба... Ничего этого не было на барже. Весь свой хлеб, который по карточке получила на целый месяц, я раздала раненым. К утру благополучно добрались до Ленинграда. Началась разгрузка и отправка раненых по госпиталям. Неожиданно среди раненых я увидела своего жениха Самсона Гаспоряна, но в этой суматохе не смогла узнать, в какой госпиталь его отправили. У меня остался только ключ от ораниенбаумской квартиры, с которой я рассталась навсегда. Дома моего не стало. Разыскала на Фонтанке маму. Началась новая блокадная жизнь. Маму постоянно отправляли на рытье окопов, две недели работали, две недели отдыхали. Условия ужасные. Спали на соломе в сарае, тесно прижавшись друг к другу,

берегли драгоценное тепло. Скудное питание, сырость. Начался педикулез.

Через знакомых мне удалось устроиться на работу в отдел КБФ телеграфисткой. Это давало мне право получать 250-граммовую норму хлеба.

Город бомбили день и ночь, не умолкая, выли сирены тревожного оповещения. Улицы опустели, все, кто мог, эвакуировались. Со старшей сестрой помогали обессилевшим соседям распиливать на дрова мебель. На растопку буржуйки ушла богатейшая библиотека. Соседи - интеллигентные люди. Люся Дебуа заведовала отделом иностранной литературы в Публичной библиотеке на Невском проспекте, ее муж был инженером. Детей у них не было. Сначала у них пропал кот, его шкурку позже нашли во дворе. Потом умерла Люсина мама. Умершего мужа Люся целый месяц не выносила из комнаты, он так и пролежал в ее постели, почерневший от грязи и сажи скелет, обтянутый кожей. Если бы в домоуправлении узнали, что он умер, то у Люси отняли бы продуктовые карточки. Дворник вытащил труп из квартиры, за ноги стащил с лестницы во двор, там труп пролежал еще очень долго. По ночам дворники часто перекидывали трупы в соседние дворы, чтобы самим не приходилось везти их на склад трупов, которые были в каждом районе. Люся уже не плакала, у нее случилось умственное помешательство. Грязная, оборванная, подвязанная веревкой, на шее на веревке висел котелок, с которым она шла на службу, там в этот котелок ей наливали суп - дополнительный паек. Такой я ее запомнила навсегда.

Жильцы нашей квартиры стали дистрофиками. Из-за антисанитарии начались желудочные заболевания, постепенно все вымерли. Меня подкармливали на работе, офицеры старались от своего скудного пайка поделиться со мной хоть кусочком. Мне выдали ночной пропуск, появилась

ПРОПУСК № 0102

На право входа в здание по наб. Красного Флота № 38.

Фамилия Фуцискус

Имя и отчество Т. А.

Место работы Тех Упр. КБФ

Военный комендант

„31" декабря 1941 г.

возможность круглосуточно выходить в город. Сначала было страшно выходить ночью на улицу одной, натыкаясь в темноте на замерзшие трупы. Во время авианалетов часто загорались дома от зажигательных бомб, порой дежурные сбрасывали с крыш зажигалки прямо на улицу. Позже привыкла и к этому.

Постепенно силы стали покидать и меня. Однажды я отправилась на Сенной рынок, надеялась обменять единственные выходные туфли на хлеб или дуранду. В голодной рыночной толпе я потеряла сознание. Очнулась, когда уже стемнело. Людей на рынке почти не было. Туфель и хлеба, конечно, тоже не было. Я не могла определить, сколько времени пролежала без сознания на холоде на каких-то ящиках. К вечеру кое-как добралась домой. С этого дня на работу пойти сил уже не было.

Я слегла на несколько месяцев, превратилась в дистрофика последней стадии. Лежала в кровати одетая, укрытая всем, что только нашлось в квартире. Мысли все были только о еде и тепле.

Вспоминала, как с сестрой ходили на Обводный канал на мамину работу, собирали там резиновые отходы, которыми топили печку. В комнате стоял чад, но мы уже не обращали на него внимания. То, что можно было сварить какое-то подобие каши и

ДЕЙСТВИТЕЛЕН
по 1 Мая 1942 г.
Военный комендант
ПРОДЛЕН
по "—" 194 г.
Военный комендант
При утере пропуск не
За утерю виновные подвергаются взысканию как за грубое нарушение правил внутреннего распорядка.
Типогр. ВМИ НКВМФ Зак. 1484

поесть, было значительно важнее. Маме разрешили оставаться в ночную смену чистить в столовой котлы. Она сшила себе широкие штаны и в них выносила через проходную выскребленные из котлов пригарки каши. Эти пригарки мама упаковывала в марлю и прятала в широких штанинах. Если бы маму поймали, могли бы сразу уволить. А так у нас появилось дополнительное питание: пригарки разбавляли водой и кипятили, получалась жидкая кашица. Мама раскладывала ее по тарелкам, мы с сестрой тянули жребий, чтобы получить порцию по справедливости - всегда казалось, что в какой-то тарелке каши больше. Однажды, когда я уже долго не вставала, а в квартире уже все вымерли, на лестнице раздался топот солдатских сапог. Это меня нашел мой жених. Он опять был ранен и попал в госпиталь. Поправился, разыскал меня. Самсон и его два друга-армянина стали приходить к нам, приносили кусочки хлеба, остатки своей каши и от других больных. Они даже умудрялись приносить вязанки дров. Постепенно я стала вставать, даже выходить на улицу. Я очень стеснялась своего жениха - была такая грязная, худая, но Самсон не обращал на это внимания. Начался призыв в армию родившихся в 1922-23 годах. Мужчины почти все вымерли, а здоровые уже давно были на фронте.

Я получила повестку из Октябрьского военкомата с предписанием явиться с вещами. Мама отправилась вместе со мной в надежде, что меня, дистрофика, в армию не возьмут, но в военкомате сказали, чтобы мама отправлялась домой, что все призванные дистрофики, но на армейском пайке быстро поправятся. Мама заплакала и ушла. Меня определили в медсанроту 2-го батальона Октябрьского района, отправили в казармы на канале Грибоедова. Началась тяжелая служба в МПВО. Днем учились теориии медицины, военному делу, проходили строевую подготовку, другие военные науки и премудрости. По ночам спать почти не приходилось. Сразу же, как только начинались обстрелы и бомбежки, мы по тревоге в полном обмундировании, с носилками, бежали в очаги поражения, спасали раненых и пострадавших. Трудились до изнеможения.

Нас направляли на хозяйственные и уборочные работы. Мы даже собирали трупы и вывозили их на склад, откуда трупы потом перевозили на кладбища. Там же находился и наш склад хозяйственных принадлежностей, который нам приходилось охранять. Было жутко от такого соседства.

Мы выполняли любые работы: скалывали ломиками лед на мостовых и трамвайных линиях, когда пустили первые трамваи. Однажды, работая на Тучковом мосту, в день Николы-угодника, 21 декабря 1943 года, при тридцатиградусном морозе я и другие девушки обморозили ноги. В казарме, стаскивая сапоги, от страшной боли плакали горькими слезами всем отделением. Когда работали в районе Никольской церкви, забегали туда согреться. Молились у иконы Николая Чудотворца, просили скорейшего окончания войны, чтобы уцелели и выжили наши близкие. Гражданские люди смотрели на нас с жалостью. Когда открылась первая баня в Усачевом переулке, люди сутками

стояли в очереди, ночью сменяя друг друга, закутавшись в одеяла и всевозможное тряпье. Несмотря ни на что, у нас была художественная самодеятельность. Я танцевала в ансамбле, нас приглашали в госпитали к раненым, на корабли. Мы с радостью ходили туда, там нас хорошо кормили обедами и ужинами.

В медсанроте я познакомилась с Зоей Кобзевой. Она похоронила маму и брата, папа погиб на фронте. Потеряв квартиру в Пушкине, Зоя тоже была призвана в МПВО.

Однажды нас отправили на уборку урожая для ленинградцев на Карельский перешеек. Ехали в товарных вагонах. Финны ушли с этой территории еще осенью, а урожай остался. Мы жали серпом, вручную молотили зерно, выкапывали овощи. Нам, городским девчонкам, было непривычно выполнять сельхозработы. Но зато вволю наелись овощей. Мне не повезло, серпом я порезала палец до самой кости. Шрам виден до сих пор. Вдруг однажды ночью объявили тревогу и подъем. Командир роты сообщил, что в лесу обнаружены вооруженные финские "лесные братья". Нам выдали паек и приказали идти на станцию, которая находилась в 23 километрах. В полной темноте, соблюдая тишину, отправились. С дороги сворачивать нельзя, обочины были заминированы. К первому привалу ноги были стерты до костей. Вернулись в Ленинград.

Победа была встречена слезами радости и счастья. Когда нас демобилизовали, при замене военных билетов на паспорта обнаружили, что в паспортах стоят отметки с предписанием на работы по восстановлению города. Я попала на военно-санитарный поезд, мы развозили пленных немцев.

В 1947 году я вышла замуж за моряка и оказалась в Таллине, где вновь встретилась с Зоей Кобзевой, однополчанкой.

Самые дорогие мои военные награды - медаль "За оборону Ленинграда" и "МПВО 1941 - 45 г г.".

ГЕНДЕЛЕВИЧ
Эля Рафаиловна
22.09.1924 г.р.

Утром 22 июня 1941 года мы, студенты-медики, наслаждались теплом и солнцем, мечтали о каникулах и встрече с родными. Но в полдень сообщение о начале войны разрушило наши планы, изменило всю нашу жизнь.

Меня и моих подруг отправили под Лугу рыть окопы. Но недолго был полезен наш труд, немцы быстро приближались, мы вернулись в город.

В нашем общежитии произошли большие перемены, студентов-медиков призвали в армию. Я со своей подругой Соней Рисиной тоже отправилась в военкомат Володарского района с просьбой отправить нас на фронт, но там решили, что пользы от нас на фронте не будет, нам следует еще учиться. Мы обратились в Горздрав и нас направили на станцию Скорой помощи на Пушкинской улице, неподалеку от Невского проспекта. Мы заменили призванных в армию медбратьев и медсестер.

В первый день работы меня прикрепили к медбрату, мужчине средних лет, высокому, плотному, с седыми усами. Взглянув на меня, худенькую и невысокую девочку, с грустью сказал: как же ты сможешь поднимать раненых на носилках на второй этаж машины скорой помощи? А ведь тогда голода еще не было, мы даже представить себе не могли, что ждало нас впереди.

В конце первого дня работы старший товарищ меня даже похвалил. Правда, непривычно долгое катание на машине и напряженный труд меня сильно измотали, я с трудом добралась до дома. Но вскоре пришли новые трудности и испытания. Было уничтожено городское продовольствие на

Бадаевских складах, начались постоянные артиллерийские обстрелы города. Скорая помощь оказалась на переднем крае. Машины выезжали туда, где было жарко, где были раненые и убитые. Мы оказывали раненым первую медицинскую помощь, развозили их по госпиталям. Было трудно, но мы знали, что трудно всем.

Продовольственные нормы резко сокращались, уходили силы. Мужчины не выдерживали голод, и нам, женщинам, приходилось дежурить по нескольку суток. В день дежурства нам выдавались кое-какие продукты. Однажды я дежурила двое суток подряд (такое случалось часто), меня попросили остаться дежурить на третьи сутки. Я почему-то не согласилась. Машина, на которой я дежурила, с другой бригадой отправилась на вызов и попала под обстрел. Все погибли.

Голод нарастал. Бомбежки и обстрелы продолжались. Усиливались морозы. Мы слабели. Начиналась цинга и острая дистрофия. На Скорой помощи продолжали работать одни женщины. На работу с Кирилловской улицы на Пушкинскую я ходила пешком в рваных валенках. Помимо выездов на участки обстрелов и бомбежек, мы выезжали на вызовы к ослабленным людям. Во дворе больницы лежали штабеля трупов. От всего этого можно было сойти с ума, но голод был сильнее, он отуплял, к трупам относились с безразличием.

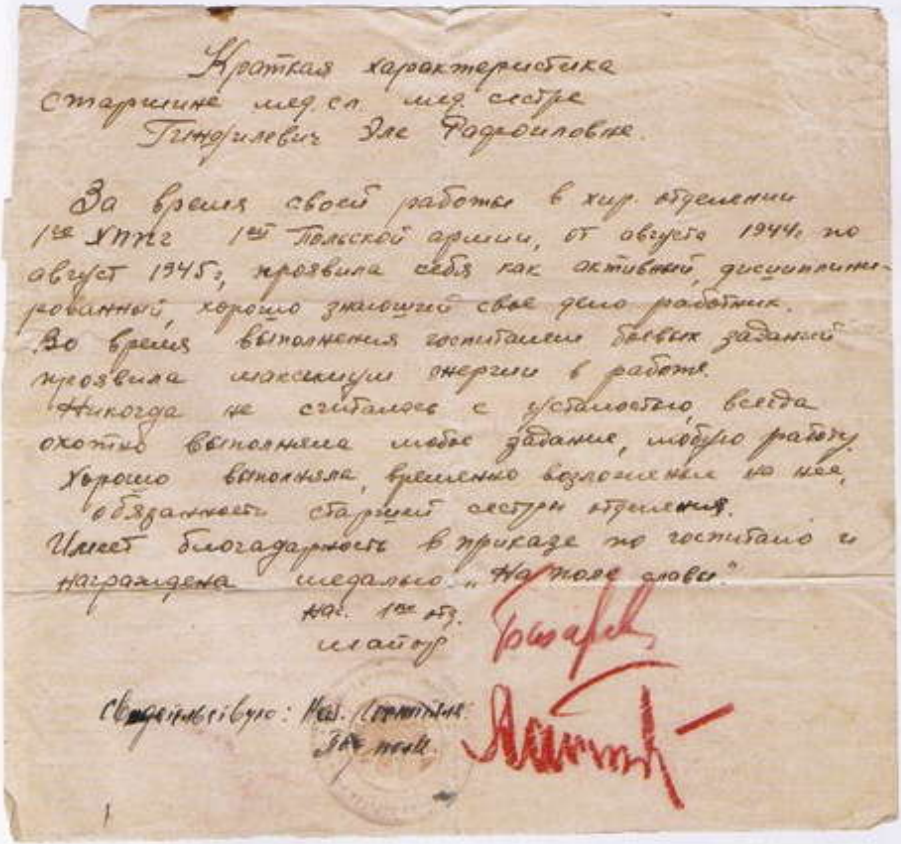
В конце марта 1942 года мой организм все-таки не выдержал. В очереди за хлебом в магазине на Мытнинской улице я упала в обморок. Хлебную карточку я держала в руке, к счастью, у меня ее не украли, и я дожила до конца месяца.

18 апреля наш 2-й Медицинский институт эвакуировали в Пятигорск. Добирались долго. В Пятигорске нас впервые за долгое время пути накормили горячим супом. Это было чудо!

Разместили нас в домах местных жителей.

Я с Соней Рисиной жила недалеко от горы Машук. Наша хозяйка относилась к нам с пониманием. Нас направили работать в госпиталь, а две наши подруги были в ополчении Пятигорска. Работа с ранеными была нам привычна, мы относились к ней со всей душой.

Однажды меня с группой выздоравливающих направили на сенокос под Ессентуки. 7 августа к нам прибежал человек и сказал, что немцы подходят к Пятигорску. В город мы успели приехать с последней электричкой. Были эвакуированы больные и раненые. Но было неспокойно и страшно, потому что из тюрем выпустили заключенных.



Краткая характеристика
старшине мед. сл. мед. сестре
Гинзбулевич Эле Федосеевне.

За время своей работы в хир. отделении
1-го УПТГ 1-й Польской армии, от августа 1944 по
август 1945, проявила себя как активная, дисциплини-
рованная, хорошо знающая свое дело работница.
Во время выполнения госпиталем боевых заданий
проявила максимум энергии в работе.
Никогда не сгибалась с усталостью всегда
охотно выполняла любое задание, любую работу.
Хорошо выполняла временно возложенные на нее
обязанности старшей сестры отделения.
Имеет благодарность в приказе по госпиталю и
награждена медалью „За боевые заслуги".
нач. 1-го отд.
майор

Свидетельствую: Нач. [illegible]
Зам. нач.

WOJSKO POLSKIE

Tymczasowe zaświadczenie Nr 30833

Okaziciel niniejszego sierżant Gendelewicz Ela
c. Rafaela
(imiona, nazwisko, stan., bliże ozna)
odznaczony Rozkazem Personalnym Dowódcy 1 Armii
(nazwa kto nadawał)
Nr. ? Nr 0194 z „28" czerwca 1945 r.

ZA BOHATERSKIE CZYNY I DZIELNE ZACHOWANIE SIĘ W WALCE Z NIEMIECKIM NAJEŹDŹCĄ

Orderem, medalem Bronzowy medal „Zasłużonym na Polu Chwały"

Szef 5 Wydziału Departamentu Nr 3.
Podpis wręczającego:
Zajmowane stanowisko i stopień

M. p. „17" sierpnia 1945 r.

Wacław
Wacław
ppłk.

Naczelny Dowódca Wojska Polskiego
gen. broni Rola-Żymierski
W IMIENIU SŁUŻBY

Śmierć niemieckim najeźdźcom!

wyraził Wam St. sierż. Gendelewicz Ela rozkazem № 71 z dn. 17.4.45

p o d z i ę k o w a n i e

za Wasz udział w bohaterskim stoczeniu przez jednostki 1-ej Armii W. P. nad rzeką ODRĄ, w przełamaniu jej pasa przed granicę Odradzającego Państwa Polskiego na terytorium Niemiec. Jednostki 1-ej Armii W.P. zasłużyły sobie na uznanie i miłość całego Narodu.

Kwitnijące dla swych świętych uroczyst. Wy, bł[illegible] Imienia Bog. wywalili pierwsze palenie niemi ojczyźnie, a zwycięskie sztandary [illegible] polskich rąk — Wisłę, wyzwolili Warszawę, przywrócili Narodowy odwieczne polskie ziemie nad Bałtykiem. — Dziś wolności [illegible] nowe laury do wieńca narodowej chwały. Wolność całym światu [illegible] swoją wiernością sprawie demokracji, wraz z Krajową Radą Narodową i Rządem Tymczasowym Rzeczypospolitej Polskiej, który powstał Narodu od zwycięstwa do zwycięstwa i kładzie podwaliny pod rozkwitowe życie Polski. Współdziałając z najsilniejszą Armią Czerwoną nie osłabiając [illegible] o krok jej bohaterskim żołnierzom [illegible] zadających wrogowi ostateczne, decydujące ciosy.

Z-ca Dowódcy do spraw pol.-wych.
/-/ Ryterski płk. dypl.

Szef Sł. Ruchom. Dowódca
Stanisławski Kapitała Polowego
pplk.

Я отправилась к месту своего проживания, где меня уже искала близкая подруга Соня Рисина, которая была в ополчении. Мы отправились в ее расположение. 8 августа немцы уже входили в Пятигорск со стороны Лермонтовского проезда, а ополченцы вместе с курсантами школы лейтенантов отступали со стороны Подкумка. Многие из них погибли. Отступление было страшное. Мы дошли до Дагестана, где добровольно вошли в состав действующей армии. Войну я закончила в мае 1945 года в Берлине, в составе Польской дивизии, которая находилась в оперативном подчинении командующего 1-го Белорусского фронта.

Р. С. Ф. С. Р.

Отдел Здравоохранения
Ленинградского Совета

СКОРАЯ ПОМОЩЬ
и
САНИТАРНЫЙ ТРАНСПОРТ

№ 56

25 января 1942 г.

АДРЕС:
Улица Пролеткульта, № 1
Тел. — Комм. Скорой Помощи
Ком 114

Удостоверение

Дано Гендельман

Эльке Рафаиловне — в том, что

он состоял на службе в Скорой Помощи и Санитранспорте в должности медсестра.

с 4го июля 1941 г.

по 18е апреля 1942 г.

Выдано для предоставления

по месту работы.

Главврач

Зав. канц

Гатч. гор. тип. зак. 888 т. 2000

ЗИМИНА
Лидия
1943 г.
Ленинград

ГЛЕБОВА (Зимина) Лидия Николаевна

Как страшный сон, вспоминаются те ужасные дни, месяцы, годы, которые пришлось пережить нашему поколению, когда фашисты бомбили, обстреливали, превращали в руины наши прекрасные города. Они лишили нас счастливого детства и юности.

Война застала меня в детском доме, где я воспитывалась с шести лет. Детский дом имени

В.Чкалова под Москвой - самое светлое воспоминание моей жизни.

22 июня 1941 года, в чудесное солнечное утро, мы готовились к открытию пионерского лагеря, приводили в порядок территорию. Но надежды на прекрасное лето и отдых были прерваны страшным сообщением из репродукторов о начале войны.

Вся страна поднялась на защиту своей Родины, великий патриотизм охватил всех. Мы, воспитанники детского дома, не оставались в стороне, большинство из нас добровольцами пошли в армию. Я написала в военкомат такое заявление: "У меня нет родителей, но у меня есть Родина-Мать, которая меня воспитала, и я готова отдать за нее свою жизнь". Сразу в армию меня не взяли, оставили до особого вызова. А пока я днем работала на военном заводе, ночью дежурила в госпитале, ухаживала за ранеными. Принимала участие в строительстве оборонительного укрепления под Москвой - Кунцевская полоса.

Многие наши мальчики погибли в первые дни войны, и лежат они теперь в безымянных могилах. Прискорбно сознавать, что во многих местах, где сражались и погибли юные мальчики, загасили Вечный огонь, куда приходили поклониться люди, пережившие ужасы войны и оставшиеся в живых.

В сентябре 1942 года меня направили на учебу в Военно-Морскую школу при Московском флотском экипаже, которую я с отличием закончила в марте 1943 года по специальности радист. Направили меня на Ленинградский фронт. Город еще спал тревожным военным сном, а мы, группа девушек-морячек, строем с песней: "Прости, прощай, Москва моя родная, На бой с врагами уезжаю я", - покидали Москву.

Путь до Ленинграда был трудным, десять суток мы добирались до него. Через Вологду, через горящие после фашистских авианалетов Волховстрой и Тихвин, и, наконец, деревня Новые Кобоны,

на берегу Ладожского озера. До Ленинграда еще далеко, путь лежит через Дорогу Жизни. Озеро заминировано. Трое суток мы ждали катер. Сухой паек закончился. Остатки каши из концентратов мы выгребали ложками из котелков и запивали водой из озера, а там... плавали трупы. Это мы увидели позднее.

Катер пришел ночью. Под покровом ночи мы пробивались в Ленинград. Советские войска готовились к большому наступлению, поэтому на катере было столько солдат, что невозможно было повернуться. Удивительно, как катер не затонул. Командир катера приказал, чтобы на борт первыми поднялись девушки-морячки, а потом, сколько возможно, солдаты. Всех предупредили: в случае авианалета - никакой паники. Еще на катер погрузили мешки с сахаром для ленинградских детей.

Через озеро переправлялись в кромешной темноте, потом шли по лесу. На всякий случай приготовили перочинные ножички - вдруг придется столкнуться с немцами. Сейчас это выглядит смешно, но тогда нам было не до шуток. Ленинград встретил нас мертвой тишиной. Нас повели в санпропускник, порядок соблюдался во всем. Представляете картину: двадцать девушек, совершенно голеньких, идут в баню, а ведет их мужчина. Мы все были в ужасе. Но что делать: солдат есть солдат. Потом мы строем шли по пустынной улице Урицкого (теперь и раньше - Дворцовая площадь) и пели песню, услышанную нами в Новых Кобонах от девушек-регулировщиц:

Сквозь бури, штормы, через все преграды,
Ты, песнь о Ладоге, лети.
Дорога здесь пробита сквозь блокаду,
Другой дороги не найти.
Эх, Ладога, родная Ладога,
Метели, штормы, грозная волна.
Недаром Ладога родная
ДОРОГОЙ ЖИЗНИ названа.

Целый месяц я находилась в экипаже Балтийского флота, ждала назначения в часть. Фашисты бомбили Ленинград днем и ночью, казалось, воздушным тревогам не будет конца никогда. Наконец, я получила назначение в штаб дивизии ПВО Краснознаменного Балтийского флота в качестве радиста на мощную передвижную радиостанцию 11-АК, где прослужила до конца войны. Штаб дивизии находился в Лесном, а радиостанция на территории Петропавловской крепости. На радиостанции служили одни мальчики 1917 - 21 годов рождения. Встретили меня без особого восторга: "Эрзац прибыл"... Но вскоре все сдружились, я несла вахту наравне со всеми. Однажды мальчики поехали все в штаб, а я осталась на вахте. В это время начался ужасный артобстрел, большинство снарядов летело на Петропавловскую крепость. Снаряды и осколки летели у меня над головой, я вся сжалась в комок. Меня предупреждали о том, что не надо бояться свистящего снаряда, а тот, который предназначен тебе, прилетит бесшумно.

Задача нашей радиостанции - держать связь с кораблями, которые находились в море и на Неве, а также с артиллерийскими полками. Однажды ночью я шла на смену. Вдруг все небо осветилось ярким светом: это немецкие стервятники включили осветительные лампы, чтобы при их свете было удобнее бомбить город. Днем, в определенное время, начинался артиллерийский обстрел.

Люди, выстоявшие страшную блокаду и оставшиеся в живых, военные, все были высокодисциплинированны. Строго выполняли предупреждения властей об укрытии в безопасных местах при обстрелах.

По молодости лет мы были какие-то бесстрашные, готовые в любой час встать на защиту родного города, с огромным чувством патриотизма. Фронт готовился к наступлению, стали реже артобстрелы

СЛУЖЕБНАЯ КНИЖКА КРАСНОФЛОТЦА

Воинское звание Старший краснофлотец

Фамилия Зимина

Имя и отчество Лидия Николаевна

Специальность Радиотелеграфист

Боевой номер (личный)

Удостоверение участника войны ВРУЧЕНО

— 2 —

Собственноручная подпись владельца книжки Зимина

Наименование корабля (части), (подразделения) Упр. ПВО КБФ

Подпись командира (начальника) штаба (части, подразделения)

10 октября 1945 г.

Удостоверение участника войны ВРУЧЕНО

Тип. «Вр. Печатник». Ленинград, Международный 75а. ГМ 14505. Заказ № 1428.

— 3 —

ТЕКСТ ВОЕННОЙ ПРИСЯГИ

„Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянского Военно-Морского Флота, принимаю присягу и торжественно клянусь быть ЧЕСТНЫМ, ХРАБРЫМ, ДИСЦИПЛИНИРОВАННЫМ, БДИТЕЛЬНЫМ БОЙЦОМ, СТРОГО ХРАНИТЬ ВОЕННУЮ И ГОСУДАРСТВЕННУЮ ТАЙНУ, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины — Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянского Военно-Морского Флота, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся".

Военное звание Ст. краснофлотец Зимина (подпись)

„18" октября 1945 г.

Корабль (часть) Воен. школа при УПВ (где принята присяга)

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Объединенная школа при Московском Флотском Экипаже настоящим свидетельствует, что Зимина Лидия Николаевна окончила теоретический курс школы в объеме программы рядового специалиста радиста и выпущена по первому разряду, выполнила все требования, предъявленные программами по нижеследующим предметам:

1.	Прием на слух	„отлично"
2.	Передача на ключе	„отлично"
3.	Электротехника	„отлично"
4.	Радиотехника	„отлично"
5.	Организация связи	„отлично"
6.	Материальная часть	„отлично"
7.	Строевая подготовка	„отлично"
8.	Стрелковая подготовка	„отлично"
9.	Санитарно-Эпидемическое дело	„отлично"
10.	Военно-Морское дело	„отлично"
11.	Дисциплина.	„отлично"

Вышеизложенное подписями с приложением печати удостоверяется.

Основание: Акт комиссии № 4 от 26 марта 1943 г., утвержденный Начальником Управления подготовки и комплектования ВМФ.

Начальник Объединенной школы при Московском Флотском Экипаже подполковник [redacted]

26 марта 1943 г. (Брежнев)

№ 59.

Типография УВШХС ВМФ. Зак. 2547

ПРИКАЗ

Командующего Военно-Воздушными Силами Краснознаменного Балтийского Флота

№ 32 19 мая 1945 г.

ОТ ИМЕНИ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР, ЗА ОБРАЗЦОВОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ БОЕВЫХ ЗАДАНИЙ КОМАНДОВАНИЯ НА ФРОНТЕ БОРЬБЫ С НЕМЕЦКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ И ПРОЯВЛЕННЫЕ ПРИ ЭТОМ ДОБЛЕСТЬ И МУЖЕСТВО, — НАГРАЖДАЮ:

Орденом ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ВТОРОЙ СТЕПЕНИ

Старшего техника-лейтенанта **Петрова** Александра Яковлевича

Орденом КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

Старшего техника-лейтенанта **Благовещенского** Владимира Петровича
Старшего сержанта **Васенина** Ивана Дмитриевича
Старшего лейтенанта **Гонзаль** Георгия Антоновича
Лейтенанта **Жихарева** Виктора Алексеевича
Старшего сержанта **Мартинсон** Александра Федоровича
Старшину **Мирова** Николая Николаевича
Старшего сержанта **Михаленко** Ивана Сергеевича
Старшину **Николаевского** Льва Марковича
Капитана **Сырма** Павла Леонтьевича
Старшего лейтенанта медицинской службы **Терешечкина** Федора Алексеевича
Младшего техника-лейтенанта **Тимофеева** Николая Александровича
Капитана **Трофимова** Александра Гавриловича
Старшего сержанта **Черный** Ивана Митрофановича

Медалью «ЗА ОТВАГУ»

Старшего сержанта **Ильина** Василия Степановича

Медалью «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ»

Младшего сержанта **Бакмулина** Абубек Муллановича
Сержанта **Богданова** Михаила Германовича
Старшину **Боронцова** Михаила Архиповича
Главного старшину **Гавриленко** Николая Федоровича
Сержанта **Гухова** Михаила Ивановича
Сержанта **Георгиева** Виктора Александровича
Краснофлотца **Зенгаль** Константина Алексеевича
Старшего краснофлотца **Зимаку** Дидиро Николаевич
Старшего краснофлотца **Иванова** Ивана Ивановича
Старшину **Кайланова** Ивана Андреевича
Младшего сержанта **Каменченкова** Николая Афанасьевича
Старшего краснофлотца **Карпаченко** Ивана Михайловича
Младшего сержанта **Колпакова** Василия Павловича
Старшего краснофлотца **Корнетова** Михаила Александровича
Младшего сержанта **Косаковича** Вячеслава Станиславовича
Сержанта **Кравец** Семена Ивановича
Сержанта **Кузнецова** Виктора Васильевича
Старшего сержанта **Левина** Николая Алексеевича
Сержанта **Михайлова** Евгения Дмитриевича
Младшего сержанта **Михалева** Сергея Васильевича
Краснофлотца **Моргунова** Николая Ивановича
Младшего сержанта **Рагузова** Владимира Георгиевича
Старшего сержанта **Трифонова** Николая Семеновича
Младшего сержанта **Черняховского** Виктора Петровича
Младшего сержанта **Чиркова** Василия Николаевича
Старшего сержанта **Шалберова** Алексея Васильевича
Младшего сержанта **Шишова** Федора Устиновича

Командующий ВВС КБФ генерал-полковник авиации М. САМОХИН

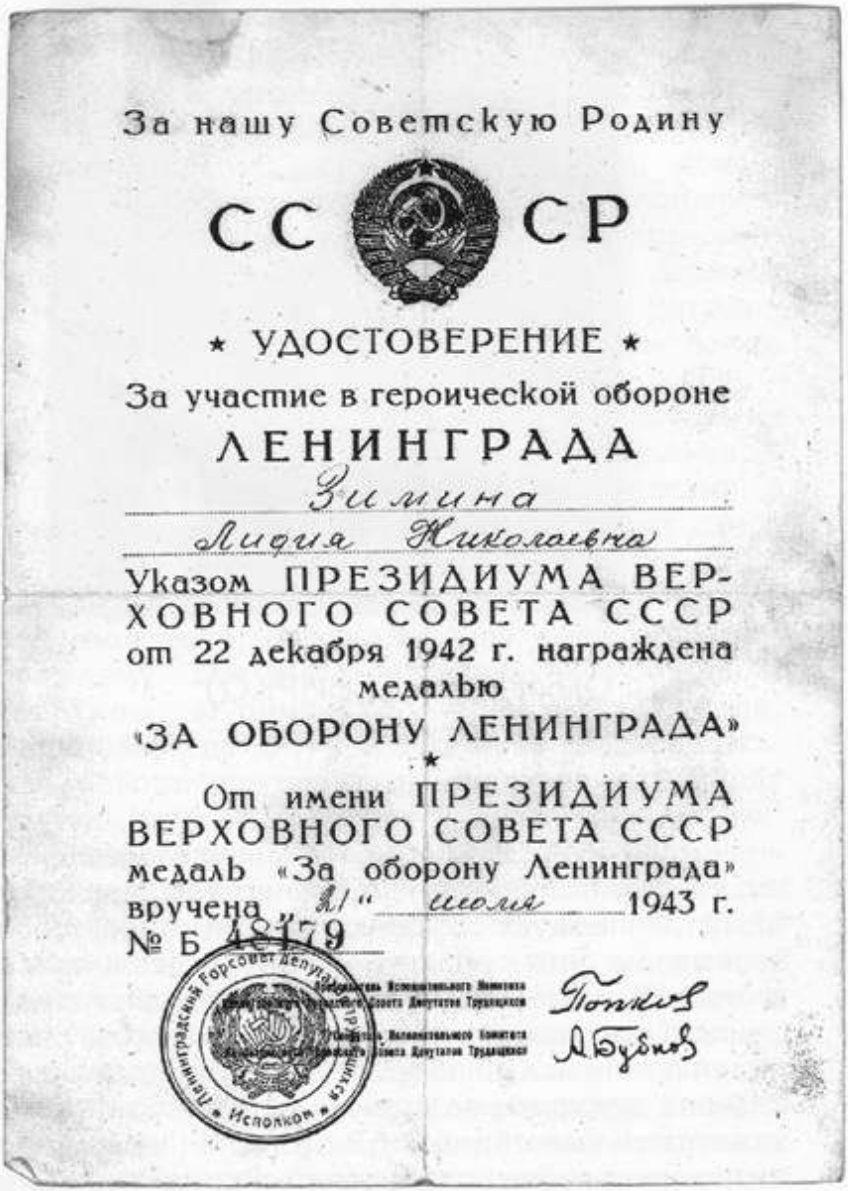
Начальник штаба ВВС КБФ генерал-майор авиации В. СМИРНОВ

и авианалеты, а вскоре артобстрелы прекратились вообще. Наших мальчиков заменили прибывшие из Кронштадта девушки. После довольно долгой тишины, после прекращения артобстрелов залпы зениток с легендарной Авроры сначала испугали, но какая у всех была радость, когда сообщили, что это - салют в честь полного снятия Ленинградской блокады!

Весь израненный, голодный, холодный, город не сдался врагу! Фашисты готовились к проведению своего победного бала в гостинице "Астория", но мужество и патриотизм ленинградцев сорвали все планы гитлеровцев.

Моя служба в армии закончилась в ноябре 1945 года. Я имею много наград, но самые дорогие для меня - медали "За оборону Ленинграда"

и "За победу над Германией". Я очень хочу верить, что те испытания, которые выпали на долю нашего поколения, не сотрутся из памяти, не будут забыты люди, которые не щадили своих молодых жизней, отстояли Ленинград, свою страну.



За нашу Советскую Родину

СССР

★ УДОСТОВЕРЕНИЕ ★

За участие в героической обороне

ЛЕНИНГРАДА

Зимина

Лидия Николаевна

Указом ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 22 декабря 1942 г. награждена медалью

«ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА»

★

От имени ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР медаль «За оборону Ленинграда» вручена "21" июля 1943 г.

№ Б 48179

Ленинградский Горсовет Депутатов Трудящихся • Исполком •

Председатель Исполнительного Комитета Ленинградского Городского Совета Депутатов Трудящихся Попков

Секретарь Исполнительного Комитета Ленинградского Городского Совета Депутатов Трудящихся А. Бубнов

СВИРКО
Зоя
1944 г.

ГОЛИЦЫНА (СВИРКО)
Зоя Петровна

06.11.1924 г.р

В июне 1941 года я заканчивала учебный год в швейном техникуме в Ленинграде. Мне было 17 лет. Младшую сестренку успели отправить в деревню на лето к родственникам, когда началась война. С началом первых обстрелов города фашистской авиацией мы, молодежь, сразу же подключились к оборонным мероприятиям. Сначала дежурили на крышах домов, сбрасывали зажигательные бомбы. В начале июля нас направили в район Котлов копать противотанковые

рвы. Еще по дороге попали под обстрел вражеской авиации. Помню, с нами в эшелоне ехали ребята из ремесленного училища, и один мальчик во время налета сильным пинком столкнул меня с насыпи. Это меня спасло. Я даже не увидела лица этого мальчика, но до сих пор благодарна ему.

Из города мы выехали в разгар лета, легко одетые, без запаса теплых вещей и обуви. Работа тяжелая, весь быт располагался в лесу. Спали в шалашах на еловых ветках. Когда немцы стали приближаться к Котлам, пешком отправились в город, домой. Пробирались осторожно, но все равно попали в окружение. Я помнила папины слова, с которыми он провожал меня на рытье окопов: "Зоя, держись Ветрова, не отходи от него ни на шаг!". Ветров - наш завуч. Я забыла его имя. Он потом погиб, погибла при авианалете и вся его семья.

Когда вернулись в Ленинград, родители сначала не узнали меня, я была исхудавшая, оборванная, в истрепанной обуви, с запутавшимися волосами. В Ленинграде уже началась блокада. Окна домов были заклеены крест-накрест бумажными лентами, на нижних этажах заставлены мешками с песком. Нам, молодежи, работы хватало ежедневно: по-прежнему дежурили на крышах, обходили квартиры в поисках умерших от голода, осиротевших детей. Учеба в техникуме прервалась. Папа работал, но голод его не пощадил, в 1942 году он умер. Мама долго болела, умерла от дистрофии.

За водой ходили на Фонтанку. Зима была очень холодной. Мороз сковал все. Достать воду из проруби было неимоверно трудно. Я была маленькая, щупленькая, но мне удавалось зачерпывать воду, и очень часто люди говорили мне: "Доченька, дай Бог, чтобы ты выжила!".

Наша квартира находилась на первом этаже. Рядом до войны была булочная (ленинградцы говорят "булошная"). После смерти родителей я осталась в квартире одна, но мое одиночество стали

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 254

Выдано тов. Галициной З.П.

ВЕТЕРАНУ ОБОРОНЫ
г. Ленинграда в годы
Великой Отечественной Войны
1941—1945 гг.,
и за участие в восстановлении
коммунального хозяйства
города.

ВЕТЕРАНУ Краснознаменной МПВО г. ЛЕНИНГРАДА

Председатель Совета Ветеранов МПВО ГО

Секретарь

разделять голодные, нахальные крысы с длинными хвостами. Ужас! Мне было страшно! Я не знала, куда себя девать. Несколько раз я отбивалась от них, но однажды все-таки крыса укусила меня за ухо. В отчаянии я пошла в военкомат, стала проситься в армию. Мне отказывали трижды, но потом я заплакала и рассказала о крысах. Через месяц мне пришла спасительная повестка: меня взяли в армию.

Наша часть располагалась внутри блокадного города. Это была МПВО. В наши обязанности входило дежурство на вышках и слежение за передвижением вражеской авиации. Маршруты мы заносили на карту и передавали в штаб. Дежурили на улицах, помогали спасать раненых из-под обломков зданий, расчищали завалы.

Когда блокада была прорвана, меня направили на восстановительные работы в Ленстрой на Лиговке. Я работала штукатуром. Группа девочек из нашей части осталась служить в действующей армии, они разминировали дорогу по направлению к Таллину. Одна девочка погибла.

Ленинградцы удивительные люди. Несмотря на голод, холод, смерть, ужасы, они всегда стремились помогать тем, кому труднее. Поэтому город выстоял.

ГУЩИН Дима
второй справа
в первом ряду

ГУЩИН
Дмитрий Федорович
28.11.1932 г.р.

О блокадных днях Ленинграда вспоминать очень нелегко. С каждым годом людей, переживших это тяжелое время, становится все меньше и меньше.

Наша семья Гущиных до начала войны состояла из шести человек. Отец Федор Дмитриевич мастер цеха. Мама Мария Ниловна кладовщица кондитерской фабрики им. Микояна. Брат Борис,

сестра Лидия, бабушка Авдотья и я - Дмитрий. В 1940 году отец погиб в автокатастрофе. Брат заканчивал десятый, сестра пятый, а я первый класс. Сразу после окончания школы брата призвали в армию. Кормилицей в семье осталась одна мама, и тем, что выжили, мы обязаны только ей. До войны мы жили в небольшом деревянном кооперативном доме в окружении лесного массива. Место это называлось Сосновка. И без того в очень непростую нашу жизнь ворвалась война. По радио выступил первый секретарь Ленинградского обкома партии, он обнадеживал нас, ленинградцев, что на случай затяжной войны город будет обеспечен продовольствием как минимум на три года. Но немецкая авиация разбомбила Бадаевские склады, которые горели так, что даже ночью в городе было светло, как днем, и в первый же год блокады отсутствие продовольствия унесло многие сотни тысяч человеческих жизней. Наш небольшой поселок готовился к возможным авианалетам и артобстрелам. Вырыли блиндажи человек на пятнадцать, отнесли туда запасы продовольствия, но очень скоро они исчезли. Нашу семью постоянно навещал участковый милиционер, напоминая нам о необходимости эвакуироваться вместе со всеми на Восток. На это наша мама всегда отвечала категорическим отказом, она не видела смысла в отъезде в никуда. Так мы остались в Ленинграде. Голод начался мгновенно. Фабрику, где трудилась мама, закрыли, а рабочих и служащих отправили под Ленинград рыть окопы и строить оборонительные сооружения. Я и четырнадцатилетняя сестра остались одни, встретили голод и холод под обстрелами и бомбежками. Иногда маме удавалось вырваться к нам на денек. К нашей радости, она приносила чечевицу от своего обеда. Из этой чечевицы мы повторно варили суп. Подкармливал нас и лес. Под корой сосны имеется тонкая белая пленка, которая

бывает съедобной только зимой, так как не выделяет горького сока. Мы сдирали эту пленку, пропускали через мясорубку, смешивали с олифой и жарили витаминные котлеты. Из веток сосны делали отвар и пили его вместо чая. Это спасало нас от цинги. Сучья деревьев использовали вместо дров, согревали свою комнату. Иногда брали санки и за семь километров, пешком, отправлялись на поле в район Черной Речки за гнилой картошкой, извлекая ее из промерзшей земли.

В 1942 году наш дом пошел на снос, его разобрали на дрова по распоряжению властей. Мы погрузили свой скарб на тележку и отправились искать новое жилье, ближе к центру города. Выбор был велик, люди умирали тысячами, пустовали целые кварталы. Нашли квартиру в Нейшлотском переулке. В доме было около 120 квартир, но жило в нем всего четыре семьи. Остальные квартиры со всей домашней обстановкой были без хозяев, двери открыты настеж. Оценив вероятность прямого попадания снарядов при артобстрелах, мы выбрали квартиру на первом этаже, защищенную стеной с запада, откуда была прямая угроза. Немецкие дальнобойные орудия били прямой наводкой с Пулковских высот, откуда хорошо просматривался осажденный город. Только в наш дом угодило четыре бомбы, не считая множества снарядов. Бывали дни, когда из-за обстрелов мы не выходили из дома по трое суток, а выйдя, не узнавали свой переулок, покрытый красной кирпичной пылью. Появились и новые трудности: воду приходилось таскать из Невы, не было дров. Жгли мебель. Вспоминали родную Сосновку, где дров было достаточно.

В шестнадцать лет сестра устроилась работать у станка на заводе. В условиях блокады помогали выжить и скромные золотые украшения, сохранившиеся у мамы. Например, крупное обручальное кольцо мы выменяли на буханку хлеба. Выжили.

ИВАНОВ
Анатолий Викторович
30.09.1932 г.р.

О Ленинградской блокаде написано очень много книг, снято много фильмов. В подавляющем большинстве - все правдиво. Чувствуешь, что писали люди, побывавшие сами в блокадном кольце. Справедливости ради надо заметить, что есть и не отличающиеся знанием темы статьи и книги - полуправда, лакировка, приукрашивание и излишний пафос. Тема блокады Ленинграда, по-моему, раскрыта всеобъемлюще и достаточно полно и в нашей, и в зарубежной литературе. Наша цель - вспомнить и описать факты, что-то свое, личное, что каждый блокадник навсегда запомнил, и поделиться этими воспоминаниями с нынешним поколением и со своими сверстниками.

Кольцо блокады замкнулось 8 сентября 1941 года. Мои впечатления - это впечатления девятилетнего подростка, они отражены с "высоты" того возраста.

В первые дни и недели было и страшно, и интересно. Собирали осколки от бомб и снарядов. Со временем научились довольно ловко тушить зажигательные бомбы. При объявлении авианалетов прятались в бомбоубежищах. Безошибочно определяли тип бомбардировщиков по звуку моторов: "Хейнкель", "Мессершмидт".
Но время шло, нормы хлеба становились все меньше и меньше, и настал день, когда свист бомб, звук разрыва снарядов от артобстрелов, попытка спрятаться в убежищах - все вдруг исчезло, или отошло на задний план. Впереди обозначился страшный по своей сути и глубине голод! Кто этого не пережил, тот с трудом поймет. Можно только кратко уточнить, что все, или почти все чувства отошли, отодвинулись, исчезли. Только найти, откопать, достать что-нибудь поесть! Притупились даже родственные чувства, не осталось страха перед бомбами и снарядами. В голове одна мысль - поесть! Нет внимания к мерзлым трупам, мало внимания даже к холоду, к отсутствию воды и электричества, к засыпанным снегом трамваям. Еда!... На Невском проспекте, недалеко от "Елисеевского" магазина, идет женщина, только что "отоварившая" карточки - 125 граммов хлеба, который и хлебом-то назвать нельзя, и совсем немного других продуктов. Навстречу женщине - солдатик. Он вырывает из ее рук хлеб и, не обращая никакого внимания на людей, которые стали его бить, скорее, скорее торопится его съесть, пока не потерял сознание от побоев. А женщина кричит толпе разгневанных горожан: "Не смейте его бить! Это мой хлеб, пусть он его съест!".
До сих пор не переношу запах столярного клея. Уверен, что не я один. У кого этот клей был, те варили из него "студень". Что это за еда? Пусть вспомнят те, кто был вынужден его есть, я не могу.
С 11 февраля 1942 года норма хлеба была увеличена вдвое благодаря знаменитой Дороге

Жизни - Ладоге. Но, истощенные до крайности, люди продолжали умирать от голода. Немного легче стало весной, когда появилась надежда на огороды, когда хотя бы холод на время отступил. А когда растаял снег и появилась грязь, одно событие, свидетелем которого я невольно стал, осталось у меня в памяти, и, наверное, уже никогда не сотрется.

... Молодая женщина, одетая в хорошую шубу, сидела в грязной яме, брала горстями жидкую грязь и жадно ее поедала. Чем это ей казалось? Что именно она ела? Что говорил ее помутившийся рассудок - никому не узнать. Но глаза ее светились таким счастьем, таким блаженством, что описать это состояние словами невозможно! Сейчас мне кажется, что за всю свою жизнь я у нормальных людей не видел выражения такого глубокого счастья. Именно счастья, а не удовольствия насыщением.

Много раз я видел, как немецкие летчики, отбомбившие по целям, возвращаясь на свои аэродромы, снижались до предельной высоты и прицельно стреляли из пулеметов по подросткам и женщинам у магазинов, по рыскавшим в замерзших огородах пацанам, искавшим хоть кочерыжку или забытую картофелину, по всему живому, лишь бы только убить - такие вот были "асы"!

Но обернулось все странным образом. Истинно сказано: "Да воздастся каждому по делам его". Подобные акции не вызывали у блокадников страха. Наоборот, люди быстро поняли, что из себя представляют немецкие "соколы". Доведенные до крайности всеми бедами, которые принесла война и блокада, люди ожесточились и вместо страха появилось желание справедливого возмездия. И когда над блокадным городом сбивали немецкие самолеты, летчики не выбрасывались с парашютами, как в первые дни блокады, стараясь сохранить свою жизнь. Теперь они хорошо усвоили,

что лучше уж погибнуть мгновенно вместе с самолетом, чем быть растерзанными на куски разъяренной толпой. Парашютисты просто не долетали до земли. Они опускались на руки блокадников, и смерть их была ужасна, хотя вполне заслуженна.

ЯБЛОНСКАЯ
Александра Стефановна
03.07.1922 г.р

В июне 1941 года я закнчивала библиотечные курсы при Государственной ордена Трудового Красного Знамени публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Каким светлым и радостным казался мир в 19 лет! Но одно только слово "Война!", которое, как черный ураган, ворвалось в нашу жизнь 22 июня, заставило повзрослеть и посерьезнеть. Из девочек-курсисток мы превратились в бойцов местной самообороны. Я стала бойцом-пожарным.

В первые дни войны мы подготавливали библиотечный фонд к хранению в специальных помещениях, ездили рыть окопы и противотанковые рвы. Было трудно, но знали, что трудно всем. Самое ужасное началось, когда на город стали падать бомбы, а чуть позже начался

обстрел из дальнобойных орудий. Враг не щадил ни старых, ни малых. Город погрузился в темноту. Голод и холод делали то, что не могли сделать бомбы и снаряды, - уносили сотни, тысячи жизней. Мое место было на чердаке и крыше огромного здания библиотеки. Это был мой пост. Нужно было следить, куда падают "зажигалки" (так назывались зажигательные бомбы) и, по возможности, засыпать их песком или сбрасывать на улицу, и только в крайнем случае звать на помощь. Было ли страшно? Да, было. Но еще страшнее было видеть, что бомбы и снаряды падают туда, где находится твой дом, где живут твои родные. Я жила на Владимирской площади на Колокольной улице. После отбоя воздушной тревоги я мчалась (так мне казалось) по темному заснеженному городу до угла Колокольной, убеждалась, что наш дом стоит, и бежала обратно. Ведь мы находились на казарменном положении.

И вот настало время, когда страшнее бомбежек, обстрелов и холода стал голод. В день 125 граммов хлеба и тарелка супа. А суп - это горячая вода, чуть забеленная мукой. Силы постепенно стали уходить. Опухали ноги, лицо. А надо было не только просто жить, но и делать все возможное и невозможное для защиты любимого города. И делали все, что могли, терпели, сколько могли. И уверены были, что мрак и ужас уйдут, опять будет светло и радостно. Страшных дней блокадной жизни, потери родных, друзей и близких забыть нельзя. Да и нужно ли? Нет, не нужно! Счастье, что пройдя через этот ад, мы остались людьми, умеющими сопереживать, уважать, любить.

Жаль, что годы неумолимо бегут и бегут, унося бодрость и здоровье, но мы благодарны судьбе, что еще сумели сохранить оптимизм и просто остались живы. Светлая память тем, кто разделил с нами нечеловеческие страдания в блокадном городе, но не дожил до сегодняшнего дня.

ЯННО (ВИЛЛОТЭ)
Ленида Александровна
1924 г.р.

Наша семья - папа Александр, 1883 года рождения, мама Ольга 1885 года рождения и я, Ленида, 1924 года рождения, - жила на Васильевском острове, 14 линия, дом 19, квартира 11, пятый этаж.

Войну объявили 22 июня, но еще в предыдущую ночь фашистские самолеты летали над городом, а в следующий день город уже бомбили.

Все сразу изменилось. Вся жизнь стала другой. Появились новые заботы и нужды. Запасов продовольствия на длительный период в городе не

было. Даже больших складских помещений не было, были только деревянные, еще с царских времен, Бадаевские склады, но они оказались в это время полупустыми.

Фашистские самолеты бомбили город ежедневно, иногда несколько раз в день. Одна группа, сбросившая убийственный груз, улетала, а на смену ей прилетала другая группа самолетов и продолжала бомбежку. В основном сбрасывали зажигательные бомбы, так что город горел. Одна из самых страшных бомбежек была произведена 8 сентября 1941 года. Сорок фашистских самолетов сбросили на город около 12 тысяч снарядов. Это было страшно. Часть этого смертоносного груза попала на Бадаевские склады. Страшный черный дым расстилался над городом, горел сахар. После бомбежки, когда дым рассеялся, а огонь был потушен, жители города стали собирать и уносить в мешочках, сумках, в пакетах - в чем угодно, землю, пропитанную сахаром, а потом они ее ели, я тоже ее ела, эту сладковатую землю. Под зубами хрустело, но и этой земли было мало, а жителей в городе было много. Норма хлеба быстро уменьшалась, и уже в ноябре рабочие получали в день 250 граммов хлеба, а люди остальных категорий - 125 граммов хлеба. Это были очень маленькие кусочки хлеба. Наша семья из трех человек получала 500 граммов хлеба и больше - ничего. Из-за недостатка муки в хлеб добавляли всякие добавки: из целлюлозы, древесины, еще из чего-то... из этих компонентов вырабатывали какие-то белковые вещества, и все это шло в хлеб, который был темно-коричневого цвета и плохо держался в куске, так что продавщице приходилось придерживать рукой, когда она нарезала маленькие кусочки. Когда я приносила этот хлеб домой, мама сразу же делила, разрезая ножом, хлеб на две одинаковые половинки. Одну половину она отдавала отцу, так как ему нужны были силы, чтобы идти на работу, а

другую половинку хлеба она делила еще на две части - для себя и для меня, но мне всегда казалось, что для себя она оставляла кусочек поменьше. Мама очень хотела, чтобы я выжила. Очень хорошие и заботливые были мои мама и папа.

Из Ленинграда эвакуировали все заводы, фабрики, но очень часто до места назначения они не доезжали, немцы нещадно бомбили все дороги, по которым проводилась эвакуация.

Во время ноябрьских праздников город снова подвергся страшной атаке немецких самолетов. Большая фугасная бомба упала недалеко от нашего дома, вылетели все стекла из всех трех окон в нашей квартире. Как жить в такой холод? Завесили окна одеялами, подушками заткнули дыры. С этих пор в нашей квартире стало темно и холодно, а в придачу ко всему не было воды, разбомбили котельную. Воду приносили с Невы. Зимой Нева замерзла, но воронки для забора воды всегда были открыты. Их для нас, гражданских жителей, приготавливали матросы с кораблей, которые замерзли во льдах на Неве. До войны, когда работали водопроводы, не было необходимости иметь ведра, вот и носили воду в кастрюльках, бидончиках, чайниках.

К середине зимы возле ледяных воронок стали появляться трупы замерзших людей. От страшного холода и голода изможденным людям преодолеть несколько кварталов было очень и очень трудно, силы покидали, и люди умирали там, где падали. Трупы оттаскивали подальше от проруби и продолжали брать воду. Люди умирали в огромных количествах в своих квартирах, на улицах, на работе, на лестничных площадках - всюду можно было наткнуться на трупы. От голода, холода, от болезней, от темноты, от одиночества, от страха во время бомбежек сердце человека не выдерживало. Жизнь как бы замерла, остановилась, только кое-где она еще тлела, как затухающий костер. Ушли

силы - уходила жизнь. Но мы жили вместе и старались как-то копошиться, что-то делать. Еще перед войной, когда так мирно протекала жизнь города, но над миром уже витал дух войны, нас учили самозащите. Поэтому, когда началась война, мы, молодые, копали окопы, противотанковые рвы, делали заграждения, дежурили на чердаках, на крышах домов, тушили зажигательные бомбы. Зажигалки нужно было вовремя заметить, когда они еще не горели, а только шипели, и успеть засыпать песком или залить водой. И мы это делали. И первую медицинскую помощь мы умели оказать. Нужно было, и мы все это делали. Мой отец работал на ткацкой фабрике имени Желябова. Он родился и вырос в Нарве, там работал на Кренгольме. После службы на Балтийском флоте остался жить в Петрограде. В самом начале войны ткацкая фабрика остановилась, рабочие ушли в ополчение. Надо было учиться жить по законам военного времени.

После того, как в нашей квартире выбило все стекла, папа пытался достать на ткацкой фабрике несколько листов фанеры. Но самостоятельно сделать он уже ничего не мог, не было сил, чтобы принести фанеру домой. Отцу было уже 58 лет, а от голода и стресса у него сердце совсем расшаталось. Мы остались жить в темной и холодной квартире, а отец с этого времени слег. Говорят, что в голодное и холодное время люди много пьют воды. Да, это правда. Помню, что и я много пила, и вода мне казалась очень вкусной. Мама запрещала мне много пить воды, чтобы я не заболела водянкой. Конечно, вода есть вода, она не насыщает, а просто полощет желудок. Все было. Было грязно. Было темно. Было очень холодно. Был большой голод. Были вши. Не работали бани, не работала канализация. Когда бомбили город, горели и рушились дома, раненые просили помощи. Все приходилось делать.

Отец умер 20 декабря 1941 года. Он как бы

предчувствовал свою смерть, часто спрашивал, сколько времени на часах, и как бы удивлялся, почему еще не шесть часов утра. И когда часы пробили шесть часов, он попросил пить, но уже не мог проглотить воду, и она растеклась у него по лицу. Еще что-то хотел сказать, но не смог. Вот и все.

На следующий день я пошла в райисполком зарегистрировать смерть отца. Было много народу, я простояла несколько часов. Когда подошла моя очередь, я спросила у регистраторши, сколько в среднем случаев смерти приходится на день. Она ответила, что примерно - 60 тысяч по городу. Конечно, всех покойников и не регистрируют, это было просто невозможно сделать по многим причинам, но в первую очередь - голод и холод. Трупы собирали с улиц, из квартир, отовсюду. Свозили их в переполненные морги, оставляли около моргов на улице, откуда уже на больших машинах покойников отвозили на кладбища. Трупы не опознавались, документов при них не было, да и кто их искал...

В нашем доме в день смерти отца умерли еще 18 человек. Все они умерли в своих квартирах. Моя одноклассница Шура Кучерова, жившая в нашем доме, потеряла утром маму, а вечером умер ее младший братишка.

У отца был друг Элло Ягоб, он помог нам с мамой сколотить из досок гроб для папы. Гроб, скорее, напоминал большой ящик, но все же это было лучше, чем без гроба. Мы с мамой нашли дома черную сатиновую материю, обтянули ею гроб, чтобы выглядел хорошо. 28 декабря на детских саночках гроб с телом папы повезли по заснеженной улице. Снег никто не убирал, среди сугробов была протоптана узкая бугристая тропа. Три раза гроб сползал с санок, мы поправляли его и продолжали свой скорбный путь. Был сильный холод, мороз около 30 градусов, но мы с мамой даже

не замечали холода. Место захоронения находилось на пустыре за Смоленским кладбищем, около моря. В мирное время летом мы ходили на этот пустырь загорать и купаться. Были там какие-то старые сараи. Теперь, в декабре, этот пустырь был занесен снегом, а сараи полны трупов, как внутри, так и вокруг. Чуть подальше работал экскаватор. Он копал траншеи - рвы длиною в 10 - 12 метров. Глубину этих траншей я не запомнила. В этих траншеях и хоронили покойников, которые почти все были без гробов: кто завернут в одеяло, кто в простынь, а кто и так, в чем умер, в том и остался, а те, которые были в гробах, их вытаскивали, а гроб уходил на дрова, похоронные команды тоже должны были как-то согреваться. Так, конечно, поступили и с нашим гробом. Мама оставила меня у гроба, а сама пошла присмотреть какую-нибудь примету, чтобы запомнить ту траншею, в которой будет проведено захоронение папы, чтобы потом, в мирное время, знать, что в этом месте покоится наш дорогой человек. Потом она подошла ко мне и сказала: "Простимся с папой, пока он в гробу. Пусть в нашей памяти он останется лежащим в гробу, не будем смотреть, как сломают гроб".

Туда, на кладбище, привозили трупы и с передовой, и когда их сбрасывали с машины, они ударялись о кузов машины и их замерзшие пальцы издавали звук, который навсегда остался в моей памяти. Передовая линия фронта была очень близко от города. Из дальнобойных орудий Ленинград постоянно обстреливался. На окраинах города видели даже немецких солдат, которые пытались пробраться на территорию Кировского завода, но их уничтожали рабочие, они ведь тоже были вооружены.

Мы с мамой остались вдвоем. До войны я училась в фельдшерской школе. Когда началась война, наших преподавателей отправили на фронт, школу

закрыли, а нам выдали удостоверения младших медицинских сестер и определили на работу. Я попала в детскую поликлинику. Конечно, знаний не хватало для такой работы, но надо было справляться. Пациентов было много, не хватало лекарств и других средств, мы не всегда могли помочь больным. Все наши пациенты нуждались в усиленном питании, они были дистрофики.

Дистрофия - новая беда и болезнь в осажденном Ленинграде. Люди были похожи на тени. Одни кости, обтянутые сухой кожей. Люди-скелеты едва передвигались.

Моя мама была очень слаба, она уже не могла ходить, лежала и ждала меня, когда я приду и принесу ей кусочек хлеба, а если постараюсь, то что-нибудь еще к этому кусочку. Ели все, что попадалось: машинные подвижные ремни, пропитанные машинным маслом, приносили с разрушенных предприятий, резали на кусочки и делили между рабочими. Их варили, получался грязно-коричневй бульон, который съедался с хлебом. Из плиток столярного клея варили студень. Сдирали со стен обои, ведь когда-то их приклеивали клеем, сваренным из крахмала. Эта бумага была мягкая и съедобная. Весной начал кое-где пробиваться одуванчик, крапива и другая зелень. Все это было съедобно, мы с жадностью уничтожали молодые побеги травы. От нехватки витаминов воспалились десны, они зудели, зубы расшатывались и выпадали. Это была цинга. В Ленинграде было мало врачей, они были нужнее на фронте. Мы, медсестры, делали домашние визиты. Вызовов было очень много. Иногда по нескольку дней, с утра до вечера, ходили по вызовам. Бывали случаи, когда, не дождавшись нашего прихода, больные умирали. Однажды я зашла в полутемную комнату и услышала плач ребенка. Я долго всматривалась в темное помещение и искала глазами, где же плачет ребенок, где он находится?

Приглядевшись, увидела на кровати, за спиной матери, плачет малыш, плачет, что мама его не греет, а она уже мертвая. Помогла мальчику одеться, взяла за руку и отвела его в детскую комнату, откуда детей-сирот распределяли в детские приюты и дома. Много было страшных эпизодов. В коммунальной квартире из пяти комнат, в одной из которых жили мы, из пяти семей остались только мы с мамой. Когда я уходила на работу, мама оставалась совершенно одна - кто-то умер, кто-то ушел на фронт, некоторые перебрались к родственникам или знакомым, но большинство - умерли. Чтобы не тратить силы, некоторые работающие оставались жить прямо в цехах, чтобы не ходить каждый день, тем более, транспорт не работал. В цехах варили общую еду-баланду и кипятили воду. Одна из наших соседок работала поваром в больнице. Эта больница находилась далеко от дома, и она очень редко приходила домой, боялась, что ее могут убить обезумевшие от голода люди. К сожалению, было много случаев людоедства. Люди пропадали. Много было страшного, об этом тоже должны знать. Моя мама совсем расхворалась. Отказывали ноги. Мама в основном лежала в постели, укутавшись теплыми вещами. После долгих уговоров мама согласилась на эвакуацию. 29 мая 1942 года я отвезла ее на Финляндский вокзал, помогла устроиться в вагоне, и поезд повез эвакуируемых к Ладоге. На Ладожском озере всех пересадили на баржи и повезли через озеро в тыл, но эти баржи постоянно обстреливались с воздуха. Потом я узнала, что как раз в этот день, когда я надеялась, что мама благополучно попадет в тихое место и поправит свое здоровье, все баржи в результате авианалетов вместе с людьми ушли на дно. Так не стало моей дорогой мамы, и косточки ее лежат где-то на дне Ладожского озера... Я осталась одна. Вскоре нас, медсестер, отправили на фронт, в медсанбаты.

Когда закончилась Великая Отечественная война, я решила вернуться на родину моих предков в Эстонию. В Кунда я создала свою семью, вырастила дочь и сына, нянчила внуков.

Я хочу, чтобы не только мы, наше поколение, но и наши дети, внуки и правнуки знали и помнили, что несет с собой любая война, какие страдания выпадают на долю каждого человека, какие бедствия и утраты. Живите в мире со всеми людьми на планете Земля.

Евгения Соловьёва июнь 1941 г.

ЮДИЧЕВА (СОЛОВЬЕВА) Евгения Васильевна

29.06.1925 г.р.

Я родилась в Петродворце. В 1941 году, когда начались летние каникулы, мы с мамой и двумя моими сестрами собирались поехать на лето в деревню, где у нас был дедушкин дом, но все наши планы были нарушены начавшейся войной. 29 июня мне исполнилось 16 лет. Нас с мамой

отправили на оборонные работы. Почти два месяца мы рыли окопы и противотанковые рвы под Ропшей. Все руки были в кровавых мозолях, ноги синие, но утром все равно вставали и шли на работу. Во время тревоги прятались в поле. На работу нас возили на машине. Кормили один раз в день кашей из чечевицы.

Немецкие войска стремились уничтожить наш город. Налеты самолетов были ежедневными, они бомбили самые важные объекты. Наших самолетов в небе не было видно.

Ночью видели наши отступающие войска. Когда спрашивали у солдат, почему они оставляют наши города, они отвечали, что нечем воевать, не хватает оружия, а немцы вооружены гораздо лучше, у них много самолетов и танков. Когда враги приблизились к городу, на нас посыпались снаряды и бомбы в огромном количестве. При прямом попадании в двухэтажный дом от него осталась воронка размером с бывший дом. В сентябре при домоуправлении были созданы молодежные группы самозащиты, которые дежурили во время авианалетов на крышах и чердаках домов, гасили зажигательные бомбы.

Около нашего дома была школа, куда привозили раненых бойцов. Мы собирали одеяла, подушки, простыни, наволочки. Невозможно было без слез и сострадания видеть раненых молодых ребят без рук, без ног...

Немцы отчаянно бомбили Кронштадт. Налеты были частые, но встречали отпор защитного огня с кораблей, особенно с "Марата". Небо было усеяно белыми пятнами от разрывов снарядов, земля стонала от бомб, сбрасываемых немецкими самолетами.

Мы сидели в окопе - нашем единственном убежище, которое сами и построили. Когда самолеты с особым воем пикировали, сбрасывая бомбы, то казалось, что мы уже никогда больше не увидим

белого света, навсегда останемся в окопе. Было так страшно, окоп ходил ходуном, земля содрогалась от взрывов. Но, слава Богу, прямого попадания бомбы или снаряда не произошло, мы остались живы.

В один вечер сгорели наши дома возле моста, который разделял Новый и Старый Петергоф до Ораниенбаумского спуска. Дома были деревянные и старые, они полыхали, как дрова в печке. Кто сделал эту огневую завесу, немцы или же наши, чтобы не пропустить в город врага, мы так и не узнали, но немецкие войска остановились в Новом Петергофе и дальше уже не пошли.

Уходили в Ораниенбаум (Ломоносов). Полураздетые и бездомные беженцы начинали заново обустраиваться. Сначала жили в подвале дома на улице Ленина, потом нас переселили в военный городок Большие Ижоры, в здании бывшей воинской части, разместив по пять человек в тесных комнатушках. Вдоль стен стояли деревянные нары, стол и две табуретки. Правда, была небольшая кухонька с плитой, на которой мы кипятили только воду, поскольку продуктов у нас никаких не было. Наш паек состоял из 200 граммов папиного и 100 граммов нашего хлеба, который мама делила на всех, папе побольше. Два раза в день мы пили "чай" - кипяток с колючим от отрубей черным хлебом.

Папа и мама от голода были на грани гибели, к тому же папа был болен еще после финской войны. Но мы остались живы, благодаря Дороге Жизни. В первых числах апреля 1942 года нам из сельсовета принесли эвакуационные листы. На другой день утром посадили в машины и отправили через Кронштадт и Лисий Нос на Финляндский вокзал, в Ленинград, оттуда на поезде - к Ладожскому озеру. Ночью нас на машине повезли по озерному льду, залитому водой, из-под которой торчали вешки, обозначавшие дорогу. Темно, колеса полностью

в воде. Машина открытая, страшно. Но мы благополучно добрались до другого берега. Нас разместили в какой-то холодной и грязной церкви, заполненной множеством изможденных и обессиленных людей. Упавшего человека ни у кого не было сил поднять. Но здесь уже давали горячую похлебку и немного хлеба.

Через три дня нас посадили в эшелоны и повезли дальше. В вагонах были нары, стояла печка-буржуйка. Туалет через дверь на улицу, у всех завелись вши, но зато похлебкой кормили каждый день. Люди умирали, на стоянках трупы выносили из вагонов, а живые прыгали из вагонов на улицу и тут же, никого не стесняясь, справляли все свои дела.

Так через месяц мы добрались до Сибири, до поселка Кулунда. Меня взяли работать сначала счетоводом, потом перевели в секретари, а затем в сектор кадров в исполкоме.

В августе 1944 года мы получили вызов о возвращении в Ленинград. Когда вышли из поезда на перрон вокзала, нахлынули воспоминания о пережитом, долго не могли двинуться с места.

Дом наш сгорел, Петродворец был разрушен и разграблен, уцелевшие дома стояли с выбитыми окнами. В исполкоме нас поставили на учет и предложили дома, где можно было поселиться. Нашли комнату, в которой были только голые стены, не было ни окон, ни дверей, ни пола. Мама была в панике, мы ее успокаивали. Встретили знакомых, которые приехали раньше нас и уже успели кое-как устроиться. Неделю жили у них. За это время нашли доски, фанеру. Кое-как настелили пол, забили окна фанерой, а из осколков стекла получились маленькие окошечки для света. Нашли две кровати, стол, поломанные стулья, добрые люди дали одеяла и подушки. В своем окопе под водой нашли кое-какую посуду, кастрюли. Так мы, полураздетые и полуразутые, начинали мирную

жизнь.
Деревья в прекрасных парках были спилены, все заросло травой, дворцы и фонтаны были разрушены. Опять началась жизнь субботников и воскресников - разбирали завалы, приводили в порядок парки.
Вспоминая все пережитое, думаю о том, как много было трудного и тяжелого, но мы все пережили! Мы всегда умели радоваться даже самым маленьким успехам нашей Родины, мы были патриотами и не боялись тратить свои силы на ее восстановление.
На месте, где был наш дом в Петергофе, теперь стоит памятник о том, что когда-то здесь жили люди, а потом пришла война. Здесь проходила передовая линия фронта, она прошла и по людским судьбам, разрушила и мой дом, в который я уже никогда не смогу вернуться.

Наталья Калабугина с подругой 1941 г. Ленинград

КАЛАБУГИНА
Наталья Николаевна

30.04.1921 г.р.

С начала войны я участвовала в сооружении оборонительных укреплений на берегах

реки Луги, рыла окопы в Кавголово, участвовала в нивелировании летного поля аэродрома в Лахте. И так вплоть до 5 декабря 1941 года. Периодически на два дня нас отпускали домой помыться, переодеться. В один из таких приездов я узнала, что в нашу квартиру попал снаряд. Пришлось перебираться к бабушке, которая жила неподалеку. А в ее квартирке от бомбежки вылетели стекла. Мы закрыли окно одеялом, так и жили.

Отопление, водопровод, канализация остались в далеком прошлом. За водой ходили с саночками на Неву. Однажды, наполнив выварку водой, с трудом выбрались на берег. Но тут санки перевернулись, вода вылилась, и все пришлось начинать сначала. А сил-то нет!

На оборонительных работах нас худо-бедно кормили, а в городе уже начался голод. Окончательно вернулась домой 5 декабря. Наш поезд то останавливался, то резко вырывался вперед или откатывал назад. Всю дорогу нас обстреливали немецкие самолеты. Но мы все же добрались до города. Нас высадили, не доезжая до Финляндского вокзала. Проводники торопили: в городе тревога. Мы в этом усомнились, ведь во время тревоги всегда частил метроном, а тут кто-то по радио выступал. И вдруг до нас дошло: сегодня День Конституции, по радио транслируют речь Сталина. А город опустел. Первыми, как мухи, начали умирать мужчины. Недаром говорят, что женщины живучи, как кошки. Впрочем, кошки тоже вымерли. Мы жили втроем: моя бабушка, тетя и я. Хлеба получали по 250 граммов я с тетей, бабушке полагалось 125 граммов. Но мы честно весь хлеб делили поровну. Каждый свой кусочек делил на три части: первую съедали утром с горячей водой ("чай"), второй обжаривали над костерком, который раскладывали в камине, и затем заливали кипятком ("суп"), а третий кусочек съедали

вечером всухомятку. Знаю, что многие съедали свой паек в один присест, а если удавалось получить и завтрашнюю норму, то и ее тоже, особенно мужчины, отчего первыми и умирали.
Мы старались как можно меньше пить воды, чтобы избежать голодного отека. Кто этого не знал и заглушал голод водой, вскоре не мог подняться с постели. На улицах появлялось все больше трупов. Люди из последних сил везли их на саночках, завернув в простыни на кладбища, сами теряя при этом последние силы, и вскоре уходили туда же...
Я была студенткой индустриального института. Дважды в месяц мы должны были приходить в институт: в начале месяца за продовольственными карточками, а в середине месяца для их перерегистрации, дабы запасы хлеба в городе расходовались только на живых. Я жила на Кировском проспекте. Дорога занимала два с половиной часа в один конец. Дорога длинная. И вот однажды я решила посчитать, через сколько трупов я перешагну (не обойду, а именно перешагну). Оказалось, через шестнадцать...
Вспоминаются мои соседи по той квартире, где мы жили раньше, до того, как в нее попал снаряд. Нас было три семьи: я с тетей, интеллигентная супружеская пара (женщина, М.Н. одна из потомков Иоанна Кронштадского) и семья рабочих: муж работал на заводе, жена - уборщицей в трамвайном парке. У них было трое маленьких детей 7, 5 и 3 лет.
Как мать берегла их! Бралась за любую работу! Однажды старший мальчик заболел воспалением легких, но мать выходила его в блокадном Ленинграде! Как-то она заметила, что младшая, трехлетняя Женька, стала бояться М.Н. Все стало ясно, когда М.Н. однажды предложила матери... зарезать Женьку: "Вы же, остальные, какое-то время продержитесь". С тех пор мать всюду таскала Женьку с собой, опасаясь, как бы М.Н. ее

не зарезала. Было и такое... Были и такие...
Позже М.Н. упала от истощения на улице и ее сочли мертвой. Кто-то снял с нее теплую одежду. Потом она слышала, как над ней совещались: жива она или нет, куда везти - в морг или в больницу. Увезли в больницу. И выходили. После прорыва блокады М.Н. уехала к сестре в Сибирь, но ее все время преследовали страшные воспоминания о Женьке, о муже (он воевал внутри блокадного кольца), который просил проводить его до больницы, а она отказалась, и он вскоре умер. М.Н. едва не сошла с ума. Ее муки прекратились со смертью.
Еще одно воспоминание. Начало марта. Синее-синее небо. И даже словно стало теплее. Я иду по Кировскому. Навстречу изредка идут машины. Я обратила внимание на одну. К борту грузовика вертикально прибиты доски, скрепленные поверху. В кабине мужчина с длинной палкой с крючком на конце. Он подбирает с земли трупы и закидывает их в кузов. Кузов почти полон, а у одного трупа сквозь доски вывалилась рука, и он на ходу загребает ею, будто живой... Я подумала, какое жуткое впечатление произвела бы раньше эта картина. А теперь почти никто этого даже не заметил. И я смотрела на нее без эмоций. Как-то на Выборгской стороне меня застала воздушная тревога. Естественно, меня сразу загнали в бомбоубежище. Сидим и гадаем: где бомбят? Загоняют нового прохожего. Он отвечает на наш вопрос: "Слава Богу, Петроградскую бомбят". Черный блокадный юмор...
Ну, а потом эвакуация с последним эшелоном института. 27 марта, через Ладогу по льду, объезжая воронки от разорвавшихся снарядов. Нам повезло, нас не обстреливали. Потом обед в Борисовой Гриве. Ах! "Какой обед нам подавали...": суп из овсянки, пшенная каша с маслом, сухой паек - колбаса, сухари, сушки. А затем 25 дней пути до Пятигорска. Ежедневно остановка на обед.

Однажды, в городе Грязи, на вокзале я увидела страшно худую, всю в сером и такую же серую женщину. И подумала: до чего же нас довели! И вдруг я поняла, что это - я. Я себя в зеркале не узнала!

В Пятигорске я весила 44 килограмма, через месяц уже 55. А впервые я себя почувствовала сытой только в середине июня. Я не помню автора стихотворения, строками которого хочу закончить свои грустные воспоминания:

... И ежели отныне захотят,
Найдя слова с понятиями вровень,
Сказать о пролитой бесценной крови,
О мужестве, повторенном стократ,
То просто скажут: Ленинград.
И все сольется в этом слове.

Ламбинен
Нина
1948 г.

КОЛЯГИНА (ЛАМБИНЕН) Нина Александровна

06.01.1935 г.р.

Память... Она живет в каждом из нас до самой смерти. Детская память особенная. Помню,

как наступил 1941 год. 7 января отмечали мое шестилетие. У нас в гостях были мамина сестра и мой двоюродный брат. Они жили на проспекте Газа у Нарвских ворот. Они часто приезжали к нам на Удельную, а летом мы вместе ездили в Озерки купаться. Мы жили на Костромском проспекте, дом 63, квартира 6. Когда по радио объявили о нападении на нашу страну, у всех взрослых стали озабоченные и печальные лица. Во дворе стали строить землянку-бомбоубежище, потому что мы жили в деревянных домах и в них не было подвалов. Чтобы взрывной волной не выбило стекла, на них приклеивали полоски бумаги. В вечернее и ночное время строго соблюдались требования светомаскировки, на лестничных площадках горели синие лампы. Город бомбили по нескольку раз в день. При каждой бомбардировке объявлялась воздушная тревога и мы - мама, трехлетняя сестренка и я брали мешки с самыми необходимыми вещами и документами и шли во двор, в построенное бомбоубежище.

Папа до войны работал в управлении Водоканал водителем, возил начальство. В начале войны папу перевели на казарменное положение, домой он приходил редко.

Наступила осень, а потом очень холодная и очень голодная зима. У девочки Жени, жившей в соседнем доме, за одну ночь умерли мама и папа. Из кухонного окна я видела, как их трупы прямо с крыльца бросили в телегу.

У нас была веранда и две комнаты, но мы все жили в одной комнате, где стояла печка-буржуйка. Когда закончились дрова, мы разломали сарай. По сравнению с центром города, мы находились в лучшем положении, у нас была возможность брать воду из колонки, которая находилась недалеко от нашего дома.

В начале 1942 года мама от голода слегла, силы покинули ее, а 31 января в возрасте 42 лет она

умерла от дистрофии. Маленькая сестра ничего не понимала, а я, укрывшись с головой одеялом, плакала. Помню, как папа вынес из комнаты тело мамы. Оно было завернуто в белую простыню и зашито шелковыми розовыми нитками. Только в 1996 году мы с сестрой узнали, что наша мама похоронена на Пискаревском кладбище. После маминой смерти на папином иждивении остались мы с сестрой и бабушка, а когда умерла папина сестра, еще и трое его племянников. У нас была чесотка и вши. Помню, вши были большие и белые, они рядами сидели на нашей одежде.

Умер папин племянник, потом умерла бабушка. Помню ее неподвижные голубые глаза. Племянника и племянницу папа поместил в детский дом. Мы остались втроем. Помню, как один раз ели дуранду (жмых) и студень из столярного клея. Наступила весна. Стала расти трава, а это уже было какое-то спасение. Искали и находили прошлогодние желуди. В марте 1942 года вышло постановление номер 00713 о выселении из Ленинграда "социально-опасного элемента". Это были горожане немецкого и финского происхождения. Отец не знал, куда его направят, поэтому отдал нас с сестрой в детский дом. Сказал, что если останемся живы, то встретимся. Он оказался на севере в Тазовском районе на реке Таз. На голом месте ссыльные построили рыбозавод. Позже папа сказал, что если бы мы поехали с ним, то по дороге непременно бы умерли.

Наш детский дом был эвакуирован в июле 1942 года. Автобусы, в которых нас везли, обстреливались. Во время обстрелов мы прятались в лесу. Хмурым серым утром нас, построенных парами, вывели на пристань на берегу Ладожского озера. Я крепко держала за руку свою сестру, чтобы она не упала. Катера, на которых нас вывозили, обстреливались с воздуха. С земли в немецкие самолеты стреляли наши зенитки.

С августа 1942 по июнь 1945 года мы с сестрой были в эвакуации в Горьковской области, Дальне-Константиновском районе, село Малая Пица. Наш детский дом был на самообслуживании, летом он превращался в трудовой пионерский лагерь. На утренней линейке работа распределялась по звеньям. Всю посильную работу выполняли дети школьного возраста. Мы жили нормальной мирной жизнью, у нас были заботливые и добрые воспитатели. Отмечали все праздники, устраивали концерты художественной самодеятельности. От папы и тети, которая осталась в Ленинграде, мы получали письма. В 1944 году из Ленинграда нам пришла посылка, в которой были настоящие карандаши, ручки, тетради, чернила. Сколько было радости! В эвакуации мы писали перьями, привязанными к веточкам, а чернила делали из сажи.

Помню первую учительницу Клавдию Ивановну. Она вела уроки сразу в двух классах. По одну сторону сидели ученики 1 класса, а по другую - ученики 3 класса. Один класс выполняет письменное задание, в другом классе идет опрос учеников.

В июне 1945 года в сопровождении воспитателя группа из нескольких человек возвратилась в Ленинград. Нас взяла к себе тетя, мамина сестра. Но пережившая всю блокаду в Ленинграде, тетя серьезно заболела и ее поместили в больницу, а мы с сестрой снова оказались в детском доме, который находился на 10-й линии Васильевского острова. Отца, сосланного на Север как "врага народа", не отпускали. Он писал письма о помиловании во все инстанции, даже Ворошилову и Сталину. Наконец, в 1947 году, папу отпустили, но в Ленинграде проживать запретили. Папа, член партии с 1924 года, обращался в Ленинградский Горком партии, но все безрезультатно. Его приняла Эстония. Папа стал работать слесарем-механиком в Раплаской

МТС. В июне 1948 года папа смог забрать нас с сестрой из детского дома к себе.
Вот такая маленькая история из моего детства. Мы, уже состарившиеся дети спасенного поколения, благодарны всем, кто нас спасал и защищал в военное время, помогал нам выжить и заботится о нас сегодня. Низкий всем поклон!

Мельник
Алла
50-е годы

КОТЕНКО (МЕЛЬНИК)
Алла Андреевна

08.04.1937 г.р.

Во время войны я вместе с мамой и сестрой жила возле Тучкова моста в Ленинграде. Мама работала врачом в госпитале, старшая сестра

училась на медика, братья воевали. Мне было пять лет. Дома было страшно. Осколки снарядов оставили на стенах глубокие метки. Из затемненного окна было видно, как по Неве проходили военные корабли. Часто к стоящим у пирса военным кораблям приходили дети. Замерзших и голодных, с не по-детски грустными глазами, моряки часто подкармливали ребятишек, отогревали. И сами отогревались душой возле них. Однажды к морякам пришла и я. Меня привели в кают-компанию, я устроила для моряков концерт: стоя на табуретке, с выражением читала стихи, пела песни. Когда моряки аплодировали, говорила им, что это еще не все, и снова пела им про синий платочек, про любимый город Ленинград, про бойца, которого провожала на позицию девушка... Меня очень хорошо накормили, а когда я собралась уходить, мне был сделан поистине царский подарок - моряки отрезали большой ломоть домашнего хлеба, вырезали в середине мякиш, в выемку положили наваристой каши и прикрыли сверху другим ломтем хлеба. Чтобы эту величайшую драгоценность никто не отобрал по дороге, один

НОРМЫ ВЫДАЧИ ХЛЕБА
В ОСАЖДЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ
ДО 25 ДЕКАБРЯ 1941 г.

ДАТА УСТАНОВЛЕНИЯ НОРМЫ	РАБОЧИЕ	СЛУЖАЩИЕ	ИЖДИВЕНЦЫ	ДЕТИ
1 сентября	500	300	250	300
1 октября	400	200	200	200
13 ноября	300	150	150	150
20 ноября	250	125	125	125

моряк отправился провожать меня. Мама долго не могла насмотреться на этот хлеб с начинкой, гладила меня по голове, плакала и ласково называла "кормилицей". Потом я еще несколько раз приходила на корабль, пела песни, читала стихи, и всегда меня вкусно кормили и давали что-нибудь с собой. Моряки прозвали меня Алей-артисткой.

Однажды меня, как и раньше, провожал домой один из моряков. Он уже знал, что их корабль должен был перебазироваться в район Невской Дубровки, где шли жестокие бои. Охваченный каким-то тревожным чувством, моряк при прощании повесил мне на шею бусики, которые вытащил из вещмешка, подарил на прощание открытку.

Много лет прошло с тех пор. Я уже жила и работала в Таллине, в Эстрыбпроме, в жилищно-бытовом отделе. У нас в отделе работал Виктор Васильевич Васильев. Однажды Виктор Васильевич рассказывал сослуживцам об обороне Ленинграда, о блокаде. Постепенно завязалась оживленная беседа. Я тоже рассказала о своем блокадном детстве, вспомнила о моряках, которые подкармливали нас, детей, рассказала о моряке, который подарил мне хрустальные бусики и открытку. В волнении Виктор Васильевич спросил, сохранились ли у меня бусы? Я удивилась этому вопросу, а Виктор Васильевич рассказал, что во время войны в Ленинграде однажды подарил маленькой девочке бусы и открытку.

На другой день я принесла Виктору Васильевичу сохраненные мамой подарки моряка и свою детскую фотографию, чудом уцелевшую в военное лихолетье. Как часто эти бусики согревали меня. Очень хотелось найти этого человека, но не знала я тогда ни его имени, ни фамилии, никакой подписи на открытке не было. Кто он? Жив ли? А оказалось, что этот человек уже несколько лет работал рядом со мной.

Юрий
с мамой
в Шувалово

КОЗЛОВ
Юрий Петрович

04.10.1939 г.р.

До войны и в начале войны мы жили на Петроградской стороне, улица Рыбацкая, д.15, кв. 2. Отец работал на авторемонтном заводе начальником цеха. С первых дней войны он ушел на фронт. Мама осталась с нами - сестрой десяти лет и мной, двухлетним. Вместе со взрослыми сестра ходила дежурить на крышу дома. У нас была четырехкомнатная квартира, но мы все жили в

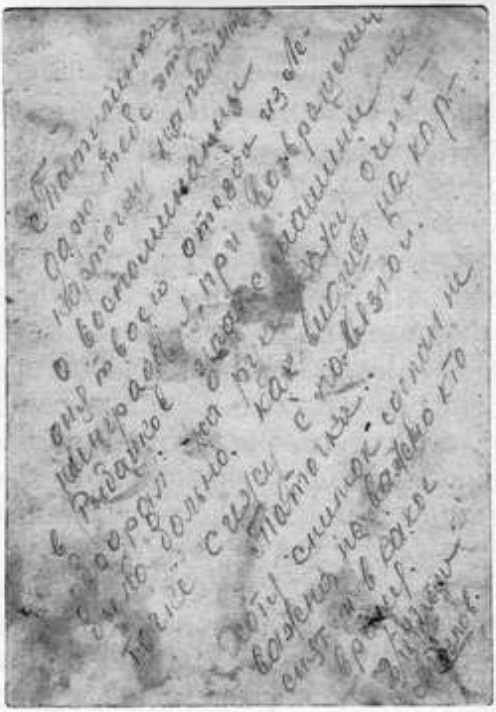
3) Это наш семейный дом
в Шувалове
ул Корякова 3 м 16
(бывшая Екатерининская)
Здесь мы прожили блокаду. Б. к
квартира была занята мужиком
по адресу Рыбацкая дом 15.
Вместо нас отец, который был
купил для краски крыши этого
большого дома

одной комнате. Мы жили на первом этаже пятиэтажного дома очень старой постройки с толстенными стенами, поэтому мама решила во время бомбежек и обстрелов не уходить в бомбоубежище. Она раскладывала на пол матрац, укладывала меня и сестру, а сама ложилась поверх, прикрывая нас своим телом.

Однажды зимой к нам зашел управдом с людьми в военной форме. В нашей квартире предполагалось сделать боевой плацдарм. Выставили из окон рамы, заделали проемы кирпичной кладкой с бойницами. Закатили пушки, ждали уличных боев. Мама перенесла все вещи в кухню, закрыла дверь на висячий замок, а мы сами переехали к тете в Шувалово.

Отец служил командиром огневой точки на Средней Рогатке. Там на полях под снегом оставались капустные кочерыжки, которые он собирал для нас. Мама с санками из Шувалова шла пешком к нему, чтобы забрать эту скудную провизию. День туда, день обратно. Однажды ее не было несколько дней. Оказывается, она и еще несколько женщин залегли на картофельном поле и ждали, когда начнется бомбежка, после которой поле оказывалось вспаханным и можно было собрать сколько-нибудь мороженой картошки.

В Шувалово по соседству с нашим домом был многоквартирный жилой дом, в котором, кроме прочих, жила семья - жена, муж и двое маленьких детей одного и четырех лет. Зимой, в самый страшный и трудный период 41 - 42 годов, обезумев от голода, женщина съела мужа и обоих своих детей. Наши дома стояли по соседству, меня отпускали гулять на улицу и я гулял то на нашей, то на их территории. Малыш я был белокурый, аппетитный. Очередь была за мной. От соседей мама во-время узнала о трагедии в той семье, и меня уже не пускали одного, иначе я тоже попал бы в суп к той несчастной женщине.



Весной 1942 года о случаях людоедства узнали власти. В Шувалово таким людям на шею вешали табличку с надписью "Людоед"... Позднее этих людей, в том числе и нашу соседку, арестовали и приговорили к смерти.
А мой отец Козлов Петр погиб на фронте под Колпино 3 февраля 1943 года.

КУЛУХОВА (Григорьева) Ивета Павловна

01.06.1932 г.р.

В Ленинграде наша семья жила на 14-й линии Васильевского острова, дом 95б, квартира 13. Рано утром 22 июня 1941 года из военкомата пришли за папой. Позже мы узнали, что началась война. Тогда мне было девять лет. Сначала было очень страшно, когда бомбили город и стреляли зенитки. Мы прятались в бомбоубежище, а потом привыкли и даже перестали обращать на них внимание.

Примерно через месяц после начала войны учеников нашей школы в обязательном порядке вывезли из города в район Валдая. Жили в здании школы, спали на полу в спальных мешках. Было

очень страшно, доносились раскаты стрельбы. Из дома изредка получали письма. В своих ответных письмах я все время просилась домой. Я плакала, писала, что если меня не заберут домой, то умру. Потом нас в спешном порядке стали готовить к переезду в другое место, так как немцы приближались к Валдаю. В последнюю перед отправкой ночь я проснулась от поцелуя, так поцеловать меня могла только мама. Я открыла глаза и действительно увидела ее, всю в слезах. Она несколько дней через поля и болота, пешком, добиралась до нашего лагеря. Не дожидаясь утра, мамуля собрала меня и мы ушли. А утром узнали, что Валдай захватили немцы.

С большими трудностями добрались до Ленинграда. Город постоянно бомбили, стали появляться признаки голода. Первое время нам, детям, оставшимся в городе, в школе давали похлебку - вода и две-три крупинки. Но это было не долго. Условия жизни ухудшались с каждым днем.

У нас было много родственников. Жили все в разных районах города. Было очень трудно поддерживать связь, общественный транспорт уже не ходил. Было принято решение, что две мамины сестры с семьями переедут к нам. Первым умер дядя Алеша, муж маминой старшей сестры Лены. Он очень тяжело умирал. Упал с постели, бился головой о пол, у него были судороги, он всю ночь просил хлеба: "Неужели вам жалко дать мне маленький кусочек хлеба!?". Тетя Лена пошла ночью занимать очередь за хлебом. В шесть часов утра открыли булочную. Вернувшись домой, тетя сразу же дала кусочек хлеба дяде Алеше. Он взял кусочек, стиснул его в зубах и умер. Я впервые так близко увидела смерть. Второй умерла бабушка. Дядю с бабушкой похоронили еще в гробах в могилах на братском Смоленском кладбище за речкой. Осталось нас пять человек: три женщины и две девочки. Папа был на казарменном положении, видели мы его редко.

Григорьев
Павел
Платонович
1939 г.

Перед
фронтом
28 августа
1942 г.

Папа очень страдал от того, что ничем не мог нам помочь. Пока были дрова, топили ими буржуйку, а потом стали жечь мебель. Все, что было ценного в доме, меняли на хлеб, олифу, плитки столярного клея, сырые шкуры. Эти шкуры вымачивали, остатки шерсти сбривали, отваривали и пропускали через мясорубку. Разваривали столярный клей и им заливали "шкурный фарш". Когда удавалось его приготовить, то это был настоящий праздник, пища богов. В основном пили чай с сухариками, сушили на буржуйке кусочки хлеба. Вдвоем почти целый самовар выпивали.

С двоюродной сестрой Ириной, ей было четырнадцать лет, ходили за водой за два квартала. Мы жили на пятом этаже. Один раз зимой, было очень холодно, набрали воды и повезли на саночках. Кое-как добрели до дома, стали подниматься по лестнице. Все ступеньки залиты водой, замерзли, скользкие. С остановками поднялись на четвертый этаж, поскользнулись и упали вместе с водой. Вода разлилась. Сели на ступеньки и обе горько заплакали:

второй раз идти за водой сил уже не было. И оставить всех без воды тоже нельзя. Немного отдохнули, пошли все-таки. Когда вернулись, то узнали, что домашние очень переживали и волновались, что нас так долго не было.

В начале февраля 1942 года тетя Стефа должна была уехать к мужу на Урал, он был эвакуирован с заводом в начале войны. Было решено, что вместе с ней поедет Ирина, дочь тети Лены. Тетя Лена уже не вставала. Накануне дня отъезда Ирина захотела последнюю ночь спать со своей мамой. Утром все проснулись, а тетя Лена спит. Стали будить, а она мертва. Так она тихо и спокойно покинула этот мир. На другой день Ирина и тетя Стефа уехали. В Нижнем Тагиле тетя Стефа заболела и через две недели умерла. Ирину определили в детский дом. С ней мы встретились только в 1944 году. Мы с мамой остались одни. Похоронить тетю Лену не было сил. Чтобы попросить кого-нибудь это сделать, был нужен хлеб. Мама зашила тетю Лену в одеяло, как мумию. Вдвоем мы кое-как перетащили ее в другую комнату и закрыли дверь. Там, пока было холодно, она пролежала почти месяц. Когда мама уходила, я навещала тетю Лену, разговаривала с ней. Когда труп увезли, мне стало страшно оставаться дома одной. С отъездом родных на Урал, моей обязанностью стало ходить в магазин. Однажды по радио объявили о выдаче продуктов на первую декаду марта. К 8 марта дополнительно на талоны должны были выдать по 300 граммов изюма. Когда открыли магазин, я бросилась в мясной отдел. Там такой бравый, краснолицый (это в блокаду-то!) мясник был. Подала карточки, он дал мясо, отрезал талоны. Пошла получать изюм, а мне говорят, что талонов на него у меня нет. Как нет? Оказалось, мясник отхватил талоны на изюм и еще на крупу. Не сознался. Пришла домой в истерике. Мама успокаивала меня. В мае-июне 1942 года для школьников было организовано питание при

столовой. Мы сдавали свои карточки, и там нас кормили два или три раза в день, точно не помню. Кормили хорошо. Очень строго следили, чтобы мы все съедали и ничего не уносили домой. Мама свои продукты съедала сама. А до этого мы все продукты делили пополам на три раза в день. Однажды вместо сахара мама получила конфеты - часть конфет "Домино", а часть ирисками. Она дала мне одну ириску и кусочек от конфетки "Домино". Легли спать. Ночью мама разбудила меня и, плача, сказала, что съела все конфеты! Не удержалась, отрезала по кусочку то от одной, то от другой конфетки, пока они не закончились. Раньше, когда мы питались вместе, у мамы было чувство ответственности передо мной, ребенком, а теперь стало трудно устоять перед соблазном все скушать сразу. После этого случая мама перестала отпускать меня на школьное питание. В мае 1942 года папу перевели в действующую армию и должны были отправить на фронт. Здоровье его было настолько плохое, что сначала положили в госпиталь, и только в августе отправили на фронт. Папа погиб в сентябре, под Синявиным.

Нас с мамой заставили эвакуироваться. Объяснили, что приближается зима, дров нет, в домах нет окон, и с детьми будет еще тяжелее, чем зимой 1941-42 годов. В июле мы уехали на Урал. Переправлялись через Ладогу. Во время переправы нас все время бомбили, катер качало так, что он чудом не перевернулся. Было очень страшно. На Ладоге нас встретили, накормили, дали на дорогу продуктов. Многие люди набрасывались на еду, съедали сразу большое количество, и очень быстро умирали. На Урале нас встретили родственники. Дальше мы отправились на подводах в село. Там на нас приходили смотреть, как на нечто диковинное. Это действительно было чудо, что мы выжили! У мамы была дистрофия третьей степени, цинга второй степени. Она уже не могла ходить.

Благодаря отзывчивым и добрым людям, мы выжили. Низкий им поклон! В Ленинград мы вернулись тоже в июле, но уже в 1944 году.

КУЗЬМИНА (ЗЕРНОВА) Валентина Алексеевна

06.05.1930 г.р.

Когда началась война, мне было восемь лет. Жили мы в трех километрах от Ижорского завода в городе Колпино на станции Понтонной, Фанерный завод, улица Зареченская 11а. В первые дни войны отца призвали на фронт. Мама осталась беременная. Уехать куда-либо мы не успели, попали в блокадное кольцо. Обстрелы Ижорского завода были ежедневными. От первой бомбежки я оглохла, так как еще не знала, что при взрывах бомб надо открывать рот. Вначале мы прятались в землянке, потом привыкли к бомбежкам и артобстрелам, оставались в квартире. В магазин я ходила сама, было не страшно, привыкла. Пригнешься к земле и бежишь, только пули посвистывают над головой. Однажды начался очередной обстрел и нас всех заперли в магазине. Снаряд попал в стоящее рядом здание, взрывом оторвало угол дома. Стали говорить, что это пострадал наш дом. Я вырвалась из рук охранников и помчалась домой. Меня схватили какие-то люди, которые стояли в подъездах домов, а я кричала: "Где моя мама?!". Это было ужасно... Сестренка родилась в землянке. Есть было нечего. Я нашла дома в буфете бублик и была рада, что для нее есть какая-то еда. От голода мама и сестренка умерли. Их на саночках отвезли на кладбище и там оставили. Где их похоронили - не знаю, ходим на Братскую могилу. Потом была эвакуация по Дороге Жизни через Ладожское озеро.

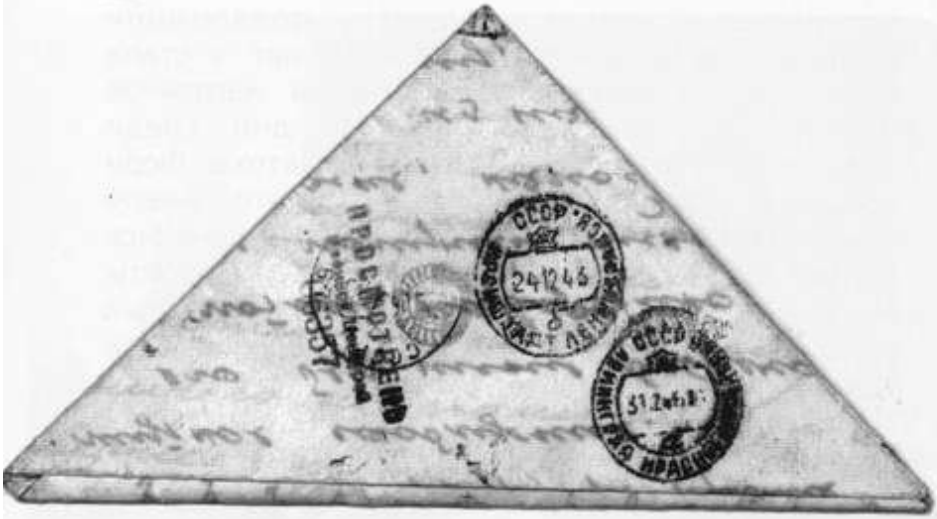
Очень хочется, чтобы зло никогда не повторялось, чтобы люди всегда жили в мире.

БУРЛАКОВА (Стерликова) Лидия Семеновна

16.03.1922 г.р.

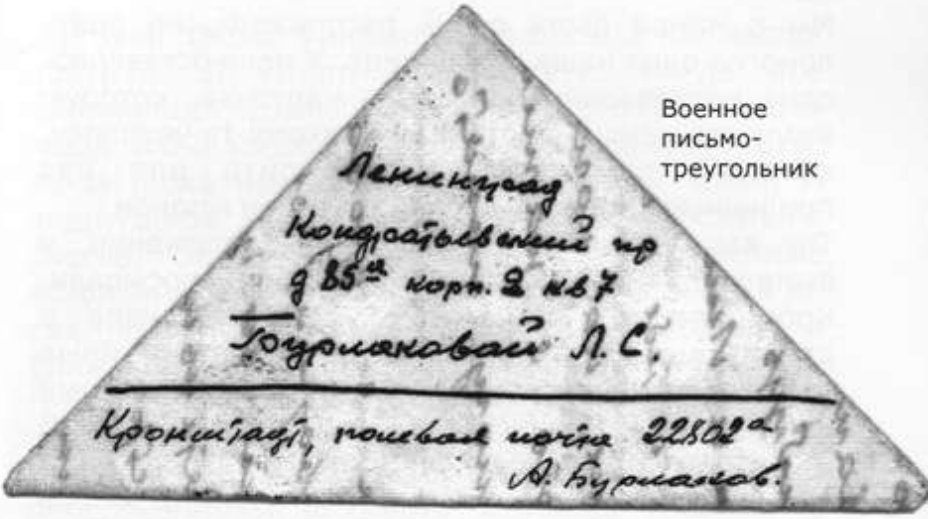
22 июня 1941 года я готовилась к последнему выпускному экзамену в техникуме Советской торговли и ни о чем не подозревала до тех пор, пока не прибежала подруга и не сказала о сообщении Совинформбюро о том, что германские войска перешли границу Советского Союза, началась война. Мы с подругой сразу же отправились в техникум. По дороге мы видели, как над городом кружит немецкий самолет-разведчик, в него стреляли зенитки. Это было примерно в полдень. В техникуме собрались все учащиеся и нам объявили, что последний экзамен сдавать не надо. Всех мальчиков проводили в кабинет, где они стали писать заявления с просьбой отправить их на фронт добровольцами. Девочкам было велено приступать к работе. Тем, кто не боялся

материальной ответственности, предложили руководящие должности. Так в 19 лет я стала помощником директора объединения магазинов Выборгского района. В первые дни среди населения чувствовалась паника, суматоха. Люди закупали продукты, сметая все, что имело длительный срок годности. Через месяц начались бомбежки города. Недалеко от моего места работы загорелся недавно отстроенный пятиэтажный городок. Из-за нехватки пожарных и воды, городок выгорел до тла. Мою сестру Киру с двумя детьми - грудной девочкой и пятилетним мальчиком, эвакуировали поездом Красного Креста. По дороге состав постоянно бомбили. Кто мог - выпрыгивали из вагонов. На остановках пили воду из лужи. В местах остановок состава оставались трупы. Сестра с детьми смогла добраться только до Боровичей. Дальше путь был отрезан. Мама получила весточку о том, что сестра с детьми лежат на полу на вокзале в Боровичах и у них уже нет сил вернуться в Ленинград. Маме удалось за ними съездить. Но продовольственных карточек сестре не дали, позже предложили еще раз попытаться эвакуироваться через Ладогу. Вторая попытка оказалась успешной, они смогли добраться до Башкирии. Начинался голод. Люди увольнялись с работы и пытались уехать из города любыми путями. Одна продавщица, увольняясь, рассказала, что хочет уехать куда-нибудь, чтобы спасти мужа, который от голода уже съел и кошку, и собаку. Подвоза продуктов не было, многие продуктовые магазины закрывались, а в оставшиеся магазины продукты поступали нерегулярно и в недостаточном количестве. Была введена строгая карточная система. Все карточки отоварить было невозможно. Голод усиливался, нарастала паника. Все трамвайные остановки были пристреляны фашистами. Я видела полусгоревший трамвай, из которого доставали останки людей.



Вокруг вся улица была усеяна частями тел, залита кровью тех, кто ехал в этом трамвае. Магазин, в котором я работала, находился в конце Кондратьевского проспекта, около Богуславского кладбища. Там, на кладбище, стали взрывать землю и рыть большие траншеи, в которые штабелями укладывали трупы. Ни у кого не было сил рыть индивидуальные могилы. Скоро и этих траншей перестало хватать. Тогда стали взрывать большие котлованы, к которым трупы свозили на платформах. Трупы на них лежали, как дрова: один ряд вдоль, другой поперек. У людей уже не было сил довезти умерших до кладбища. Тогда под захоронения была отведена новая большая территория, на которой сейчас находится Пискаревский мемориал. Сначала там хоронили военных, а потом и гражданские лица, так же, как и на Богуславском кладбище в больших траншеях.

Я была на казарменном положении, иногда меня отпускали домой проведать маму. Наш дом был на Пискаревке, идти приходилось через перелесок. Повсюду лежало много трупов. Однажды вечером я шла домой по краю кладбища и увидела, как две женщины топором разрубали застывший на морозе



Военное письмо-треугольник

труп, а рядом суетился мужчина. Я спросила, что происходит. В ответ мужчина кинулся на меня с топором. На мое счастье в тот вечер я шла не одна, а с нашей сотрудницей Феней, женщиной крупной и решительной. Она схватила меня за руку, и мы убежали. Больше я домой не ходила, было страшно. Несмотря на все ужасы, мы даже шутили, меня, например, часто встречали возгласом: "Лида, ты пришла! А мы думали, что тебя съели!". Вот такой блокадный юмор...

Вспоминается такой случай: как-то раз в начале 1942 года вызывает меня покупательница и просит проконсультировать, она купила с рук мясо и хотела узнать, что это за мясо. Я посмотрела и мне стало нехорошо. Это было человеческое мясо.

Сразу вспомнилась история на кладбище, стало понятно происхождение холодца, которым торговали в городе почти на каждом углу.

Вскоре дом наш разобрали на дрова для приготовления еды военным. Маме с ее скудным скарбом помогли добраться до моей работы. Нам дали комнату, но жить в ней было нельзя - в комнате не было дверей, окон, не было пола. Все, что можно было сжечь, все было пущено на дрова.

Мы с мамой были очень расстроены, но опять помогла одна наша сотрудница. У меня оставалась одна неотоваренная хлебная карточка, которую взяла эта женщина, отдала ее какому-то человеку, который распорядился выделить для нас приличную комнату с дверями, окнами и полом.

Так как я была на казарменном положении, я выполняла все работы, на которые меня посылали. Кроме работы в магазине, я участвовала в строительных работах, чистила трамвайные рельсы, по ночам дежурила в госпитале, который находился в Военно-Медицинской Академии. В госпитале мы помогали раненым, переносили их из операционной в палаты, разгружали вновь прибывших. Отвозила я раненых и в другие госпитали. Бомбежки были такие сильные, что ночью было светло, как днем, и я каждый раз думала, что не вернусь. Потом госпиталь разбомбили немцы.

Магазин на Кондратьевском проспекте закрыли, а меня перевели в магазин на Охту заведующей. Охта тогда была вся деревянная, даже тротуары. От бомбежек все вокруг горело. Постоянно мучил голод, а еще больше холод. Мы с мамой месяцами не только не мылись, даже не могли раздеться, чтобы сохранить драгоценное тепло.

Однажды мне посчастливилось достать билет в театр, кажется, в Александринский, там выступала труппа театра Музыкальной комедии. В театр надо было идти почти через весь город. Возле театра у стены штабелями, как дровяные поленницы, лежали трупы. Там я увидела труп молодой женщины, ее грудь была оголена, и к ней прижимался трупик ребенка месяцев трех от роду. После увиденного спектакль уже не был интересен, да и прерывался несколько раз из-за обстрелов, зрителей два или три раза выводили в бомбоубежище.

Однажды нас с коллегой вызвали в управление

торговли. Около Финляндского вокзала нас застал обстрел. Я упала на подругу. Когда все закончилось, я была абсолютно цела, а ватник моей подруги был изорван в клочья, торчали куски ваты. Из-за шока меня душил истерический хохот. А подруга моя, которая лежала подо мной, встать не смогла. Оказалось, что у нее множественные осколочные ранения. Как такое получилось, я до сих пор не понимаю. Подругу я доставила в ближайший пункт оказания медицинской помощи. Несмотря на серьезные ранения, она переживала о своей семье, ведь продуктовые карточки были у нее, из-за ранения карточки могли оказаться просроченными, и смерть от голода грозила ее близким, а их было семеро. Я передала продуктовые карточки ее брату.

В 1943 году я познакомилась со своим будущим мужем Сашей. Он служил инженером-механиком на минном заградителе, который швартовался на Неве. Временами корабль уходил в Финский залив ставить заградительные мины. В августе 1944 года у нас родилась дочь Наташа. Через четыре месяца она умерла. Врачи сказали, что из-за блокады мы с мужем не сможем иметь здоровых детей, тем более, что муж - дистрофик. На площадь Урицкого на праздничный салют по случаю Победы я не пошла, была очень больна, а ведь я так ждала этого дня!

Из эвакуации вернулась сестра с детьми. Ее муж погиб. Пришел с фронта мой отец. В декабре 1945 года я родила сына. Не хотелось верить врачам, надеялась, что будут у нас с мужем здоровые дети. Так и получилось. Жили мы восьмером в той самой комнатушке, которую выделили нам с мамой во время блокады. Потом мужа перевели служить в Кронштадт, жизнь окончательно стала налаживаться.

КОПНИНА
Вера
10 июля
1941 г.
16 лет

ЛЕВКИНА (Копнина)
Вера Павловна
10.07.1925 г.р.

То, что пришлось пережить нам, старшему поколению, не дай Бог пережить нашим детям, внукам. Будь проклята та война, в каждой семье погибли родные, отцы, матери, сестры, братья.

В то утро, 22 июня 1941 года, было солнечно. Ленинградцы спешили выехать за город, в лес, на дачу, чтобы отдохнуть, подышать свежим воздухом. Счастливые, радостные, они стояли на вокзалах и автостанциях... Срочное тревожное сообщение из репродукторов о том, что немецкая авиация ночью бомбила Киев, а войска перешли границу Советского Союза, нарушила весь привычный уклад жизни.

Я была в пионерском лагере в окрестностях Ленинграда. Через два дня старшая пионервожатая отобрала несколько человек, чтобы поехать в Ленинград за вещами для всех ребят, так как поступила команда всех детей вывезти за пределы города. Мы поехали на грузовой машине. В лагерь я уже не вернулась, осталась с родителями в городе. В августе поступило распоряжение вывезти из города всех детей в возрасте до 12 лет. Вывозились целые детские сады и ясли, интернаты и школы. Наша семья отправила мою семилетнюю сестру и десятилетнего брата вместе с 235-й школой Октябрьского района. Горестная это была картина: родителей не подпускали, маленькие дети с узелками в руках двигались строем, за порядком следила милиция... Много горя и лишений досталось на их долю: голод, болезни, разлука с родителями. До Урала они добирались где транспортом, где пешком или на лошадях. С братом и сестрой мы встретились только в сентябре 1945 года.

Фашисты стремились захватить Ленинград и сравнять его с землей. Но люди, истощенные голодом, старались выжить, это действительно было трудно. Для победы над врагом необходимо было мужество. На улицах города появился теперь известный на весь мир плакат "Родина-мать зовет!". Он был размножен в десятки тысяч экземпляров. Призыв был переведен на все языки народов СССР. Автор плаката художник Ираклий Тоидзе. 22 июня он работал в своей мастерской, где и услышал сообщение о начале войны. Жена художника, Тамара Тоидзе, тоже услышала о войне, сразу спустилась в мастерскую к мужу. У нее лицо было такое... Когда Тоидзе увидел жену, он сказал: "Стой так и не двигайся!" - и стал делать набросок. Говорят, что Гитлер грозился казнить художника за этот плакат.

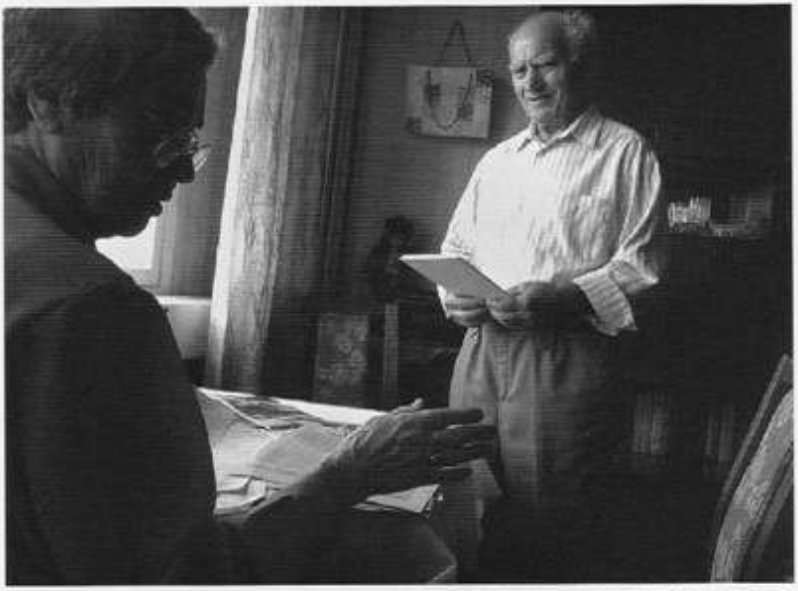
Первые бомбежки города начались в сентябре 1941-го. Мой отец дежурил на крыше двухэтажного дома, а мама, придя с работы, прилегла отдохнуть. Вдруг по радио объявили: "Воздушная тревога! Воздушная тревога!". Мама не стала вставать с постели, но потребовала, чтобы я и сестра ушли в бомбоубежище, которое находилось в нашем доме и предназначалось для жильцов и военнослужащих. Вдруг все содрогнулось, где-то рядом упала бомба. Через некоторое время в бомбоубежище, всего окровавленного, ввели нашего отца. Оказывается, взрывной волной его сбросило с крыши. Потом в бомбоубежище вбежала мама. Руки и лицо у нее тоже были в крови, изрезаны осколками стекла и кусками штукатурки, падавшими с соседнего дома, в который попала бомба. Этот дом был разрушен полностью. Мы бегали туда, слышали стоны людей, оказавшихся в завалах, пытались их спасти, извлечь оставшихся в живых...

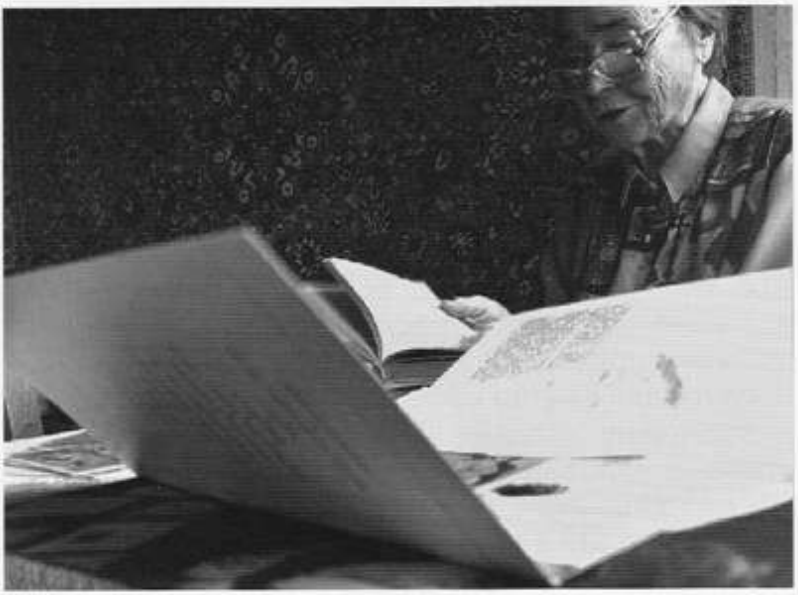
Эта бомба предназначалась либо Кораблестроительному заводу, либо Ленгорвоенкомату, они были в каких-то пятидесяти метрах от разрушенного дома.

Самый большой пожар начался 8 сентября, когда на город было сброшено около 5 тысяч зажигательных бомб. На Бадаевских складах сгорело более 3 тысяч тонн муки, 2,5 тысячи тонн сахара, других продуктов. Большую часть горелого сахара использовали на изготовление патоки. Горелый сахар ушел в землю, которую ленинградцы копали, приносили домой и настаивали в воде, которую потом кипятили и пили, как чай. Мама приготовила нам с сестрой по узелку и сказала, чтобы мы отправлялись на улицу Майорова к тете, надеясь, что там поспокойнее. Пока мы собирались, тетя Нюша сама пришла к нам, считая, что у нас более спокойное место.

Ходили мы медленно, сил было мало, их

Вера Павловна и её муж
ветеран войны Константин Петрович
в 1999 г. отпраздновали золотую свадьбу





Вера Павловна
бережно хранит всё, что связано
с блокадой Ленинграда

необходимо было экономить. На всякий случай мы всегда держали в чулках или на груди записки со своими именами и адресами.

Умерших, завернутых в простыни, на саночках отвозили в определенные места, до кладбищ добираться не было сил. Покойников никто не регистрировал. Морозы были страшные. За водой приходилось ходить на Неву, и многие погибли прямо на льду, сраженные голодом и морозом. С ноября нормы выдачи хлеба стали составлять 125 граммов служащим, детям и иждивенцам и 250 граммов рабочим. Хлеб был некачественным, из отрубей, древесной муки и белковых дрожжей. Люди стали болеть, появилась дистрофия, цинга. Многие ели касторку, вазелин, глицерин, столярный клей. Охотились за собаками, кошками, птицами. Из-за болезней, постоянных обстрелов, отсутствия тепла и водопровода, постоянного голода смертность в городе была ужасающей.

В ноябре 1941 года
от голода умерли 11 тысяч человек.
В декабре 1941 года
от голода умерли 53 тысячи человек.
В январе и феврале 1942 года
от голода умерли 200 тысяч человек.
За 6 месяцев 1942 года
от голода умерли 600 тысяч человек.

Мой отец-красноармеец во время блокады был возницей. В самый трескучий мороз поехал на лошади с подводой за продуктами. Пока оформлял пропуск для въезда на территорию склада, лошадь с подводой украли. После этого случая отец страшно заболел. Его положили в военный госпиталь, откуда санитарным поездом эвакуировали на Урал в город Верещагино. После выздоровления отца отправили на фронт. В 1943 году он умер от ран на хуторе Чернозубово Ростовской области. Мой двоюродный брат Леонид очень хотел кушать. Однажды он увидел кошку,

бросился за ней, схватил за хвост, но удержать не смог - не хватило сил. Кошка вырвалась, а брат тут же умер. Его мать умерла в поезде по дороге в эвакуацию. В декабре 1942 года и в январе 1943 года умерли папин брат, его жена и сын. От ран умер муж папиной сестры, в ополчении погиб их молодой сын.

Народ Ленинграда, переживший страшную блокаду, пусть даже не воевавший с оружием в руках, совершил подвиг, просто выжив в том аду. Этот подвиг подобен легенде.

Графика Остроумовой-Лебедевой

Генриетта Коэль в июне 1941 г.

КУЗНЕЦОВА (Коэль) Генриэтта Артуровна

19.11.1928 г.р.

В войну я осталась в Ленинграде с мамой и бабушкой. Мы жили в Басковом переулке, дом 1. Мне было 12 лет, когда подростков нашего дома собрали в домоуправлении, из нас создали бригаду, в обязанности которой входило дежурить

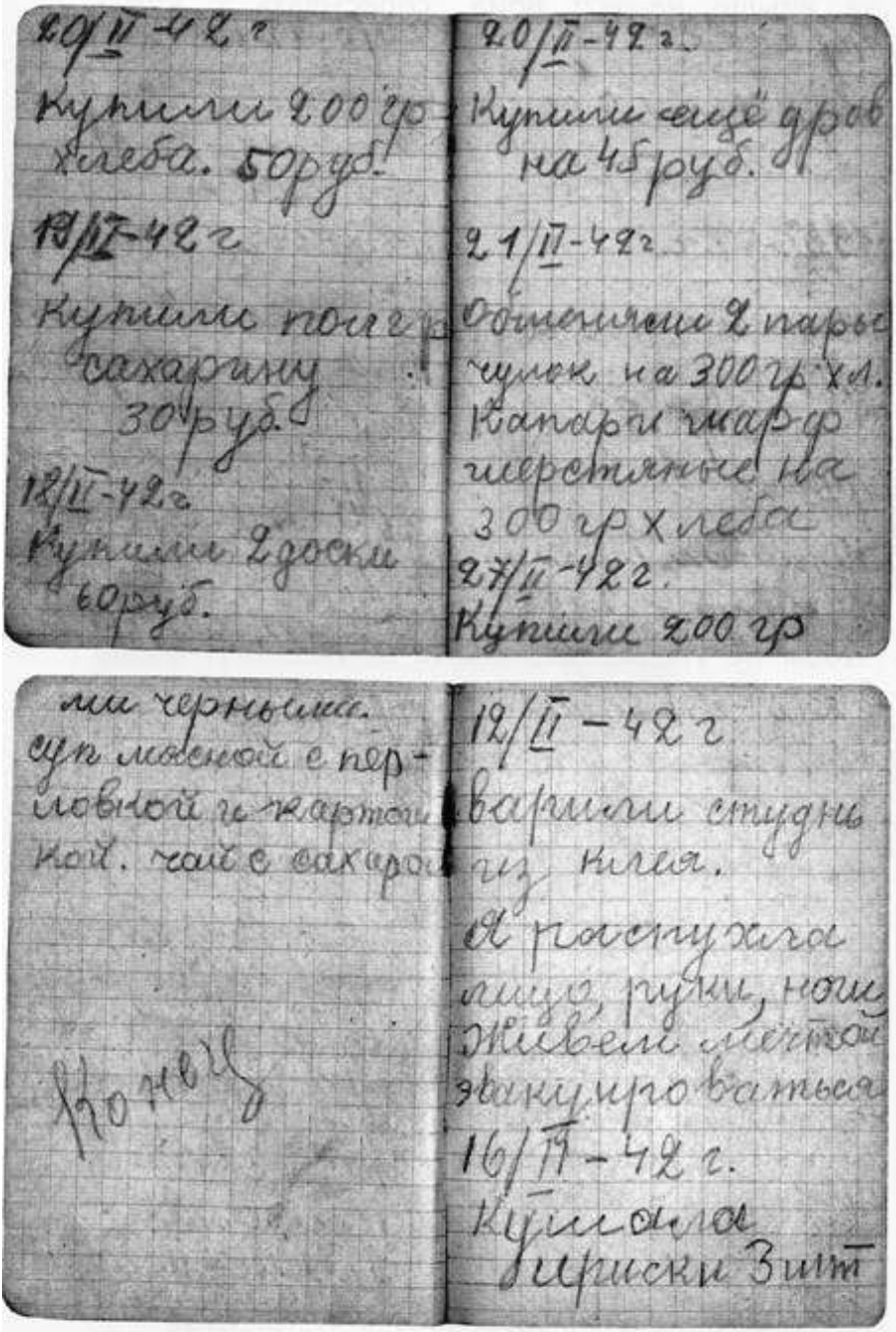
на крыше нашего дома, сбрасывать с крыш зажигательные бомбы или гасить их в бочках с водой или в ящиках с песком. Мы ходили по квартирам, двери в них всегда были открыты, записывали, где были трупы, а если в квартирах оставались маленькие дети, еще живые, относили их в домоуправление.

Когда не стало электричества, воды и отопления, стали искать новые средства: в доме появилась коптилка, сделали печку-буржуйку, которую сначала топили мебелью, а потом книгами. Воду для питья мы добывали из снега, который собирали на крыше.

По утрам, когда я отправлялась за хлебом, спускаясь с шестого этажа, я натыкалась на трупы, которые обессиленные жильцы с трудом могли вынести из кватир на лестничную площадку. Однажды я шла за хлебом на Лиговскую улицу. Чтобы не упасть, держалась за решетку забора больницы. У меня уже была цинга, с пальцев ног сочился гной, дистрофия властвовала надо мной. Меня увидели с машины, на которой везли хлеб, и бросили мне маленький кусочек хлебушка прямо на дорогу. Я доползла до него, съела. Это спасло меня от смерти. Если бы я упала, то уже не смогла бы подняться, а помочь мне тоже никто не смог бы. У людей не было сил.

10 апреля 1942 года умерла бабушка. Мы с мамой зашили ее в одеяло и на саночках отвезли на Охтинское кладбище в братскую могилу. Как-то мы узнали, что в нашем доме живет интендант, который за продукты скупает антиквариат и мебель из красного дерева. А у нас в квартире вся мебель была из красного дерева! Мы стали менять ее на крупу, хлеб, сахарин, продавать за деньги. Таким образом мы могли питаться и остались живы.

В мае 1942 года я пошла в школу, повторно в пятый класс. Там нас по два раза в день кормили, водили в баню, возили на Охтинское кладбище собирать



20/II-42 г.
Купили 200 гр хлеба. 50 руб.
19/II-42 г
Купили пол гр сахарину 30 руб.
12/II-42 г.
Купили 2 доски 60 руб.

20/II-42 г.
Купили еще дров на 45 руб.
21/II-42 г.
Обменяли 2 пары чулок на 300 гр хл.
Канарейка шарф шерстяные на 300 гр хлеба
27/II-42 г.
Купили 200 гр

ли черныша.
суп мясной с перловой и картофельной. чай с сахаром

12/II-42 г
сварили студень из кишек.
Я распухла лицо, руки, ноги
Живем мечтой эвакуироваться
16/II-42 г.
Купили
Горчицы Зимт

Странички из записной книжки 1941 - 1942 годы

Отрезной талон
на продукты
апрель 1942 г.

лебеду и крапиву для столовой. Я видела умирающих людей и горы трупов. И тогда я решила для себя, что, если останусь жива и вырасту большой, обязательно научусь делать лекарства и буду помогать лечить людей. В нашем доме жил маленький мальчик, лет четырех. Еле ходил, шатался, как травинка в поле, выглядел, как маленький скелетик, обтянутый кожей. А вот откуда сила взялась: малыш увидел, что в буфете стоит банка со сгущеным молоком. Он подвинул к буфету большой дубовый стол, забрался на него, достал сгущенку и съел ее. В другой квартире жила супружеская пара, интеллигентные, образованные люди. Их сын был на фронте. Они ждали, когда кто-нибудь из них умрет, чтобы воспользоваться продовольственной карточкой. Однажды на лестнице я встретила женщину, она с такой радостью сказала: "Умер! Умер! А еще начало месяца! Теперь я выживу!". Два месяца эта женщина держала в квартире труп своего мужа, получала за него продовольственную карточку. Она просто сошла с ума...

В июле 1942 года нас вывезли из Ленинграда на катерах по Ладожскому озеру. Катера бомбили, но нам посчастливилось проскочить. На другом берегу мы пересели в теплушки, на которых нас повезли в эвакуацию в Сибирь. По дороге умерло почти половина эвакуированных. Голодные люди съедали сразу весь свой продовольственный паек, который нам выдавали, а этого делать было нельзя, организм должен постепенно привыкать к пище.

Еще шла война, а мы уже в 1944 году вернулись в Ленинград, маму вызвали на работу. Я окончила школу, стала фармацевтом.

ЛЕНЦМАН (Иванова) Екатерина Павловна

28.11.1929 г.р.

Говорят, время лечит. Время, как дата в календаре, приходит и уходит, оставляя нас жить воспоминаниями. Много лет минуло с тех пор, как началась война, как в наши дома пришло горе, а непонятное в ту пору слово "блокада" стало спутником всей моей жизни. В ней остались моя мама, три моих брата и три мои сестры, все они покоятся на Пискаревском кладбище в братских могилах. Их на семь умерших всего три. Там на каждый холм отведено свое время и каждый, приходя туда, знает, где ему зажечь свечу. Это

сейчас. А тогда, зимой 1941 - 42 годов, замерзшую землю взрывали динамитом, готовя новые могилы-траншеи для захоронений. По нашему Лесному проспекту все шли и шли в сторону Пискаревки машины, доверху загруженные трупами ленинградцев. Ими заполняли Пискаревские рвы. Мой отец служил в частях МПВО в Ленинграде, и Пискаревка тоже входила в число их объектов. Помню, однажды, зайдя домой, отец рассказывал маме, как при разгрузке очередной машины, между трупами мужчины и женщины оказался трупик малыша, маленького, как наш Вова. "Неужели и наших детей ждет такая участь!?" - печально говорил папа. И вскоре смерть постучалась в наш дом. 1 февраля 1942 года умерла восьмилетняя сестра. Она все время мечтала пойти в школу, ждала сентября. Не случилось.

22 февраля умерла вторая сестра, ей было всего пять лет. Вот они и лежат вместе. Мама тогда говорила: "Улетели наши первые ласточки..."

29 марта умер мой старший брат, ему было 14 лет. Его тело еще лежало на кухне, когда умерла моя третья сестра, ей было 11 лет. Апрель нас миновал своей мертвой хваткой, но май забрал остальных. После суровой зимы оживала природа, светлее и теплее становилось от солнца, пробивалась травка, за которой я ходила на насыпь, она там была побольше, и приносила маме, клала ей на подушку, а мама дышала ею. Я все пела маме "Катюшу". Но мама была так слаба, помочь ей уже ничто не могло. Она умерла 3 мая, ей тогда было всего 36 лет. Мы остались одни. Малыши не плакали, а мне хотелось куда-то бежать, ни с кем не хотелось разговаривать, душили слезы. Мальчики молча сидели у маминых ног, дома было холодно, тоскливо и пусто, казалось, что солнце перестало светить.

Наш папа служил в Ленинграде, и, оставив ребятишек, я отправилась к нему сказать, что

Дети, разбросанные войной по разным детским домам, писали друг другу письма ...

случилось. Увидев меня, папа без слов все понял. Когда мы пришли домой, мама была еще теплая, папа долго звал ее, но мама не отзывалась.

А потом был детский дом. Наши мальчики были очень слабые, у них была дистрофия третьей степени, невозможно было их спасти. 15 мая умер пятилетний братик, а 26 мая - последний, самый маленький трехлетний братик. Он у нас в семье родился последним, и последним умер... Из Ленинграда меня вывезли вместе с детским домом. Папа пришел меня проводить. На всю жизнь запомнила его слова: "Доченька, как только закончится война, я к тебе, как из пушки, прилечу!".

В эвакуации мы прожили три года. Тяжело входили в жизнь. Нам ничего не хотелось: ни плакать - слез не было, ни смеяться, ни кататься зимой на лыжах и санках, а все бы стоять у теплой стенки подтопка, прислонившись спиной, и чтобы никто тебя не трогал.

Говорят, люди не ангелы. Мы ими не были: шалили, не слушались, на уроках получали разные оценки, но иногда договаривались и всем классом, дружно, получали "неуд" по немецкому языку. Это роптали наши души. Убегали с уроков, пристраиваясь где-нибудь на солнышке, каждый думал о своем, но

26/III-44г.

Привет из Курмышки!

Добрый день! Здравствуй дорогая сестрёнка Катюша! Шлю я тебе свой сердечный привет и шлю наилучших пожеланий в твоей жизни, учёбе, а самое главное быть здоровой. Милая Катюша! Спешу сообщить что я жива и здорова, получила твое письмо, которое было мне очень приятно.

Я все-что узнала про деревню. Мне прислали письмо оттуда. Пишут что деревни нет но нет не только деревни, и нету даже много из жителей всех угнали в Германию. Про тётю Нюшу ничего не знаю, но думаю что она тоже в Германии, всех увезли проклятые немцы. Дорогая Катя! Я получила письмо от дяди Коли он живет хорошо. Нас скоро наверное отпустят на каникулы. Скоро кончится 3-ая четверть начнут как узнаю свои оценки тогда тоже напишу. Твой дорогая сестренка! Ты просишь фотокарточки я вышлю тебе фото Серёженьки. Пиши на этот конечно жду ответ очень ждем. С приветом Лида.

Здравствуй дорогая Галя! Шлю я тебе свой горячий привет и шлю наилучших пожеланий в твоей жизни, учебе, а самое главное

быть здоровой. Дорогая Галя я получила твое письмо, за которое большое спасибо получила твое и Катюшо вместе. Живу я никого только очень здесь надоело скорей бы в Ленинград. Здесь уже тают снег, на улице слякоть. Пишите мне письма чаще. жду. Писать на этот конечно С приветом Лида

Горьковская обл
Тонкинский р-н.
с. Мадрята
Ивановой
Кате и Гале

Горьковская обл. п/о Курмышь
Ленинградский пр. Федорова А.

всегда говорили об одном: нам бы только хлеба и в Ленинград!

Грустные письма шли к отцу. Писала числа и время, когда и кто у нас умер, а папа в ответ писал: "Катя, ты мне все пишешь и пишешь (наверное, писала не один раз) про всех наших, а мне и так тяжело, наш дом холодный и пустой, не слышно ваших голосов, только вещи попадаются на глаза, и нет сил сдержать слезы. Домой заходить не хочется, но ты пиши".

Вот с тех пор и остался у меня пожелтевший от времени листок с печальными датами. В январе 2001 года, встречаясь на Пискаревском кладбище со старшей сестрой Тани Савичевой (имя и блокадный дневник этой ленинградской девочки известны всему миру, но Таня тогда не знала, что ее сестра жива), мы молча шли, каждая к могиле своей матери, еще не зная, что остановимся у одной. Наши матери умерли в один месяц, поэтому оказались похоронены в одной могиле. Возможно, там они породнились, а мы, их дочери, познакомились здесь. Зажженная нами свеча, одна на двоих, долго горела нам вслед, а мы шли дальше, к могилам своих родных. Расставаясь, мы пожелали друг другу здоровья. Нина Николаевна сказала: "Две семьи одной судьбы".

Моя спутница блокада и поныне живет во мне. Зимой, когда какая-нибудь птица заглядывает ко мне в окно, не могу ее не накормить, все кажется что это кто-то из моих, из той голодной зимы. Столько лет прошло, а мы, как пленники воспоминаний, вновь и вновь возвращаемся в свое страшное детство, с которым давно распрощались, но помним всегда. Меня как-то попросили назвать три заветных желания, и, нисколько не задумываясь, я ответила, что хочу, чтобы сейчас раздался звонок, я открыла дверь и чтобы там стояли гуськом, как раньше, по старшинству, брат Коля, сестры Валя, Тоня, Люся, младшие братья

Толя и Вова. И мама. Я усадила бы их за стол, и все кормила бы, кормила, и только потом стала их целовать...

Но чудес не бывает. Звонок молчит. Желания, увы, остаются желаниями. И только память воскрешает те далекие дни. А помним мы многое. Однажды, приоткрыв свою память, мы долго не можем уложить ее обратно в наш маленький сердечный ларец. Я до сих пор слышу мамин голос над умирающей сестрой: "Доченька, доченька, не умирай!"...

Помню нас, собравшихся в стайку, и под пионерским салютом поклявшихся никогда не ссориться и не обижать друг друга. Всего за два месяца безжалостная смерть отняла у нашей мамы четверых ее детей. Помню, как тихо, без слез, мы прощались с умершими. Только мамин плач доносился из другой комнаты, а навещавшая нас сандружинница успокаивала маму: "Таня, не плачь, ты еще молода, у тебя будет еще много детей". Нас, живых, оставалось еще трое. Но в мае 1942 года не стало ни мамы, ни двух моих братиков, младшему 23 марта исполнилось всего три года. Все опустело: и двор, и квартира, надолго закрылась душа.

Помню, бегая и играя в свои незатейливые детские игры, мы с подругой Леной встречались без смеха и улыбок, задавали всегда один и тот же вопрос: Кто у вас умер сегодня? А у вас?... И расходились по своим холодным и пустым квартирам, чтобы при следующей встрече опять задать друг другу все те же вопросы. Впереди у нас с Леной был детский дом.

В начале войны, когда началась эвакуация заводов и фабрик, нашей семье предложили уехать вместе с заводом "Красная Нить", где до войны работал наш папа. Но мама не рискнула, отговорилась, что в эвакуации ей будет трудно с таким количеством детей, да и папу одного оставлять не хотела. Мы

остались в городе. И вот папа сидит с иголкой в руках и шьет саван для мамы, которая так оберегала его от смерти. Вечером, когда мамы уже не было в доме, мы с братиками (они были еще живы), укрывшись одеялами, сидели на кровати. Папа сидел перед раскрытой печной дверцей, там что-то горело. Низко опустив голову, папа плакал. Он плакал молча. Укрывшись с головой и уткнувшись в подушку, плакала и я, убеждая себя: "Вот вырасту большая, будет у меня дочь и назову я ее маминым именем Татьяна". Сейчас моя дочь значительно старше своей бабушки, которой было всего 36 лет...

Наша Ладога, воспетая и неотделимая от блокады - скольких нас, ленинградцев, ты спасла! И скольких просто не успела... Когда приходится бывать в Ленинграде, мы ездим на Ладогу и я всегда ищу глазами тот валун, на котором в далеком 1942 году мы сидели, тесно прижавшись друг к другу, тихо-тихо, как мышки. Директор детского дома Тимофей Васильевич Зиновьев сказал нам: "Дети, не пугайтесь, сейчас будут взрывать камни". Не знаю, боялись ли мы, но налета не было, камни не взрывали. Под прикрытием авиации мы пересекли Ладогу. Вспоминая это, всегда улыбаюсь нашей детской наивности.

Говорят, в добром деле все хорошо. Три года прошли в эвакуации на добром слове, на добром питании, на добром отношении. Мы окрепли, подросли, а дождавшись Победы, засобирались домой. Когда заведующая детским домом София Павловна Крезова спросила у нас: "Дети, вы хотите приехать в Ленинград красивыми?" и предложила пройти путь до станции в 20 километров босиком, мы все ликовали. Связали свои ботинки из кирзовой кожи, перебросили их через плечо и пошли. Не было цветов, встречающих людей, не играл туш. Это была встреча с Ленинградом.

Дома почти ни у кого не было, как не было и

родственников. Многие из нас могли сказать: "Умерли все". Или "Осталась одна"... На одной из станций по пути в Ленинград я случайно встретила свою двоюродную сестру Лиду. У нее тоже все умерли - мама, папа, с фронта не вернулись два брата. Ленинградское радио еще долго вещало: "На Московский вокзал прибыл спецэшелон с детьми из детских домов Горьковской, Ярославской, Ивановской и других областей". Это возвращалось спасенное поколение, чтобы подставить свое плечо тем, кто не покидал Ленинград все 900 блокадных дней и ночей. Ждать нашего полного совершеннолетия страна не могла, вот и подавали мы в раскрытые окошки отделов кадров не совсем еще взрослой рукой вместо паспорта свидетельства о рождении. А паспорта были значительно позже.

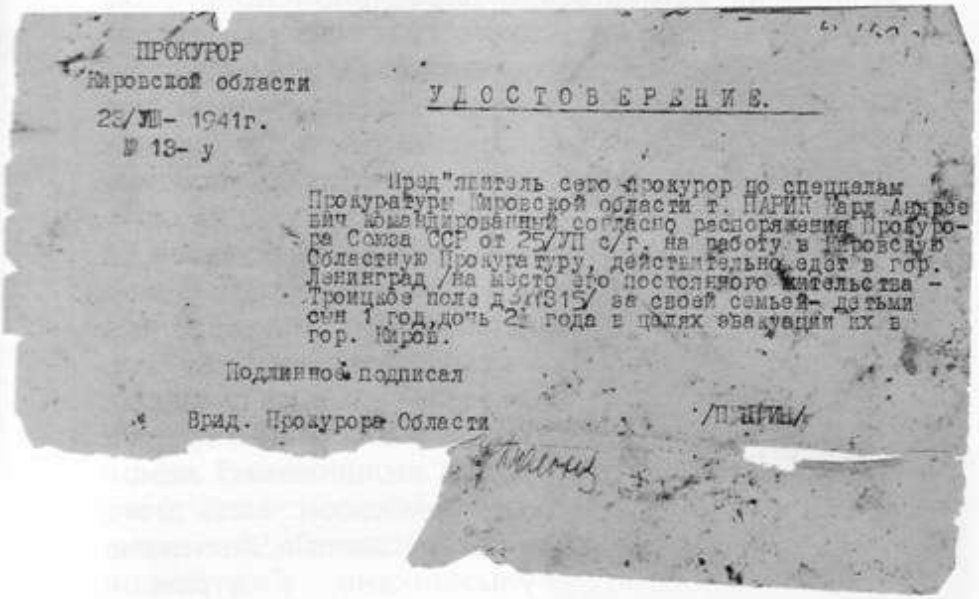
И вот теперь, спустя много десятилетий, мысленно возвращаясь к тем давно минувшим дням, я вспоминаю слова Федора Ивановича Тютчева: "Живя, умей все пережить". Своему внуку Леониду и правнуку Денису своими воспоминаниями хочу сказать: "Мальчики, я хочу соединить живое с вечным. Чтобы жили вы настоящим, мечтали о будущем, но всегда помнили о прошлом. Оно тоже - ваше".

Ленцман Екатерина Павловна с внуком

Линда ПАРИК

31.12.1938 г.р.

До войны многочисленная папина родня жила в разных районах Ленинграда - на Старо-Невском, Охте и т.д. Наша семья жила на Троицком поле. К началу блокады папа оказался по специфике своей работы в Кировской области. На



ПРОКУРОР
Кировской области
23/УП- 1941г.
№ 13- у

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Предъявитель сего прокурор по спецделам Прокуратуры Кировской области т. ПАРИЙ Карл Андреевич командированный согласно распоряжения Прокурора Союза ССР от 25/УП с/г. на работу в Кировскую Областную Прокуратуру, действительно едет в гор. Ленинград /на место его постоянного жительства - Троицкое поле д.№315/ за своей семьей- детьми сын 1 год,дочь 2½ года в целях эвакуации их в гор. Киров.

Подлинно подписал

Врид. Прокурора Области /П[illegible]/

въезд в Ленинград надо было иметь разрешение. 21 августа 1941 года он это разрешение получил с целью вывоза семьи из города. До Ленинграда он добрался, но город уже бомбили, обстановка изменилась и вывезти нас он уже не сумел. Приближалась зима, и было решено, что все женщины и дети нашей родни переберутся на Охту в деревянный дом к бабушке, где была большая плита. Здесь стали жить четыре папины сестры, мама, я, брат и бабушка. Все мои тети работали, кто в госпитале и в больнице, на строительстве оборонительных сооружений, а у одной было трое маленьких детей. Работавшие приходили домой не каждый день, ходить было тяжело. Поэтому все бытовые заботы лежали на маме и тете с детьми. Маме было тридцать лет, а тете тридцать пять лет.

Дни блокады я помню отдельными эпизодами, что сохранила детская память: черная "тарелка" в углу на полочке, звук метронома и внезапное: "Граждане!..."

Помню погреб или землянку недалеко от дома. При

бомбежках оставаться в деревянном доме было опасно. Во время одного из налетов сгорел соседний дом, и поэтому мы укрывались в погребе. Чтобы не было тесно, для детей была специальная полка, на которую нас, завернутых в одеяла, как бревнышки, укладывали в один ряд; взрослые сидели на скамейке ниже.

Помню, как в морозы лежали с братом валетом на кровати под кучей одеял и одежды, а между нами в ногах лежал согретый на плите утюг, и я старалась повернуть его подошвой в свою сторону.

Помню кастрюлю с супом, сваренным из сгнивших капустных листьев и нескольких мерзлых картошин, с большим трудом выловленных мамой из какой-то воронки после бомбежки. Часть этого супа оставили на утро детям, закрыв кастрюлю крышкой и двумя булыжниками, а утром я услышала мамин плач. Оказывается, ночью крысы скинули и крышку, и булыжники, да еще и опрокинули все.

Брату зимой 1941-го было чуть больше года, он перестал ходить и говорить. Я помню его сидящим на стуле с протянутой рукой и тихое: "Няй-няй!" ("дай-дай!"). Чтобы отоварить хлебные карточки, они были прикреплены к месту прописки, маме приходилось рано уходить, чтобы вечером вернуться, дорога шла через кладбище. В один из таких дней, утром, похоронили знакомую девочку, а вечером мама с грустью рассказывала, что могилка раскопана, а рядом одна синенькая туфелька.

Чтобы топить плиту, мама ходила на пожарища искать дрова (остатки досок, бревен растаскивали быстро, надо было еще успеть). Однажды она не вернулась к ночи домой. Оказалось, что от истощения потеряла сознание, а когда ночью очнулась от холода, почувствовала, что на ней что-то тяжелое. Это были сложенные трупы, видно, ее тоже приняли за покойника. Как она вспоминала,

только мысли о детях заставили ее с трудом выползти из-под трупов и добраться до дома.
Тетя, у которой были дети, умерла весной 1942 года, оставив трех сирот. Конечно, они не пропали, мы жили все вместе. В Книге Памяти в 30 томе на 462 странице есть запись: Тинтунен Лидия Андреевна 1904 г.р., м. прож. Рубинская ул. д.18 кв 2. Дата смерти - апрель 42, Пискаревское кладбище".
Умерли соседи. Мама уже еле двигалась, и весной 1942-го года ее с братом в тяжелой форме дистрофии эвакуировали в Ярославль через Ладожское озеро на барже. Немецкие самолеты постоянно сбрасывали на баржи бомбы. Две баржи с женщинами и детьми затонули у мамы прямо на глазах. Когда маму и брата увезли, никто не верил, что мы их снова увидим. Я через некоторое время стала звать тетю мамой. На месте нашего дома, на Охте, стали строить оборонительные

Мама Линды - Мария Парик

сооружения, все снова перебрались на Старо-Невский и Троицкое поле. Когда я в конце войны увидела маму, я ее не узнала. Говорить о блокаде она не любила, но после войны каждый оставшийся кусочек хлеб сушила. И горько шутила, что теперь не сможет уже подхватить нас обоих на обе руки, чтобы бежать от бомб, дети выросли...

После войны квартира на Невском, 109 до самого капитального ремонта здания всегда была местом встречи и сборов всех наших родных и знакомых.

И вот, в ноябре 2008 года с группой блокадников из Эстонии по приглашению Правительства Санкт-Петербурга я снова побывала в Ленинграде. Снова встреча с пережившими вместе блокаду родственниками. Ряды их уже значительно поредели, но эти грустные мысли делают наши встречи еще теплее. И мы, уже поседевшие дети блокадного Ленинграда, посетив могилы рано ушедших отцов и матерей, еще долго вспоминаем прошлое и долго не можем расстаться.

ЛЮБЕНКО (Пяхова) Елизавета Ивановна

Ленинградские девушки до войны не держали в руках ни топора, ни пилы, ни лопаты, не видели винтовки. Когда пришлось встать на защиту родного города, научились всему. Все мужчины были призваны на фронт, поэтому в госпиталях все хозяйственные работы на свои хрупкие плечи взвалили девушки. Сначала я служила в 3-м Рижском госпитале, он располагался на улице Льва Толстого в здании общежития 1-го Медицинского института. Немцы настойчиво бомбили город. Бомба попала в госпиталь моряков на проспекте

Газа. Больных и раненых распределили по другим госпиталям, несколько человек попали в больницу Эрисмана. Потом, когда в госпитале освободились места, матросов мы взяли к себе. Один из матросов, которому при выписке была предложена армейская форма, запротестовал, потребовал, чтобы ему вернули его флотскую одежду. Начальник приемного покоя велел мне сходить с ним за его формой в больницу Эрисмана. Мы быстро нашли приемный покой, по длинному темному коридору направились к свету коптилки в конце коридора. В коридоре было много людей, они сидели вдоль стен. В большой комнате, где сидела медицинская сестра, на диванах и на стульях тоже сидело много людей. Мы объяснили сестре, что надо найти форму матроса и отдать ему. Сестра подняла коптилку, осветила комнату и сказала: "Посмотрите, что делается! О какой форме и о каких вещах можно говорить в таких условиях!". В комнате и коридоре сидели покойники. Их было много. Люди приходили за помощью в больницу, но умирали быстрее, чем помощь могла подоспеть к ним. Матрос прижался ко мне, мы вышли на улицу. Он сказал: "Одевайте меня во что угодно, только бы быстрее на фронт, бить, бить этих гадов, отомстить за этих людей!".

"В стационар." 1944 г. Линогравюра С.Б. Юдовина

ЛЫСАКОВА
Вера Николаевна
07.09.1933 г.р.

Я родилась и выросла в Ленинграде. У меня были еще две сестры 1934 и 1937 годов рождения. Жили мирно и дружно. Все. Жили в Невском районе, Троицкое поле, Второй городок, недалеко от военного завода "Большевик". Жили в коммуналке и было в ней еще двое соседей.

В один из солнечных летних дней наша мирная жизнь была нарушена. Все родственники собрались за круглым столом (родители матери и их дети), 22 июня 1941 года, после того как по радио Левитан объявил, что началась война. Начали летать самолеты и падать бомбы. До наступления холодов соседи еще жили вместе с нами. С наступлением

холодов отключили электричество, тепло. Отец соорудил в комнате буржуйку, вывел трубу в форточку. Буржуйку топили всем, чем могли. Соседи уехали к своим родственникам, наша семья осталась одна в квартире. Мы перебрались жить на кухню, где была печка и немного дров. Морозы зимой 1941 - 42 годов доходили до минус 42-х. Стены на кухне были утеплены, но, несмотря на это, было очень холодно. Младшая сестренка сильно простыла, получила воспаление легких и умерла. Мама завернула ее в простыню и отвезла на Преображенское кладбище, похоронила в общей могиле.

Отец работал на военном заводе им. Ворошилова. Воды в квартире не было, и мама с папой ездили с ведрами на санках за водой на Неву. Пока еще ходили трамваи, мама решила съездить к своим родственникам, они жили на Лиговском проспекте. Дом находился в глубине двора. Когда мама приехала в центр города к своим родителям, во двор упала бомба, но не взорвалась. Все мы остались живы.

Мама работала в трамвайном парке. Папа настаивал, чтобы наша семья отправилась в эвакуацию, но мама твердо заявила, что будет умирать на своей родине - в Ленинграде. Хлебный паек был очень маленький. Собирали и ели траву, делали из нее лепешки и жарили их на плите без масла. Ели все, что попадалось, и что могло быть съедобным. Позднее отца забрали в армию, и мама с двумя дочками осталась одна. Но она продолжала работать в трамвайном парке. Мы с сестрой оставались дома одни, лежали на кухне на кровати. Во время одной из бомбежек осколок от бомбы разбил стекло и влетел в кухню. Нам с трудом удалось горячий осколок, от которого загорелась тряпка, затолкать в печку. Воды не было, и мы вполне могли оказаться в пожаре.

Однажды вечером, когда мама была дома, в дверь постучали, и солдат сказал, чтобы мы были готовы к

утру к отъезду, была объявлена эвакуация, потому что немцы очень близко подошли к Обухову. Была очень высокая вероятность оказаться в зоне немецкой оккупации.

Во время бомбежек и артобстрелов мы находились в бомбоубежище. Там учились, правда, тетрадок не было, писать приходилось на газетах. Еще нам с сестрой и мамой приходилось рыть окопы во дворах домов для самообороны.

Мама меняла вещи на продукты, чтобы мы с сестрой могли выжить в те суровые годы.

Валя Мяэкиви Ярославль 22 августа 1944 г.

МАЙОРОВА (МЯЭКИВИ) Валентина Николаевна

15.09.1928 г.р.

В Ленинграде мы жили на 9-й Советской улице, дом 39/24, квартира 9. В 1941 году я на "4" и "5" закончила пятый класс. Папа выполнил свое обещание повезти нас в Царское Село посмотреть

янтарную комнату в Екатерининском дворце, посетить лицей, в котором учился Пушкин, галерею древнегреческих философов. 31 мая мы выехали на дачу в Мельничьи Ручьи, где должны были провести все лето, до 31 августа. В конце рабочей недели на выходные, прихватив продукты, на дачу приезжал папа. Так было каждое лето, когда мы снимали дачу в Лисьем Носу, Разливе, Сестрорецке...

Война началась так неожиданно. В день объявления войны на вокзале дачники штурмом брали поезда, возвращались в Ленинград. Мы оставались на даче, папа не разрешил возвращаться в город. Он по карточкам получал продукты и привозил их к нам. Правительство обещало закончить войну за три месяца, вот тогда и вернетесь, говорил папа. В первые дни войны папу вызвали в военкомат и выдали "белый билет" по болезни, но он продолжал работать на заводе.

Мы жили на даче и видели, как в сторону Ленинграда черной тучей пролетали тяжело груженые немецкие бомбардировщики, а назад возвращались пустые. Мы, дети, услышав нарастающий гул самолетов, прятались в траншею, выкопанную в стороне от дома, но нас ни разу не бомбили и не обстреливали. В Ленинград мы вернулись 30 августа. Первое, что увидели - уже несколько дней горящий госпиталь на Советском (теперь Суворовском) проспекте, недалеко от Смольного. Там очень много погибло раненых бойцов, в воздухе пахло горелым человеческим мясом, кровью. Стояли крики, стоны людей, а мы ничем не могли помочь. До сих пор помню и слышу их мольбы о помощи... Смольнинский район бомбили редко, там не было промышленных предприятий и стратегических объектов, но каждый вечер при объявлении тревоги мы с папой выходили на чердак дежурить. В большие бочки с водой мы бросали упавшие на крыши зажигательные бомбы. Сначала было страшно, бомба вертелась, шипела,

ее надо было щипцами ухватить за "хвост" и окунуть в воду в бочку. Радовало то, что не так часто бомбы падали на наш дом. Мы наблюдали, как в других районах города полыхали пожары, пылали Бадаевские склады, американские горки на Петроградской стороне. Запах гари распространялся по всему городу. Страшно было.

Надвигалась суровая зима 1941 - 42 годов. Наша семья получала 650 граммов хлеба на четверых. Папа делил хлеб на всех поровну. В нашем доме было печное отопление, но мы поставили железную печку-буржуйку, трубу от которой вывели в печной дымоход. По вечерам собирались у печурки при свете коптилки в ожидании супа из голов кильки с хряпой - очень жестких зеленых листьев капусты, и лепешек из испитой кофейной гущи с добавлением отрубей. Это ужасно, но очень хотелось кушать. Меню было разнообразное: студень из столярного клея, котлеты из вымоченных сыромятных ремней, каша из горелых соевых бобов с разбомбленных Бадаевских складов, много другое, что сегодня кажется невозможным даже отдаленно назвать едой.

В октябре 1941 года я с мамой поехала в Озерки, конечная остановка трамвая №20 по Лесному проспекту, за капустными листьями и за лебедой. Для огородников это сорняк, а для блокадников - большое подспорье, пищевая добавка. Трамвай уже приближался к конечной остановке, как вдруг вагоновожатый крикнул пассажирам, чтобы все сели или легли на пол и не высовывались из трамвая. Не останавливаясь, на полной скорости трамвай покатил в обратный путь. Мы успели увидеть немцев, которые бежали из леса в нашу сторону и стреляли по трамваю. Трамвай мчался без остановки до тех пор, пока не удалился на безопасное расстояние. Перепуганные и бледные взрослые сидели на полу трамвая, а мы, дети, разревелись. У нас дома обязанности для всех были

четко распределены и аккуратно выполнялись. Папа ходил на завод, мама ежедневно ходила за хлебом и раз в десять дней с папой за продуктами, я ходила в школу и присматривала за трехлетним братом.

В декабре 1941 года к голоду добавился холод. В квартире минус четыре. Занятия в школе отменили, в чернильницах замерзали чернила, постоянно хотелось есть и спать. Читать и думать сил не было. Пришлось прекратить занятия музыкой - руки распухли, как подушки. В конце декабря, возвращаясь с работы, папа попал под артобстрел. Осколок попал в голову, разорвав кожу от волос до носа. Ему наложили швы, два месяца папа был на грани жизни и смерти. Мама, проводя холодные ночи в очередях за хлебом, простыла и заболела. Я с двумя бидонами ходила за водой на Неву. Мама лежит, ничего не говорит, не ест, не пьет, не может подняться. Тает на глазах. Каждую ночь я просыпалась в страхе, вдруг мама и папа умрут, что я тогда буду делать с маленьким братом? Так длилось два месяца. Потом папа стал немного поправляться, ходить по комнате. Утром и вечером топил печку. Дрова собирали на пожарищах и разбомбленных домах. Спали в одежде, не мылись. Одолевали вши. Одежду, которую удавалось поменять, сжигали в печке вместе со вшами. В феврале 1942 года всех жителей обязали выходить на расчистку улиц и трамвайных линий. К этому времени папа уже стал ходить на работу, мама тоже ожила. Я ходила за хлебом и продуктами, за водой, и обязательно на два часа на уборку улиц за себя и за маму. Самое страшное было ходить за хлебом и продуктами. Люди голодные, озверевшие, глаза горят и бегают по тебе в поисках чего-нибудь съестного. Они могли убить, отбирая хлеб и продукты.

В апреле папу отправили на оборонные работы в Волкову деревню. В штабе нужна была связная, и на

Валин
папа
Эдуард
Мяэкиви

эту должность определили меня. Я ходила пешком от штаба по Лиговке до Московского Райсовета, где располагался районный штаб, носила донесения о выполненных работах. Приходилось ходить и на передовую линию, носить распоряжения. Передовая находилась в пяти километрах от штаба оборонных работ, это большое картофельное поле, с одной стороны которого были наши ополченцы, а на другом конце в окопах сидели немцы, играли на губной гармошке и постреливали в нашу сторону, если кто-нибудь из ополченцев неосторожно высовывался выше бруствера. Посылая меня с донесениями, мне всегда напоминали о голове и велели беречь ее. Подходя к передовой, приходилось осторожничать, прятаться за кустами и деревьями. В окопах шла согнувшись, чтобы не потерять голову. Так прошло лето, наступила осень 1942 года. Занятий в школе не было - то ученики болели, то учителя. Мама была дома с братиком. Кушать хотелось все больше и чаще.

Нас выручали вино-водочные изделия и табак, которые мы получали по карточкам, а затем меняли на продукты и хлеб. Это было хорошим подспорьем. Папа строго следил, чтобы мы ели три раза в день, хорошо прожевывая пищу и довольствовались тем, что есть. Очень трудно было сдерживать себя, ходить вечно голодными, но сейчас я уверена, что от смерти нас спасла папина строгость и требовательность. Был один неприятный для меня случай, который я запомнила на всю жизнь. Однажды вместо сахара по карточкам выдали изюм. Мама положила его в литровую банку и убрала в буфет. Откроешь дверцу буфета, а изюм смотрит на тебя, подмигивает, угощает: "Ну, съешь одну штучку! Только одну штучку!". Я не выдержала соблазна, взяла одну изюминку, потом другую... И не могла остановиться. Вечером папа взял из буфета банку, а там только половина... Папа решил, что изюм съел маленький братик. Несколько раз он спрашивал, кто съел изюм? Брат плакал, я молчала, мама молчала. Тогда папа сказал, что никого наказывать не будет. Он и до войны никого никогда не наказывал, старался во всем внимательно разобраться и всегда объяснял, что хорошо, а что плохо. А здесь война, все голодные. Мне было очень стыдно за свой поступок. Маленький брат не сделал этого, а я... стыд и позор мне! Все это я запомнила на всю жизнь, урок был очень поучительный! Став взрослой, я учила и воспитывала детей так, как меня научили папа, война и жизнь.

В начале ноября 1942 года правительством страны было принято решение открыть в Ярославле филиал завода "Салют", на котором работал папа. Этот завод был единственным в Советском Союзе, там выпускали готовальни, логарифмические линейки, авторучки, перья для ручек. Оборудование долго и тщательно упаковывали. Выделили железнодорожный состав. По пути следования к Ладоге нас несколько раз бомбили. Пока путь

пролегал через лес, все было благополучно, но на открытой местности, которую мы надеялись проскочить в утренней дымке, во время авианалета несколько вагонов были повреждены. Уцелевшее оборудование дружно перегрузили в другие вагоны, состав двинулся дальше и к ночи добрались до Ладоги. К следующей ночи оборудование нужно было перегрузить на теплоход. Его разместили в трюме, туда же направили женщин и детей, а мужчины остались на палубе. Мы попрощались с папой, не надеясь больше увидеться. Мама взяла нас с братом за руки и мы, как и другие пассажиры, сидели в полной темноте, тесно прижавшись друг к другу. Слышались горькие вздохи, плеск воды за бортом. Через некоторое время караван теплоходов начали бомбить. Наш теплоход швыряло из стороны в сторону, никакой надежды на благополучный исход не было. Мама крепко держала нас, чтобы мы были вместе, если что случится. Вокруг нас темнота, стоны, тихие всхлипы. Не помню, сколько прошло времени, страх холодил душу и тело. Вокруг кромешная темнота и тишина. Было неизвестно, где мы находимся, двигатели не работали. Когда открыли люки, яркий свет ослепил глаза. Мы были на другом берегу Ладоги, все вместе. Теперь уже плакали от радости, что живы и в безопасности. К сожалению, караван добрался до берега с потерями.

Нас разместили в эвакопункте, прошли через санпропускник, нам продезинфицировали одежду. Нас хорошо накормили, уложили в чистые теплые постели. Две недели мы жили в эвакопункте. Мужчины перегрузили оборудование в товарняк, там же разместили женщин и детей. До Ярославля добирались с долгими остановками, пропуская в сторону фронта воинские эшелоны. В Ярославле оборудовали филиал ленинградского завода "Союз" в помещении бывшей тюрьмы.

В июне 1945 года костяк ленинградского завода

"Союз" вернулся в Ленинград. Наша комната уцелела, мебель была на месте, только мелкие вещи пропали. Но было радостно от того, что мы опять дома, мы все вместе.

ЛЕНИНГРАД

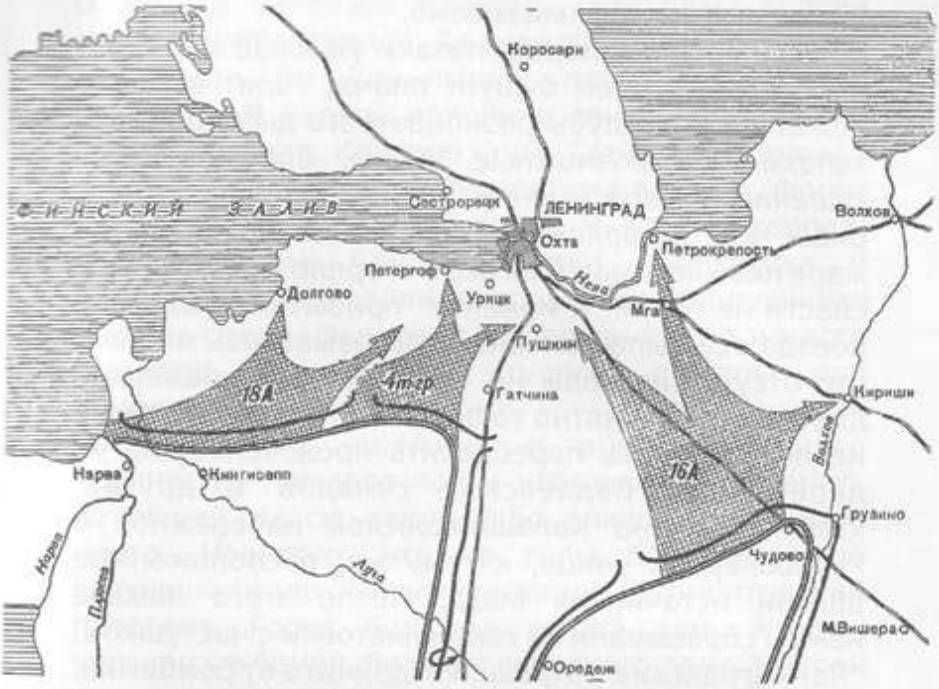
РОД ЛЕНИНА

МАТРОСОВ
Александр Иванович
07.01.1922 г.р.

В Ленинграде наша семья жила на Васильевском острове, Кожевенная линия, дом 7, квартира 2. 22 июня 1941 год. Ночью первый фашистский самолет-разведчик над городом. В первый день войны в райвоенкомат не попасть - очередь огромная. Во второй день тоже самое. Нас, мальчишек, несколько раз выгоняли, в военкоматах не успевали работать с подлежащими призыву, а тут мы... 7 июля зачислен добровольцем в Свердловскую дивизию Ленинградской армии народного ополчения.

Несколько батальонов ополченцев в спешном порядке брошены на возведение оборонительных укреплений на дальних и ближних подступах к городу и в самом городе. Работы ведутся днем и ночью совместно с жителями города.

Ополченцы недовольны - все требуют отправки на фронт. Замечание командира батальона "Приказы не обсуждают, а выполняют!", поставило все на свои места.



В августе нашу роту "разоружили" - вместо лопат и другого шанцевого инструмента выдали винтовки, патроны, гранаты и направили в район станции Стрельна. Оказалось, что нашей основной задачей является борьба с пожарами, возникавшими во время вражеских бомбардировок и артобстрелов, а второстепенной - резерв на случай прорыва немцев на Стрельненском направлении. 8 сентября вечером зажигательными бомбами фашисты подожгли Бадаевские склады с запасами продовольствия. На тушение пожара было брошено много пожарной техники и людей, однако ликвидировать пожар не удалось - не оказалось воды. Примерно в течение трех часов огонь поглотил деревянные складские хранилища. Вся территория склада была охвачена огнем мгновенно - немцы буквально засыпали зажигалками складские помещения. Теперь известно, что в район Бадаевских складов было сброшено свыше

12 тысяч зажигательных бомб.

До сего времени перед глазами ужасное зрелище: море огня, кругом бушует пламя, горит все, что может гореть. Клубы разноцветного дыма до неба, запахи - всевозможные. А мы, брошенные на тушение пожара, ничего не можем предпринять. Воды нет, к горящим помещениям не подойти - жара невыносимая. Так все и сгорело дотла, ничего спасти не могли. К моменту прибытия пожарного поезда все было кончено. Высказывалось мнение, что отсутствие воды не обошлось без вражеской диверсии. Непонятно также, почему власти города не позаботились перебросить продовольствие из деревянных Бадаевских складов в другие, каменные - на Калашниковской набережной и Глухоозерной улице, к тому же, расположенные вблизи источников воды. После этого пожара немцы сбрасывали на город листовки с частушкой: "Ленинградские матрешки отдохните от бомбежки. Ешьте сою и бобы и ложитеся в гробы"... Ни сои, ни бобов не было - сгорели. Гробов тоже не было, хоронили без гробов. В середине сентября второе сокращение продовольственного пайка населению Ленинграда. Это решение диктовалось тяжелым продовольственным положением, в котором оказался город. Уничтожение Бадаевских складов тоже сыграло свою роль.

Фашисты взяли станцию Мга и город Шлиссельбург. Железнодорожная связь Ленинграда с центральными районами страны прекратилась. Началась военная блокада города.

Над Ленинградом и Ладогой каждую ночь вставало зарево пожаров. Особенно тревожной была ночь на 13 сентября. Защитники города на себе ощущали, что фашисты начинают решительный штурм. Однако, понеся большие потери в живой силе и технике, враг перешел к обороне - начал возводить укрепления, рассчитывая взять Ленинград измором.

В начале сентября начались обстрелы города тяжелой артиллерией. За время блокады фашисты выпустили по Ленинграду около 150 тысяч снарядов. В первой половине сентября фашисты взяли Пушкино, Красное Село, Гатчину, Стрельну, Лигово, Володарское, Пулковские высоты. Фронт придвинулся непосредственно к стенам города. Ожесточенные бомбардировки с воздуха и артобстрелы вызывали не только многочисленные жертвы среди населения, разрушения, но и массу пожаров. Приходилось тушить пожары под бомбежками, артобстрелами.

За давностью времени и очень большого количества пожаров почти невозможно выделить из общей массы какой-либо эпизод - их было много. Известно, что за годы блокады было потушено около 30 тысяч пожаров. Лермонтовский проспект. Горит большой жилой дом. Жители укрылись в бомбоубежище соседнего дома. Боевой пожарный расчет известен. Поднимаемся по лестнице в горящие квартиры. На верхнем этаже за дверью детский плачь. Дверь закрыта. Взламываем. Внутри девочка 5 - 6 лет, в руках кукла. Девочку вынесли на улицу, во двор. Получив ответ, что она сама добежит до бомбоубежища, я повернул обратно, в подъезд горящего дома. В этот момент во дворе раздался взрыв. Сильным толчком теплого, пахнущего тротилом воздуха, меня бросило на второй этаж. Контузия была не из тяжелых, но все-таки мне пришлось пережить несколько неприятных минут.

Когда пожар был ликвидирован и мы спустились вниз, то перед нами во дворе была воронка от фугасной бомбы. На кронштейне водосточной трубы висела кукла... Девочки в бомбоубежище не оказалось.

Фашистские варвары не считались ни с чем в своем стремлении поставить на колени блокированный город. Зная, что жители голодают, не имеют света,

воды, топлива, они днем обстреливали город тяжелой артиллерией, а ночью бомбили с воздуха, во многих случаях пользуясь целеуказаниям "ракетчиков". Был случай, когда во время тушения очередного пожара, мои товарищи Купцов и Панков поймали одного такого ракетчика, который указывал немецким самолетам на завод "Электросила". Сигналы подавались из канализационного люка, предатель обнаружен был случайно - видимо, упустил из виду, что пожарные и канализационные люки расположены поблизости. Можно представить ярость и негодование наших людей. Первым порывом было бросить этого гада в огонь, но благоразумие взяло верх - он был передан органам НКВД. На бывшем Международном проспекте от завода "Электросила" до Обводного канала, пожалуй, не было ни одного жилого дома или предприятия, в который не попали бы фашистская бомба, снаряд или зажигалка. В этом районе - на проспектах Лермонтовском, Измайловском, Загородном, Огородникова - часто приходилось тушить пожары и днем, и ночью. Боролись не только с огнем. Вольно или невольно приходилось участвовать в спасательных работах. На одном из проспектов немцы подожгли жилой дом. При тушении пожара в соседний дом угодила фугасная бомба и разрушила его. В подвале дома было бомбоубежище. Что там произошло, я описать не могу - не хватает умения. Скажу одно: такого ужаса я себе раньше представить не мог. Из-под развалин дома, обломков стен, битого кирпича, железных и деревянных балок вытаскивали окровавленные трупы людей, чуть живых детей, женщин и стариков. Стоны, крики, призывы о помощи...

И, несмотря на все эти тяжелые испытания, город жил, работал, боролся. Оборонялся изо всех сил, на какие только способен человек. И так изо дня в день, из ночи в ночь. Зимой 1941 года из-за

ледостава на Ладожском озере прервалась доставка грузов. Продовольствия не стало. Блокированный город оказался на грани катастрофы. В город пришел голод. Не стало воды, электроэнергии, дров. Стекла в большинстве домов выбиты, улицы завалены снегом. Бани, парикмахерские прекратили работу. Видимо, нет такой ленинградской семьи, которой не коснулась бы огненная буря, бушевавшая в то время над городом. В моем списке около 80% моих родных и знакомых ленинградцев, погибших в осажденном городе. В этом скорбном числе мой отец - Матросов Иван Денисович. Он умер от голода у станка на теперешнем сталепрокатном заводе на Васильевском Острове. Несколько позже, при фашистской бомбежке завода "Электроаппарат" погибла моя мать - Матросова Евдокия Михайловна. От голода умерли двоюродный брат, дядя, тетя...

В начале ноября 41-го меня вместе с товарищами по взводу Волковым, Поляковым, Василевским, Головко перебросили на Комендантский аэродром, на который приземлялись транспортные самолеты с продовольствием для населения и войск Ленинградского фронта. Мы обязаны были не допускать пожаров на аэродроме во время артобстрелов и бомбежек, и, как зеницу ока, особо хранить прибывающие самолеты. Выполнять эту задачу было весьма трудно из-за нашей малочисленности. Но главное состояло даже не в этом, не в нашей малочисленности, а в том, что почти каждую ночь фашисты бомбили аэродром, а днем обстреливали из артиллерии. Пожары возникали особенно от бомбардировок. Любое возгорание мы обязаны были ликвидировать во что бы то ни стало. А мы были истощенные, полуголодные люди, выполнявшие одну из самых тяжелых фронтовых работ. Ни о каком отдыхе не могло быть и речи. Для этого просто не было

времени. Днем, как только над аэродромом появлялись наши транспортные самолеты, немцы начинали артиллерийский обстрел. Нередко мы спасали самолеты от огня. На помощь дежурной смене всегда приходила отдыхающая смена, и не было случая, чтобы самолет сгорел по нашей вине. Помню случай, когда один солдат из батальона аэродромного обслуживания не выдержал и во время артобстрела подполз к штабелю мешков с мукой, разрезал мешок и насыпал муки в котелок. Его застигли на месте преступления. Обратно в батальон он не вернулся. Стоял морозный, солнечный день. Немцы обстреливали аэродром. Затем обстрел прекратился. В это время из капонира на взлетную полосу вырулил "Дуглас" и стал набирать скорость для взлета. Тут же возобновился обстрел. Одним из снарядов, видимо, был поврежден самолет, так как он врезался в капонир, предназначенный для истребителей, причем обоими моторами в столбы ворот. Когда мы прибыли на место катастрофы, самолет был объят пламенем. От удара взорвались бензобаки, и "Дуглас" вспыхнул, как свеча. В течение 8 - 10 минут от самолета остались обгоревшие обломки. Оказалось, что в самолете было 18 человек офицеров. Долго мы вспоминали этот случай и не верилось, что все произошло по случайному совпадению.

Немцы настолько обнаглели, что при бомбардировках аэродрома ночью, "развешивали" по периметру и в центре 5 штук осветительных бомб на парашютах и приступали к сбрасыванию зажигательных и фугасных бомб. От этих "свечек" было настолько светло, что можно было читать, в чем мне представился случай убедиться. Однажды ночью во время очередной бомбардировки отдыхающая смена находилась в помещении пожарной команды. Не берусь описать подробности, но вдруг я услышал сильный взрыв и

одновременно с этим вылетели фанера и доски, которыми был забит оконный проем. Мы с Волковым Гришей через противоположный оконный проем были выброшены на улицу. Придя в себя, мы оказались в канаве, под мостом. Бомбежка продолжалась. Наше помещение было на месте. Под мостом, рядом с нами, лежала какая-то книжка. Вот здесь я и убедился, что при немецких "свечах" читать можно.

Наредкость, для нас с Волковым этот "полет" обошелся благополучно. У меня с десяток дней болели бок и голова, а у него ноги и спина. Воронка от бомбы оказалась довольно большой - метра 3 в диаметре и примерно такой же глубины. Кирпичные стены нашего одноэтажного здания не повредило, только выбило ворота и осколком пробило радиатор пожарной машины.

Так, или почти так, мы и служили на Комендантском аэродроме. Измотались крепко, так что Поляков, Волков и Головко попали в госпиталь от физического истощения. Василевский Анатолий и я пока держались.

Весной 42-го город стал оживать. Был пущен трамвай, что явилось немаловажным событием для ленинградцев. Летом население города и войска Ленинградского фронта уже снабжались продовольствием так же, как и вся страна.

Дорогу к переднему краю Синявинских болот спрашивать не надо было. Там, где в небе стояла темно-серая туча медленно шевелящегося дыма, там и передний край 952 стрелкового полка 268 стрелковой дивизии. Эта туча дыма от горящего в земле торфа стояла постоянно, и особенно плохо было летом, в теплое время, когда к запаху торфяного дыма примешивался запах тлеющих трупов.

В одну из апрельских ночей 43-го года наш 952 стрелковый полк занял оборону левее деревни Арбузово, что на левом берегу Невы. Наш район

обороны был не из лучших - находился в лесисто-болотистой местности. Правда, лес полностью уничтожен, но болото осталось. Траншей не было, копать нельзя - вода. Были кое-где неглубокие канавы. Весной и осенью особенно нехорошо в болоте. А тут еще немец рядом. Чтобы как-то укрыться от глаз противника, нам приходилось почти каждую ночь строить и восстанавливать фашинные заборы и "собачьи будки" из кусков торфа. В будках солдаты "отдыхали", когда была для этого возможность. Чтобы не сидеть в будке в темноте, мы жгли провода, от копоти которых становились похожими на негров - лицо и шея черные, а зубы и глаза белые. Наши подворотнички на гимнастерках напоминали давно нестиранные портянки. Этот участок фронта, пожалуй, был самый тяжелый. Но мы тогда были молодые ребята, и потому не очень огорчались "бытовыми" неудобствами. Главное у нас было. Оружие, боеприпасы в достаточном количестве, питание к этому времени значительно улучшилось. Правда, боеприпасами обеспечивали мы себя сами. Это было вынужденное дело - в болото ничего не подвезешь. Приходилось таскать на себе патроны, гранаты, снаряды, мины и другое снаряжение, необходимое для ведения боя. Все это делалось только ночью, когда видимость значительно ограничивалась. Мы, солдаты, сознавали, что война - тяжкий и необходимый труд, поэтому любой приказ выполнялся безоговорочно, точно и в срок.

Летом 1943 года Мгинское направление часто упоминалось в сводках Совинформбюро. На этом направлении в Синявинских болотах нашими войсками велись ожесточенные наступательные бои. Наши атаки и контратаки немцев сменялись бомбардировками и артобстрелами, как с нашей стороны, так и со стороны немцев. Запомнились две наши атаки в конце июля и 7 августа (дата

СПРАВКА о РАНЕНИИ

В боях за Советскую Родину

ст. серж.
(военное звание)

124 СД 706 СП.
(наименование части)

Тов. Галкосов Александр Иванович
(фамилия, имя и отчество)

17/VIII 1943 г. был тяжко ранен
(тяжело, легко)

914 в ног. ранение правой ноги
(диагноз ранения)

М. П. Начальник Военный Комиссар

запомнилась по дню ранения). Очередная атака в конце июля началась утром обычной артиллерийской подготовкой. После нескольких завершающих залпов "катюш", наш третий батальон во главе с заместителем командира батальона капитаном Казаковым устремился к неприятельским траншеям. Немцы, как правило, занимали позиции на высоких местах, а не в болоте. Уцелевшие вражеские огневые точки, особенно дзоты, открыли по атакующим сильный огонь. В бой включилась немецкая артиллерия и минометы. Огонь был настолько плотный, что преодолеть его мы не сумели и залегли на нейтральной полосе. Враг обрушил на прижатых к земле солдат минометный огонь, лежать под

которым - значит неизбежно погибнуть. Еще несколько минут и от батальона ничего не останется. В этот критический момент капитан Казаков скомандовал: "Вперед, за мной!", но был сражен врагом. Мы бросились вперед и ворвались во вражеские траншеи и продолжили бой, стремясь овладеть вторыми траншеями. Эту задачу мы также выполнили, правда, через несколько часов под натиском врага мы вынуждены были с боем отступить. Но похозяйничали на территории врага мы основательно, подорвали противотанковыми гранатами уцелевшие дзоты и землянки. Потери были значительные с обеих сторон. Некоторые из моих товарищей погибли, многие были ранены.

С наступлением темноты командир батальона капитан Жиров вызвал на командный пункт Николая Жукова и меня и приказал найти труп капитана Казакова, доставить с нейтральной полосы в наши траншеи. Выполнить это печальное поручение особого труда не составляло, поскольку мы знали местонахождение нашего командира. Похоронили Казакова с воинскими почестями. На его могиле поставили фанерный памятник - пятиконечную звезду. Ничего больше для своего боевого товарища и командира мы сделать не могли.

Бои не прекращались ни днем, ни ночью. Если не было атак, то "работала" артиллерия - и наша, и вражеская. Минометный огонь практически велся беспрерывно. Когда вспоминаешь все это, то невольно возникает вопрос: когда же мы спали? На этот вопрос ответа нет. Когда мы спали - не знаю. Спать было некогда и негде. Траншеи на участке нашего батальона были чуть выше колена. Правда, немного спасал бруствер. Но все равно передвигались мы только согнувшись пополам. Находиться в траншее можно было только в сидячем положении. А какое было удовольствие лечь на дно траншеи и вытянуться во весь рост! Но

Разведвзвод, в котором
служил Матросов А. И.

это удовольствие можно было позволить на какие-то 5 - 10 минут, иначе на тебя могли наступить кованым сапогом, зацепить прикладом, гранатой... Было в нашем батальоне только одно место, где можно было по-человечески существовать. Это КП командира батальона под танком. Когда-то был подбит наш Т-34. Под ним выбрали землю, прокопали неглубокий ход сообщения, укрепили стенки бревнами. Получилась землянка с надежным перекрытием. Иногда и мне удавалось укрываться на КП от ревущего огненного смерча, извергаемого артиллерией, минометами, авиацией противника. Удавалось потому, что мой приятель Ваня Кишко обеспечивал телефонной связью командира батальона и находился вместе с командиром взвода связи лейтенантом Масловым на КП. Мой друг погиб в первых числах августа 43-го. Произошло это так. Мы с Николаем Жуковым находились недалеко от КП. Вдруг среди грохота разрывов услышали крики многих людей и почти

одновременно с этим из-под танка выскочил начальник штаба нашего батальона лейтенант Шмалюк. Он что-то кричал, все его лицо было в крови. Мы с Жуковым бросились к танку. У входа под танк - мелкая воронка. Сразу видно - от мины. Под самим танком лежал наш друг Ваня Кишко с оторванной ногой. Мы бросились к нему и телефонным проводом сделали жгут выше колена. Оказалось, осколки мины попали ему не только в ногу, но и в живот. В момент перевязки он пришел в себя и его первые слова были: "Пристрелите меня, все равно я не жилец". Он был мужественный человек. Сознавая свое положение, умирал спокойно. Тут же под танком лежал Маслов. Голенища его сапог были изрешечены осколками. Когда мы с Жуковым стали снимать с него сапоги, чтобы перевязать ноги, то он так закричал, что мы не решились его перевязывать. Положив лейтенанта на плащ-палатку, мы вытащили его из-под танка и поволокли на полковой медицинский пункт. О дальнейшей судьбе лейтенанта Маслова мне ничего не известно.

Когда на твоих глазах погибают боевые друзья и товарищи, то невольно иногда приходит мысль: следующая очередь моя. Но нервы распускать нельзя. Надо воевать, надо драться!...

Утро 7 августа 43-го началось, как обычно, нашей артиллерийской подготовкой, длившейся 25 - 30 минут. Затем наш поредевший за время боев полк двинулся в атаку. Мы уже хорошо научились бегать к немцам в траншею и на этот раз заняли без задержки, несмотря на бешеный огонь противника. Командир полка принял решение захваченных нами позиций не отдавать. Как только мы захватили первую траншею, появилась полковая рота автоматчиков, среди которых был мой знакомый солдат Лавров. Комбат Жирнов свой КП перенес в захваченную немецкую траншею. Сюда же были доставлены и боеприпасы - патроны,

гранаты, мины к минометам. Одной из причин, по которой нам раньше не удавалось закрепиться в захваченных немецких траншеях, являлось то, что израсходовав боеприпасы в момент атаки, у нас оставалось очень мало патронов и гранат для отражения вражеских контратак. 7 августа этого не повторилось. Комбат Жирнов организовал захват второй немецкой траншеи на своем участке. Нас дружно поддержали соседи, и вторая позиция врага была взята. Как продолжался бой в дальнейшем - мне неизвестно. Из-за ранения в ноги и голову я оказался в госпитале. Мои товарищи продолжали воевать...

В первых числах октября 1943 года вместе с пополнением я прибыл в 406 стрелковый полк 124 стрелковой дивизии все той же 67 армии. Наш полк занимал оборону на самом правом фланге зоны левого берега Невы, под деревней Арбузово. Это как раз на месте бывшего Невского пятачка - маленького плацдарма, существовавшего на левом берегу Невы до января 1943 года, до прорыва вражеской блокады. Деревня Арбузово - понятие условное. Давно никакой деревни не было - все разрушено и сожжено еще осенью 1941 года. Даже печных труб не осталось. Траншеи на этом участке были гораздо лучше. На участке, который занимал наш взвод, они были кое-где даже в полный рост - полного профиля, особенно со стороны, обращенной к деревне. К этому времени таких ожесточенных боев, какие шли летом на Мгинском направлении, уже не было.

Враг, изрядно потрепанный под Сталинградом и окончательно утративший инициативу после разгрома на Курской дуге, под Ленинградом активных действий не вел. После августовских боев на дуге фашистский пес все еще пытался зализать смертельные раны, но настало время для изгнания фашистов из-под Ленинграда. Для этого надо было готовиться основательно и тщательно.

Надо было постоянно следить за врагом, знать о нем как можно больше. А сделать это можно только хорошо организованной разведкой. Одним из источников таких данных на фронте - добыча "языка". В течение двух лет немцы возвели под Ленинградом мощные оборонительные сооружения, укрылись в них и к ним было очень трудно подступиться. По левому берегу Невы фашисты имели три линии сплошных траншей, утыканных блиндажами, дзотами, дотами, противотанковыми и противопехотными заграждениями в виде минных полей, колючей проволоки, спирали Бруно и т.п. И вот из таких укреплений надо было "украсть" живого фрица. Причем "украсть" не один раз, а несколько и в разное время на разных участках обороны дивизии. Неоднократные попытки ночных поисков полковых и дивизионных разведчиков результатов не давали. Тогда было принято решение в каждом полку сформировать разведгруппы из добровольцев. В разведгруппу нашего полка был зачислен и я. Группа состояла из 32 человек. Операция по захвату "языка" была тщательно продумана.

Выполнить ее наметили 27 декабря в 14 часов. В назначенное время группа находилась на месте, в траншее напротив деревни Арбузово. Одеты мы были легко, чтобы одежда не сковывала движения, но тепло: шапка-ушанка, ватные штаны, валенки. Вооружение: автомат, ножи, гранаты. Каждый из группы захвата имел кусок веревки - связать пленного.

По сигналу "флажки вниз" вся наша группа одновременно выплеснулась из траншеи, молча в стремительном беге бросилась к немецким траншеям. В этом штурме был безудержный порыв - только вперед и как можно быстрее. В скорости - победа. Наш расчет на неожиданность для немцев в какой-то мере оправдался, но уже через 8 - 10 секунд враг встретил нас сплошным пулеметным огнем. Несмотря на это, мы ворвались в немецкие траншеи. Бой в траншеях самый неудобный и поэтому, наверное, самый жестокий. В глубоких канавах - побоище. Молодые парни-солдаты бьются в рукопашную ножами, прикладами автоматов, голыми руками. Люди озверели: кто кого - за тем и победа.

В таком ожесточенном траншейном бою мне пришлось участвовать впервые. Группа захвата состояла из пяти крепких, сильных, специально тренированных ребят. И вот эти ребята во время "потасовки" выхватили немецкого солдата из траншеи и бросились с ним к себе домой. Нашей радости не было предела. Все складывалось как нельзя лучше и шло по плану операции. Подобрав четверых убитых и несколько раненых, группа обеспечения, в которую входил и я, начала с боем уходить в свое расположение. Немцы вели отсечный артиллерийский и минометный огонь, чтобы не допустить отхода нашей группы. Наша группа оказалась в огненном мешке. В этом критическом положении решение могло быть только одно: "вперед". Чем быстрее преодолеем

нейтральную полосу, тем больше шансов возвратиться к своим. Пришлось нам туго. Описать, как мы вырвались, равносильно тому, что пересказать кошмарный сон. Скажу проще: на участке земли шириной 100 - 110 метров в течение 25 - 30 секунд совершался какой-то дикий танец смерти. Мы были благодарны нашим артиллеристам и минометчикам, которые оказали нам неоценимую помощь. Как только мы выбрались из немецкой траншеи, они тотчас открыли огонь по второй вражеской траншее и принудили противника прекратить пулеметный и минометный огонь.

Оказавшись в своем расположении, мы были буквально шокированы увиденным: на дне траншеи лежал мертвый немецкий солдат со связанными руками. У многих из нас появились слезы, конечно, слезы не по немцу. В сознании каждого из нас мгновенно встали наши товарищи, только что погибшие из-за какого-то паршивого фрица. И все это оказалось напрасным. Задача выполнена не была. Когда пленный был уже в нашей траншее, неприятельская мина угодила в бруствер и ее осколками фриц был убит наповал. При этом погиб и Медведев, который оберегал фрица во время его доставки в наше расположение. В этой операции погибли восемь человек вместе с командиром группы. Был тяжело ранен Тимофеев, пять человек получили легкие ранения, многие - незначительные царапины. В этом бою мне лично повезло - был только вырван клок фуфайки на спине да оцарапан палец на руке. Дождавшись темного времени, мы вытащили своих товарищей, убитых на нейтральной полосе, похоронили их в братской могиле на берегу Невы, отдали последние почести погибшим смертью храбрых. И стали готовиться к следующей такой же операции. При разборе, проведенном командиром полка, было сказано, что вся наша группа действовала правильно, а поставленная задача не выполнена

по независящим от нас причинам.
Следующий поход за "языком" состоялся 30 декабря. Путь к вражеским траншеям преграждали заграждения из колючей проволоки в три ряда. Земля утыкана косыми кольями, на которых лежали ржавые спирали тонкой проволоки. Попасть в такие сети легко, но выпутаться без посторонней помощи почти невозможно.
Сигналом к броску послужил взрыв под немецкими заграждениями. Ночью наши саперы заложили под ними три фугаса натяжного действия. Теперь они должны были сыграть двойную роль: как сигнал к броску и как сила, способная пробить "ворота" в заграждениях. Приближался момент броска. Традиционные сто грамм с бутербродом. Проверено оружие. Все в норме, все готовы. Мощный взрыв. Наша группа сорвалась с места и бросилась на черный дым, туда, откуда летят комья мерзлой земли. "Ворота" получились хорошие. Через них мы и ворвались к немцам. На этот раз враг, очевидно, был застигнут врасплох, ошарашен мощным взрывом. Нейтральную полосу преодолели без единого выстрела. Схватка началась в траншее. Особенно у блиндажа - немцы выскакивали из него, ошеломленные взрывом и внезапностью нашего нападения. На этом участке они чувствовали себя в полной безопасности, надеясь на свои укрепления и заграждения. Взять живьем вооруженного, хотя и растерянного, врага не легко. Чтобы не поразить своих товарищей, приходилось действовать только прикладами и ножами. Стреляли в исключительных случаях, когда не оставалось иного выхода. В одном месте на Сандлера Сашу напали два немца и сбили его с ног. Изловчившись, он саданул в ногу одного, да так, что тот, бросив своего товарища, пустился наутек. Со вторым фрицем управился кто-то из группы захвата.
Фрицы оправились от неожиданного нападения, и,

видимо, разобравшись, что имеют дело с небольшой группой русских, стали наседать на нас. Неожиданно появившийся перед нами немец вскинул автомат, но выстрелить не успел. Кто-то из группы захвата ударил его сзади прикладом по голове и, когда тот стал оседать, его тут же схватили и выволокли из траншеи. В этот момент из-за блиндажа выскочил немец и на какую-то долю секунды опередив меня, бросил мне под ноги гранату. Почти одновременно он был прошит автоматной очередью. По команде "отход" мои товарищи помогли мне выбраться из траншеи, а затем и добраться до своих. Все это происходило под шквальным огнем немецких пулеметов и автоматов.

Приятно было сознавать, что поставленная задача выполнена - "язык" добыт. Пленный достался нам дорогой ценой. У нас погибло два человека и пятеро было ранено. Но и немцам тоже не поздоровилось.

Я опять оказался в госпитале. Этот бой для меня был последним на Ленинградском фронте. 14 января 1944 года в госпитале мы услышали радостную весть: войска Ленинградского фронта начали громить немцев под Ленинградом. К 27 января враг был отброшен от города до сотни километров. Варварские артобстрелы Ленинграда прекратились. В тот же день, 27 января 1944 года, Ленинград озарился огнями победного салюта. Родина салютовала войскам Ленинградского фронта в честь одержанной победы над врагом из 324 орудий.

Летом 1967 года, находясь в командировке в Ленинграде, мне удалось побывать на месте боев, в которых приходилось участвовать. В поселке Невская Дубровка, почти полностью уничтоженном в годы войны, построен Дом культуры. В одном из небольших залов имеется Музей боевой и трудовой славы. Один из экспонатов привлек внимание

За нашу Советскую Родину

СССР

★ УДОСТОВЕРЕНИЕ ★

За участие в героической обороне

ЛЕНИНГРАДА

МАТРОСОВ

Александр Иванович

Указом ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 22 декабря 1942 г. награжден медалью

«ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА»

★

От имени ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР медаль «За оборону Ленинграда» вручена „15" марта 1954 г.

№ АС 10688

Удостоверение о награждении медалью ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА

особо... Красные следопыты Невской Дубровки вскопали на бывшем Невском пятачке один квадратный метр земли на глубину штыка, просеяли эту землю и в ней оказалось 10 килограммов осколков мин, снарядов, бомб, пуль. Все это сейчас находится в музее в качестве экспоната в специальном ящике.

Невский пятачок находился между поселком Московская Дубровка и деревней Арбузово, где мне приходилось воевать и "бегать" к немцам. Уже по одному этому факту можно составить представление о тех тяжелых, кровопролитных боях, которые велись здесь в годы блокады Ленинграда.

Мельникова
Ольга
Ленинград
1962 г.

МЕЛЬНИКОВА (Ромашова) Ольга Алексеевна

09. 07. 1935 г.р.

К сожалению, у меня не сохранилось никаких исторических и блокадных документов, осталось только извещение о смерти отца. И еще остались и до сих пор не стираются воспоминания о том далеком голодном и страшном времени.

Хорошо помню первые дни войны. Мне было 6 лет. Жили мы с родителями в Павловске под Ленинградом. Взрослые рыли траншеи и землянки,

а мы, дети, помогали насыпать землю в небольшие мешки, подносили лопаты.

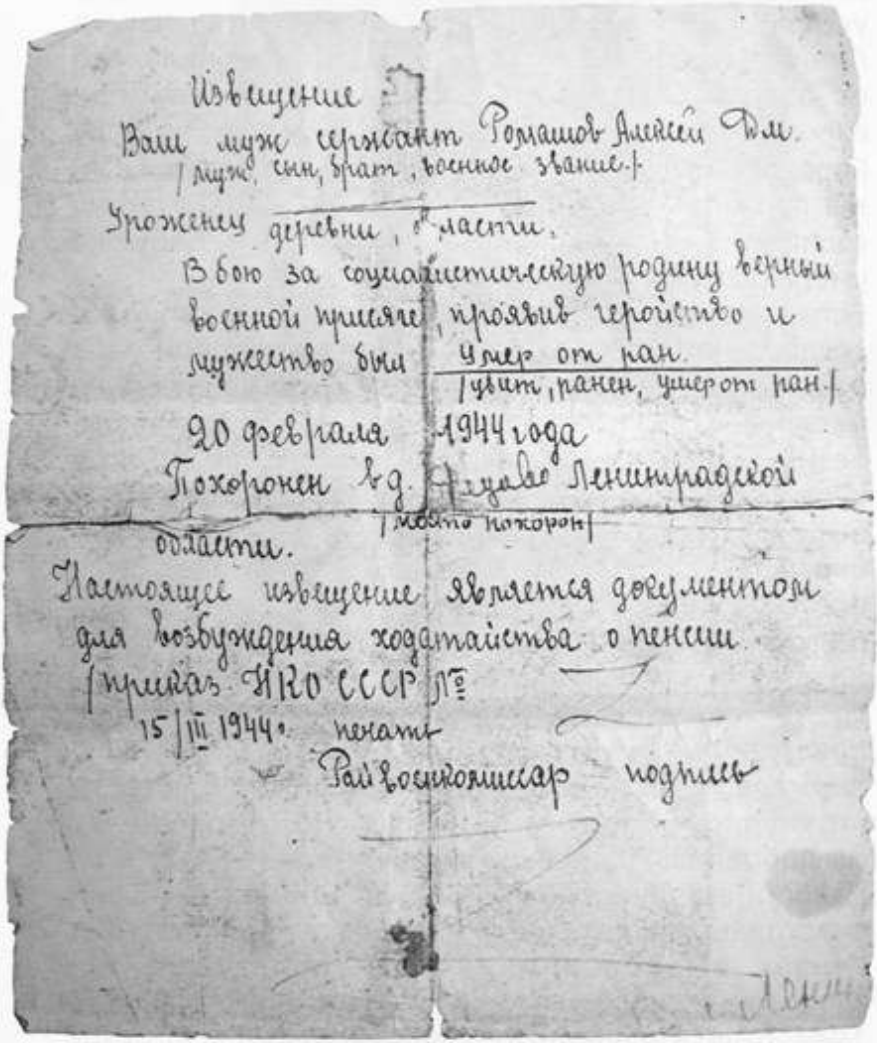
Немцы бысторо продвигались к Ленинграду и к осени подошли к Павловску и захватили его. Папа успел на последнем поезде вывезти нас в Ленинград, где он служил на аэродроме недалеко от завода Электросила. Сначала мы жили при аэродроме, а затем разыскали знакомых на углу Гороховой улицы и Мойки, и они нас приютили. Там мы прожили почти всю блокаду. Мама работала в госпитале на Мойке, папа ушел на фронт. Бабушка умерла голодной зимой 1942 года.

Есть одно радостное воспоминание тех лет - это когда мама получила известие о том, что мой папа жив, ранен и находится на лечении в госпитале на Васильевском острове на 1-й Линии. Это случилось весной 1943-го года. Мы с мамой пошли пешком через Неву по льду, так как идти до мостов сил не было. Но радость от предстоящей встречи с отцом окрыляла, придавала энергии. По Неве была протоптана тропа, вдоль которой кое-где торчали палки, чтобы люди не уходили в сторону от тропы и не попали в полыньи, припорошенные снегом. Уже грело солнце, лед подтаивал, местами на поверхности была вода. Было страшно, я крепко держалась за мамину руку. Ближе к берегу наткнулись на неубранный труп. Но потихонечку мы добрались, доползли до госпиталя.

Радости встречи с папой не было конца. Мы были счастливы... Но это была наша последняя встреча. После выздоровления его направили на Ленинградский фронт, где он погиб 20 февраля 1944 года. Получили похоронку. Пытались найти папину могилу, но тщетно.

Прошло много лет. Я выросла, выучилась, вышла замуж. У меня родился сын Володя. Он поступил учиться в Ленинградский университет на факультет журналистики. И надо же такому случиться, что сын учился в том же самом здании на Васильевском

Извещение
о смерти отца
Ольги Ромашовой -
Алексея Дмитриевича



Извещение

Ваш муж сержант Ромашов Алексей Дм.
(муж., сын, брат, воинское звание.)

Уроженец деревни, области.

В бою за социалистическую родину верный воинской присяге, проявив геройство и мужество был Умер от ран.
(убит, ранен, умер от ран.)

20 февраля 1944 года

Похоронен в д. Ягодке Ленинградской области.
(место похорон)

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии.

(приказ НКО СССР №
15/III 1944. печать

Райвоенкомиссар подпись

острове, в котором в годы войны располагался госпиталь, и где лечили от ран его деда и моего папу Ромашова Алексея Дмитриевича.

Мирская
Екатерина
июль, 1941
Ленинград

МИРСКАЯ (КОКК)
Екатерина Ивановна

06.12.1920 - 01.08.2003

В нашей дружной многодетной семье (четыре сестры и брат) после объявления войны вдруг наступила какая-то растерянность. По радио прозвучала речь министра иностранных дел

В. Молотова о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз, о том, что война будет короткой, не более трех месяцев, с полной победой Красной Армии, что продовольственных запасов у страны хватит на десять лет...

И наш папа, дорогой наш папа, коммунист, веривший каждому слову членов правительства и каждой строке в газете, учил нас своим примером верить государству. Но на деле что-то происходило не так.

Теперь можно только удивляться организованности и четкой исполнительности всех проводимых мероприятий по обороне города. Через неделю после объявления войны заработали пункты регистрации добровольцев, при каждом доме создавались отряды МПВО (местная противовоздушная оборона) из жильцов, которые быстро вычистили подвалы и оборудовали их под бомбоубежища, освобождали чердаки от разного хлама во избежание пожаров от падавших зажигательных бомб, а на крышах домов установили круглосуточные дежурства.

Вскоре ввели карточную систему на продовольственные товары. Но мой добрый, честный папа, и моя мама, красивая, аккуратная женщина и экономная хозяйка, уважающая нашего папу, выкупали не все продукты, выдаваемые по карточкам, не создавали запасов. Они рассуждали так: война скоро кончится, зачем выкупать чечевицу, выдаваемую вместо крупы, ведь дети ее не едят. Ах, эта чечевица... Многие ленинградцы так поступали, не выкупая даже хлеба, потребность в котором в первые месяцы войны была меньше установленной нормы. Никто тогда не предполагал, что нам придется пережить через два-три месяца.

Еженедельно нормы выдачи продуктов стали сокращаться. Сгорели Бадаевские склады, в которых в основном хранились запасы сахара. Две

мои младшие сестры вместе с другими детьми из нашего дома бегали на территории сгоревших складов и собирали в бидончики и банки коричневую сладкую жижу, которую мама растворяла в воде, процеживала, кипятила и в ней заваривала нам чай.

С каждым днем становилось все труднее. В конце сентября в квартире отключили отопление, стало холодно, неуютно, темно, стекла в окнах заклеивали темными полосками бумаги, чтобы сохранить их от взрывной волны при бомбежках, окна занавешивались светонепроницаемыми шторами. Вся семья стала ютиться в одной комнате и кухне. Дрова для плиты еще были, еще отец где-то раздобыл флягу керосина для примуса и двух коптилок в комнате и кухне.

Папа нас подбадривал, рассказывал, что в Гражданскую войну было еще хуже, голоднее и холоднее. А бомбежки участились. Бомбили по нескольку раз в день. Фашистские войска приближались к городу, окружая его, смыкая блокадное кольцо.

Город опустел, редко можно было встретить мужчин или юношей, стало намного меньше детей, их старались эвакуировать. Молодые девушки были призваны в ряды МПВО и переведены на казарменное положение. С конца июля по октябрь 1941 года я призывалась на оборонительные работы. Рыли противотанковые рвы, начиная с района Ржевки, вокруг Московского вокзала, опоясывая ими город. Устанавливали противотанковые надолбы - впресованный в цемент металл. Эти надолбы были треугольной формы, очень тяжелые, высотой с метр. Они были установлены на многих широких улицах и проспектах внутри города. В середине августа мне пришлось рыть окопы в районе реки Оредежи в 45 километрах от Ленинграда. Проработали два дня, когда на нас налетели немецкие самолеты и

обстреляли. В нашей группе никто не пострадал, но в студенческих группах несколько человек были тяжело ранены. Мимо нас проходили стада коров, которых гнали из Новгородской области, уже занятой немецкими войсками. Погонщики стад просили нас подоить коров прямо на землю, чтобы облегчить животным боль от раздувшегося вымени. Кто умел - доили.

Продолжать рыть окопы из-за участившихся налетов немецкой авиации было опасно, и через четыре дня мы стали пробираться пешком по полю до станции Павловск, до которой было 30 километров. Там еще ходили электрички. По пути в лесу мы встретили небольшую группу парней в солдатском обмундировании, но без оружия. Это были добровольцы, оружия для них не хватило, они отбились от основного отряда, оказавшегося в окружении фашистов. Все парни были ленинградцами. Некоторые передали нам письма-записки с адресами, попросили запечатать их в конверты и опустить в городе в почтовые ящики. Я отправила три письма.

Объявили комендантский час. С наступлением осени город погрузился во мрак. Уличного освещения не было, витрины магазинов, которые в мирное время тоже освещали улицы, засыпаны опилками и забиты досками. Окна домов без единого просвета. Вечером, чтобы не столкнуться с идущими навстречу людьми, мы прикрепляли к пальто специальные значки, светящиеся в темноте. Некоторым повезло приобрести карманные фонарики.

Наш папа заметно похудел, почти не выходил из квартиры. Стал молчалив и безразличен, видимо, виня себя за легкомысленную доверчивость и не проявленную инициативу по созданию хоть каких-то запасов для большой семьи. Еда еще хоть какая-то была, а вот папиросы... Их уже не было, а папа любил покурить. Он курил папиросы "Сафо" и

"Пальмира", а в красивых коробочках из-под папирос мы, дети, хранили марки, перья, точилки для карандашей и прочие детские мелочи. Две младшие сестренки и брат в школу ходили уже не каждый день. Школа не отапливалась, электричества не было, ослабевшим от голода детям путь до школы был труден и казался очень длинным.

Отец был охотником-любителем. У него было красивое снаряжение: кожаные патронташ, ягдташ, всякие опоясывающие ремни, поводки для собак, плетки. Дошла очередь до них. Отец разрезал на несколько небольших кусков патронташ, замачивал их в кастрюльке на ночь, добавляя кусочек столярного клея, лаврового листика и варил. Получался ароматный студень. Ремни не выбрасывались, ждали следующей варки. Но и это блюдо скоро закончилось. Съели весь столярный клей. Закончились дрова. Сначала разломали табуретки, скамейки и скрипучие стулья, потом ящики от красивого письменного стола, а уж потом все, что попадалось и что по силам было разломать. За водой ходили на Фонтанку, где была прорубь, но иногда удавалось достать чистую воду из гидранда, если удавалось добраться до него по скользкой обледенелой горке, образованной от расплескавшейся воды. В городе быстро наступили сильные морозы.

18 февраля 1942 года папа умер от истощения. Сохранившие еще кое-какие силы папины сестры зашили его тело в простыню. Папин брат отвез тело в открытый морг, устроенный на территории какого-то склада на Лермонтовском проспекте, и уложил его в штабель, куда складывали всех "жмуриков", так ленинградцы называли всех умерших от голода. Через месяц умер наш шестнадцатилетний брат. Его тело, а это был только человеческий остов, последовало тем же путем.

Лицо моей мамы от горя, холода и голода

покрылось волосяным пухом, кожа стала серой. Мама ослабла до предела. На ее руках оставалась младшая из нас, двенадцатилетняя сестра, со скрюченными от цинги ногами, не сходившая с большой плиты, на которой им с мамой была устроена лежанка из одеял, подушек, пальто.

В первых числах февраля 1942 года две мои сестры и два племянника были эвакуированы, благополучно перебрались через Ладожское озеро по Дороге Жизни, которую постоянно бомбили. По озеру в Ленинград привозили с Большой земли кое-какие продукты, а из города вывозили эшелоны изможденных от голода людей. Ослабевших детей, которых спасти не удалось, оставляли на станциях по пути следования железнодорожных составов, где их забирали машины Красного Креста. До места назначения, Сталинабада (Душанбе), доехали только сестры - старшая, мать детей, полностью поседевшая в 24 года, и 18-летняя, которая от цинги, голода и бессилия не могла передвигаться

без посторонней помощи. Хлебная норма дошла до 125 граммов для служащих и иждивенцев, 150 граммов для детей и 250 граммов для рабочих. Хлеб можно было выкупать на один день вперед. Только можно ли было назвать этот кусочек хлебом? В декабре и январе, и даже в феврале 1942 года других продуктов по карточкам не выдавали. Все разговоры дома и на работе были только о еде. Обсуждалось, как выгоднее употреблять этот хлеб - съедать ли его сразу, делить ли его на две или три части или сушить на сухари и как можно дольше жевать. Вариантов было много, каждый поступал по-своему, а голод все равно не отступал ни на минуту. В апреле-мае стали прибавлять хлебный паек, стали появляться другие продукты. Кое-где стала появляться трава-лебеда, которая спасла от смерти многих женщин и детей. Из нее варили супы, да и просто так жевали. Если в январе-феврале массово умирали мужчины, то март и апрель стали месяцами смертности женщин. Их

даже в морги и на кладбища отвозить было некому. В начале мая в большие ленинградские дворы въезжали грузовики "Студебеккеры" с солдатами и представителями домоуправлений. Взламывались двери, и солдаты прямо из окон выбрасывали в грузовики уже совсем высохшие тела. У многих под подушками и даже на столах лежали неотоваренные продовольственные карточки. Люди умирали от голода, не в силах спуститься даже с третьего этажа, чтобы сходить за хлебом и водой.

Некоторые ослабевшие люди еще пытались в феврале ходить на работу, где удавалось получить дополнительное питание - теплый дрожжевой суп и кусочек овощей или рыбы, а поработав несколько часов, вернуться домой уже не могли, падали, подняться самостоятельно не было сил, как не было сил им помочь у проходивших мимо. Так и оставались лежать на дороге, занесенные снегом. Порой покойников раздевали, а иногда и вырезали мягкие части тела.

Страха от бомбежек уже не было, привыкли, укрывались в своих квартирах кто чем мог - одеялами, подушками, пальто. В бомбоубежища редко кто спускался. Голод притуплял чувство страха. Доходили даже слухи о том, что в разбомбленных домах засыпало выход из бомбоубежищ, и люди по нескольку дней не могли из них выбраться.

В годы войны мне посчастливилось работать в спецлаборатории, наш объект был расположен вблизи территории Варшавской товарной станции, где был установлен бронепоезд с зенитками, из которых военные моряки обстреливали налетающие на город фашистские самолеты. Этот бронепоезд то уезжал, то снова возвращался, маневрируя, чтобы его не засекли. Бомбой трудно было угодить в этот бронепоезд, но нас эти неточные бомбежки мучали ужасно, мы дежурили

при постоянной опасности быть сброшенными с вышек ударной волной. Бомбы падали совсем близко. Охраняли мы территорию круглосуточно, сменяясь на вышке каждые три часа. В декабре, несмотря на тулуп, ушанку, валенки и овчинные рукавицы, в которые мы закутывались, дежурство сократилось до двух часов. Донимали страшные морозы.

В январе 1942 года в спецлабораторию из порта привезли мешок чечевицы, перемешанной с битым стеклом. Эту чечевицу в середине июня 1941 года через ленинградский порт отгружали в Германию. Чечевичный караван дошел до Прибалтики, когда объявили о начале войны. Караван вернулся назад, чечевицу выгрузили и стали выдавать населению города по карточкам вместо крупы. При бомбежке порта оставшуюся на складе чечевицу засыпало разбитым оконным стеклом. В таком виде ни в торговую сеть, ни в общественное питание власти не рискнули отпускать чечевицу, а перебирать в порту ее уже было некому. Вот на некоторые ответственные объекты и поступила такая желанная, питательная и опасная чечевица. В день дежурства нам выдавали ее по 100 граммов. В перерывах между дежурствами мы ее тщательно перебирали, зернышко к зернышку (я перебирала по три раза, каждый раз находя мизерный блестящий осколок стекла), затем эта малюсенькая порция тщательно промывалась и на какое-то короткое время оставлялась в воде для выпадения в осадок стеклянной пыли, и уже потом варилась в трехлитровой кастрюле. Для аромата добавлялся кусочек лаврового листа. Эта чечевичная похлебка спасла нам жизнь. До сих пор обожаю чечевицу и если вижу ее в продаже - обязательно покупаю и варю, но уже не похлебку, а густую кашу. В лабораторию завозили и хвойную воду - настой на сосновых ветках и коре, содержавший много витаминов и спасавший от цинги. Настой был очень

горький, но мы его пили. Шутники говорили: ведро хвойной воды заменяет 100 граммов хлеба. Мы были молоды, почему не пошутить.

К весне 1942 года город бомбить стали реже, даже не каждый день. Немцы решили, что город и так вымрет, зачем его разрушать. Но зато начались артиллерийские обстрелы трамвайных остановок, госпиталей, больниц, вокзалов, казарм, просто по широким улицам, проспектам и площадям. Били из дальнобойных орудий, установленных на Пулковских высотах, Вороньей горе Дудергофа. Чтобы уберечь ленинградцев от увечий и смерти, на стенах домов сделали надписи, какая из сторон улицы наиболее опасна при артобстрелах. Эти надписи кое-где сохранились до сих пор как напоминание о минувшей войне.

Летом 1942 года частично было прорвано кольцо окружения города на Волховском фронте. Через него пошли грузы с продовольствием, и сразу увеличились нормы, выдаваемые по карточкам. Прорыв оказался не долгим на этом направлении. Снова для ленинградцев осталась только одна Дорога Жизни и связь с Большой землей через Ладожское озеро. Мы по-прежнему были голодными, несмотря на прибавку норм по карточкам, и мечтали только об одном - досыта поесть хлеба и напиться горячего сладкого чая.

В Ленинграде даже в самое лихое время зимы 1941-42 годов существовали рынки: Сенной, Кузнечный, Мальцевский, Сытный. На них можно было обменять продукты: кусок хлеба на стакан крупы, кусок сахара на стакан махорки, или что-то купить на деньги. Некоторые люди за продовольствие покупали красивые вещи или драгоценности. На Сенном рынке мне встретились несколько мужчин с плакатами на шее: "Куплю кошечку", "Куплю собачку"... Продавался на рынке и студень, очень подозрительного происхождения, но и его покупали.

В начале апреля 1942 года мне пришлось по делам службы оказаться на Литейном проспекте у самого Невского проспекта. Мимо меня прогромыхала грузовая машина-полуторка. В кузове стояли две девушки в форме МПВО. На замерзших колдобинах машину сильно тряхнуло, и из щелей борта посыпался горох. Все, кто были на панели, бросились на мостовую собирать горох. Девушки закричали на нас, сказав, что сами соберут горох, это их паек, они везли его со склада в свой отряд, но от встряски мешок упал, развязался и часть гороха высыпалась. Но девушек никто не слушал, мы все продолжали собирать горошины. Я набрала целую горсть и стала с удовольствием его грызть.

Моя мама и младшая сестра, чудом уцелевшие от голода, бомбежек, обстрелов и горя, в конце июня эвакуировались в Сталинабад к моим двум сестрам. Я вела с ними переписку, подробно рассказывая о жизни блокадного Ленинграда. Уезжая в эвакуацию, они уже сами видели, что жизнь стала улучшаться, смертность от голода сократилась. Вот только обстрелы, почти ежечасные, не прекращались до середины 1943 года.

Надо сказать с уважением и благодарностью о почтовых ведомствах нашего бывшего советского государства. Я переписывалась не только с родными, писала на фронт друзьям, получая от них треугольники без марок, писала в отдаленные районы Сибири, Казахстана, куда были эвакуированы ленинградские оборонные заводы, писала по разным адресам, и не было случая, чтобы эти письма не доходили до адресата. Ответные письма всегда приходили исправно. Низкий поклон всем почтовым работникам военных лет!

Мой муж по причине плохого зрения в армию призван не был, но был приписан к военкомату. Мы постоянно поддерживали с ним прочную связь. В нашей квартире уже в октябре 1941 года от бомбежек вылетели все стекла. В квартире было

пять окон и застекленный балкон. Восстанавливать стекла не было возможности, да и смысла тоже. Бомбежки были такими частыми, что не было гарантии, что и восстановленные стекла продержатся долго. Мы жили на углу Московского проспекта и 7-й Красноармейской, в этом районе бомбили интенсивно. Мужу удалось получить толстую фанеру и заколотить до лучших времен оконные проемы. В такой квартире жить в лютую зиму 1941-42 годов было невозможно. Иногда мы ютились в квартире у мамы и сестры, у них окна выходили во двор и уцелели. В нашей квартире мы несколько раз пытались восстановить окна, но смогли это сделать только в сентябре 1943 года, когда нашему сыну было уже 6 месяцев. Он родился 22 марта 1943 года. Когда после войны возвращавшиеся с фронта и эвакуации в Ленинград родные, друзья и знакомые спрашивали моего двухлетнего сынишку кто он и откуда, мальчуган не называл своего имени, а отвечал: "Я родился в городе-фронте, я - блокадник!". Так наших малышей называли в детских консультациях.

Гравюра А.П. Остроумовой-Лебедевой

Людмила Савельева 15 июля 1946 года

МЯСНИКОВА (САВЕЛЬЕВА) Людмила Васильевна

19.06.1929 г.р.

Когда началась война, мне было 12 лет. Жила я с мамой, папой и двумя братьями, которые были старше меня. Папу призвали в армию, старший брат эвакуировался с заводом на Урал. Так мы остались втроем. В декабре 1941 года умер дедушка, и мы перевезли бабушку к себе. Моя мама, Савельева Ефросинья Ивановна 1904 года рождения, работала в эвакогоспитале. Во время зимы 1941-42 годов многие люди погибали не только от голода, но и от холода. В эти тяжелые времена мама приютила девушку, у которой все родственники погибли, и она осталась одна. Потом брат привел к нам в квартиру девочку, жившую по соседству. Ее мама умерла, а в квартире, где жила девочка, не было печки. Мы все жили в одной комнате, в другой комнате окно было оборудовано под амбразуру. В одной комнате мы жили вшестером, а весной, когда отступили холода и

Мама Людмилы - Савельева Ефросинья Ивановна

стало немного легче с продуктами, девочки вернулись в свои квартиры. И так поступали многие ленинградцы, оказывая помощь тем, кто остался один и мог погибнуть от голода и холода. В декабре 1941 года основным нашим питанием были вода и к ней 125 граммов хлеба. Да и в январе 1942 года положение было не лучше. Мы жили на Прибытковской улице, а между нашей улицей и Большой Спасской (ныне проспект Непокоренных) были деревянные дома. Среди этих домов был колодец, обычный, деревенский колодец. Вот он нас и поил водой. В 1943 году мы переехали жить на Лесной проспект. После окончания 6-го класса нас, школьников, отправили в лагерь в сторону Карельского перешейка. Там было спокойнее, чем в Ленинграде. Мы работали на полях по восемь часов в день, выращивали овощи для госпиталей. За эту

АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА ЛЕНИНГРАДА (ЦГАОР ЛЕНИНГРАДА)

АРХИВНАЯ СПРАВКА

От 08.09.92 № М-7786 гр. Мясниковой Людмиле Васильевне

Ленинград

О наличии сведений

В документах архивного фонда Исполкома Ленгорсовета народных депутатов, в списке лиц, награжденных медалью «За оборону Ленинграда», согласно решению Исполкома Ленгорсовета № 104 п. 1 от 4 декабря 1943 г. значится Савельева Людмила Васильевна. (ф. и. о.)

1929 год рождения, учащаяся 6 класса школы №103 (должность и место работы)

Выборгского района. В граф. краткая характеристика указано: Работала хорошо

4 декабря 1943 года

вручены медаль и удостоверение № Б-09501

Основание: ф. 7384, оп. 38, д. 85а, л. 144об; д. 884 л. 472

Наградной лист оригинал приведена полностью.

Заместитель директора Т. А. Зернова

Заведующая отделом по выдаче документов по социально-правовым вопросам Л. В. Гусева

работу 4 декабря 1943 года я получила медаль "За оборону Ленинграда". Всю блокаду я прожила в Ленинграде, выехала из него только в 1950 году, к месту службы мужа.

Но хочу рассказать о нашем колодце. Однажды, приехав в Ленинград, я решила посмотреть дом, в котором прожила две страшные блокадные зимы. На проспекте Непокоренных я обратила внимание, что на одном из новых высотных домов установлена мемориальная доска с полукруглой чашей внизу. Я была потрясена надписью на доске. Она посвящалась нашему колодцу: "Здесь в суровые годы блокады был колодец - источник жизни 1941 - 1945". С тех пор в каждый свой приезд, теперь уже в Петербург, я еду к своему колодцу и в чашу опускаю цветы. И конечно, не без слез. Очень благодарна людям, которые увековечили эту память.

1944 г.
Лиза Николаева
с бабушкой

НИКОЛАЕВА (Левальд)
Лиза Фердинандовна

12.08.1926

Я родилась в Ленинграде, жили на Мытнинской набережной 5, кв. 7. Детство было безоблачным и счастливым. Отец работал инженером на военном заводе. Изобрел автомат и был за это награжден. У нас дома был портрет К. Ворошилова с его автографом.

В 1938 году отца арестовали, жить стало тяжело. Остались мама, бабушка и я с братом. Началась война. По радио звучали сообщения о том, что в том или ином районе начались бомбежки или артобстрелы. Враг был близко. Сообщения об этом повторялись так часто, что вначале мы прятались в

бомбоубежищах, а потом перестали. Помню, тогда на экраны вышел фильм Сергея Герасимова "Маскарад". Во время просмотра в кинотеатре "Молния" раз десять пришлось бежать в убежище. Так и не досмотрели кино...

Потом наступило самое страшное - голод и холод. Мама получала в день 300 граммов хлеба, а мы, дети и бабушка, по 150. Карточки на другие продукты отоваривать почти не удавалось. Все кошки, собаки и голуби были съедены. Мой 15-летний брат ходил на разбомбленные Бадаевские склады, приносил оттуда землю, в которой во время пожара растворился сахар. Мы заливали эту землю водой, отстаивали и пили полусладко-горькую жидкость.

Однажды брат где-то достал сыромятные ремни, которые мы варили несколько дней на буржуйке, потом пропускали через мясорубку и ели. Варили столярный клей, а дуранда (жмых) считалась лакомством.

Было очень, очень холодно! Спали в одежде и обуви под несколькими одеялами. Одолевали нас вши. Вода в ведре замерзала. От постоянных бомбежек с окон срывало фанеру. Испражнения никто не выносил, выливали прямо из окна, так как сил почти не было. Все деревянные части дома были оторваны на дрова. Напротив нашего дома загорелось общежитие университета. Горело долго. Никто не тушил. Оттуда также собирали горелые головешки. А потом загорелся и наш дом на шестом этаже. Старушка ушла за хлебом, оставив умирающего мужа у топившейся буржуйки. Обессиленные пожарные ничего сделать не смогли, вода в шлангах замерзла. Все жильцы дома, кто еще мог стоять на ногах, образовали цепочку и заливали огонь ведрами, пытаясь погасить пламя. После этого случая наша лестница выглядела как ледяной дворец, а ходили мы по запасной, потому что наша парадная была завалена трупами.

Мы жили на берегу Невы и видели, как люди на саночках с бидонами приходили брать воду. Сколько их, которые так и не довезли воду до дома! Спуск к воде был обледенелый, люди падали, многие умирали, не имея сил встать. К тому же, немцы постоянно бомбили мост, возле него всегда оставались трупы. Первой умерла бабушка. Завернули ее в одеяло, как мумию, и вынесли в наш подъезд. В марте 1942 года нас с мамой отправили на оборонное строительство рыть окопы. Спали в покинутом доме на нарах. Вот тут нас спасала клюква, которой было очень много! Потом пошла крапива, лебеда, одуванчики - спасало все, что годилось в пищу. Потом черника. Нашли даже протухшую лошадиную голову, которую долго варили. Уж тут у нас был праздник!

В сентябре 1942 года пришел принимать нашу работу и поздравить высокий офицерский чин Ленинградского военного округа по фамилии Абрикосов. Лучших работников построили в шеренгу, а когда офицер увидел меня - маленькую худющую девчушку, он спросил: "Почему эта здесь?". Ответили: "Они с мамой - лучшие работники". Абрикосов тут же распорядился нас с мамой, которая была очень больна, отправить домой.

Брата взяли в армию, а маму положили в больницу Эрисмана, где она долго болела и умерла в марте 1943 года. Райком комсомола направил меня на Шуваловские торфоразработки. В стужу, холод, с мокрыми ногами - так мы там работали. Каждое воскресенье я ездила к маме в больницу. Помню, нам вместо сахара давали одну конфету типа "Комета". Мне очень хотелось угостить маму, хотя и самой очень хотелось ее съесть. Я собрала четыре конфетки, спрятала их под подушку, а когда собралась взять, конфет не оказалось, украли. Это было для меня величайшей трагедией.

После торфоразработок мы с одной женщиной из

нашего дома, Марией Андреевной, перебрались в маленькую пустую комнатушку, где было теплее и менее опасно, так как окно выходило в "колодец". Сколько страха мы натерпелись из-за обстрелов!
Работали далеко от дома, в артели "Промпуговица" в Апраксином дворе. Делали пуговицы и расчески для армии. Условия работы были ужасные - пыль от пластмассы и эбонита, сильная вонь. Я работала обдирщицей, заостряла зубья у расчесок. Все пальцы были стерты наждаком, кровоточили. Головы наши были обмотаны тряпьем, открытыми оставались только глаза.
За вредность получали соевое молоко или соевые дрожжи. Возвращаясь с работы домой, мы с Марией Андреевной приметили, что с военного корабля на лед выбрасывали картофельную шелуху, селедочные головы, верхушки луковиц. Эта еда была для нас праздником. Вскоре и другие приметили это, и нам почти ничего не доставалось.
Домой с фронта вернулся мой брат. С одной рукой. Родственники, которые покинули Таллин в самом начале войны, разыскали нас. Меня устроили работать курьером в Совнарком, который находился в гостинице "Северная". После освобождения Эстонии, одним из первых эшелонов, я приехала в Таллинн.

Гравюра
А.П. Остроумовой-Лебедевой

СПИРИДОНОВА
Нина Васильевна

Я родилась в прекрасном городе фонтанов, в Петродворце. Раньше он назывался Новый Петергоф. Но ослепительной красоты дворцов, фонтанов, с бурлящими потоками

Нина
Спиридонова
1940 год

каскадов, тенистых аллей в детской памяти почему-то не сохранилось. А ведь я гуляла с родителями в этом парке каждые выходные дни. Чудом сохранилась фотокарточка, где я трехлетним ребенком сижу на мраморных перилах фонтана "Пирамида", а рядом со мной такие молодые мама и папа.

Мое короткое детство, всего три года, было оборвано Великой Отечественной войной. В памяти сохранились отдельные эпизоды, потрясшие меня настолько сильно, что я до сих пор ощущаю запахи войны, вижу наяву события тех страшных дней.

Вот ночью мама хватает меня на руки и куда-то бежит вниз по ступенькам. Темно, какой-то свист, шум, грохот, крики и вопли людей. Темноту разрывают шарящие огни прожекторов, трассирующие пули. Спотыкаясь и отчаянно прижимая меня к себе, мама добежала до бомбоубежища, которое находилось в подвале дома, где мы жили.

Помню, как мы с мамой шли в толпе жителей Петергофа. Было жарко, хотелось пить, но нельзя было останавливаться ни на минуту, потому что с двух сторон толпу женщин с детьми сопровождали немецкие солдаты. Сколько дней мы были в пути? Не знаю. Наконец мы пришли в Гатчину. Здесь, на площади, куда нас привели, стояли немецкие машины с открытым кузовом, рядом с ними были солдаты, они держали за поводки больших овчарок. Я с любопытством осматривала и собак, и солдат, и машины. Мое детское воображение не могло даже представить, что произойдет всего лишь через несколько минут.

Раздалась какая-то команда на немецком языке, и солдаты, оттесняя женщин дальше от машин, стали отбирать у них детей и буквально бросать их в кузов машины. Крик женщин заглушал лай овчарок, которые не подпускали матерей к машинам, где плакали их дети. Меня тоже вырвали из рук моей мамы и передали солдату, принимавшему детей в кузове машины. Дети испуганно кричали, плакали, но я не плакала. Почему? Не знаю. Скорее всего я просто не осознавала этой страшной трагедии. Это потом, став взрослой, я поняла, что могла бы оказаться в каком-то немецком госпитале, где мою кровь перелили бы раненому или... Страшно даже подумать...

Да, я тогда не осознавала, что происходит вокруг. У меня в руках была небольшая плюшевая обезьянка, подарок отца на мое трехлетие. С этой обезьянкой я никогда не расставалась, даже спала с ней в кроватке, а когда мама поспешно хватала меня из кроватки, чтобы бежать в укрытие, я тут же, схватив любимую игрушку, прижимала ее к себе. Вот и сейчас я боялась ее уронить. Но когда немецкий солдат с силой вырвал меня из объятий мамы, а потом почти подбросил другому солдату, находившемуся в кузове машины, я вдруг

заметила, что моя обезьянка упала к ногам офицера, который следил за порядком, стоя возле машины. И я сразу же обратилась к нему с просьбой:

- Дяденька, подними мою обезьянку, пожалуйста!

Офицер вдруг пристально посмотрел на меня и остановился в нерешительности.

Нет, я не плачу, не кричу, как все дети, а только прошу его поднять мою игрушку.

- Пожалуйста, дяденька, подними мою обезьянку, - умоляла я его снова.

Никогда не забуду это мгновение. Красивый молодой офицер колеблется, он растерян и смотрит на меня так внимательно, как будто что-то вспоминает. Возможно, он в это мгновение вспомнил такую же маленькую девочку, свою доченьку... Он поднимает обезьянку, протягивает ее мне и вдруг вытаскивает меня из кузова машины, берет на руки и громко спрашивает по-немецки:

- Чей это ребенок?

Мама отчаянно кричит:

- Это мой ребенок, мой!

И офицер отдает меня маме, показывая нам рукой, чтобы мы немедленно уходили. Мама прижимает меня к себе и почти бежит от этого страшного места.

Помню осеннюю дорогу, поля с неубранным урожаем, холодный, пронизывающий ветер. Мы бредем с мамой по бесконечной, никогда не кончающейся размытой дождями дороге. Очень хочется есть. Я хнычу и приговариваю:

- Мамочка, я хочу кушать. Дай мне кусочек хлебца. Дай хлебца, пожалуйста.

- Доченька, нет у нас хлеба. Потерпи немного, - успокаивает меня мама.

Мы проходим мимо картофельного поля, которое уже все помято военной техникой. Мама замечает кое-где выглядывающие из земли клубни картофеля. Она руками разгребает землю и достает несколько картофелин, одну из них она вытирает

травой и протягивает мне. Я грызу ее, но голод не утоляется, и мне так хочется теплого хлеба. А мама, вытирая мои слезы и запачканное личико, старается спокойно и ласково мне объяснить:
- Вон там, далеко, видишь домик? Сейчас мы к нему подойдем, постучимся в дверь, и нам дадут хлеба.
Я верю маме и стараюсь ускорить свои шаги. Но когда мы подходим к этому одинокому дому, он оказывается пустым, там уже никто не живет. Выбиты окна, распахнутая дверь скрипит на ветру. Мама закрывает эту дверь, берет меня на руки и садится на ступеньки крыльца. - Ниночка, поспи немного, а я тебя подержу на руках, - просит она. Дождь перестал, выглянуло солнышко, оно пригрело меня. Я прижимаюсь к маме, закрываю глаза, но через несколько минут просыпаюсь:
- Мама, пойдем дальше, пойдем искать другой домик. Я хочу хлеба.
Мама поднимается, берет меня за руку, и мы уходим. Но я оглядываюсь, смотрю на дом, а он печально глядит нам вслед пустыми глазницами окон. И снова бесконечная дорога. Я окончательно изнемогаю, начинаю плакать и проситься к маме на руки, не понимая ее усталости, отчаяния и того, что у нее за плечами мешок с моими теплыми вещами, который немилосердно давит ей на плечи. Мама молчит, слезы катятся по ее лицу, она продолжает идти, а у меня начинается приступ истерики. Я кричу, требую взять меня на руки. Вдруг мама резко поворачивается ко мне и почти кричит:
- Если ты сейчас же не прекратишь этот рев, я брошу тебя здесь же, на дороге, и уйду одна!
И она выпустила мою руку и быстро пошла, не оглядываясь. Увидев, как мама удаляется от меня, я так испугалась, что останусь здесь, на дороге, одна, рванулась вслед за ней и кричу:
- Мамочка, милая, не бросай меня, я сама пойду, ножками! Я не буду больше проситься на руки! Мамочка!...

Мама останавливается и, протянув ко мне руки, бежит навстречу. Хватает меня на руки, целует, приговаривая сквозь слезы:

- Что ты, доченька, разве я могу тебя бросить? Никогда я тебя не оставлю, не бойся, моя маленькая!

Смутно помню деревушку, в которой мы нашли приют и пищу. Пожилая женщина, хозяйка дома, пекла хлеб, когда мы появились на пороге ее дома. До сих пор ощущаю неповторимый запах горячего хлеба, пьянящее головокружение от нахлынувшего аппетита. Мы прожили в этом домике до весны, до марта.

И вот запряжена в сани клячонка. Сердечная, добрая женщина кого-то упросила подвезти нас до железнодорожной станции. Странно, как долго живут запахи! Я вновь ощущаю этот запах парного конского навоза в морозном утреннем воздухе марта. Он наполнял меня ощущением радости, чего-то нового, еще никогда прежде не виданного мною. Как приятно и уютно сидеть в санях на руках мамы и слышать храп и фырканье лошади, ощущать скользящее движение саней и сознавать, что ты не ножками идешь по бесконечной дороге, а тебя везут!

Не помню, как мы добрались до деревни Копылово в Великолукской области (теперь в Псковской), где жила бабушка по материнской линии, четыре мои тетки и много других дальних родственников. Позднее, когда я уже ходила в школу, мама рассказывала мне, как с толпой беженцев мы шли вдоль железнодорожной линии, прятались от немецких самолетов в лесу под деревьями и кустарниками. Питались семенами сосновых и еловых шишек, выкапывали на заброшенных полях в оттаявших бороздах прошлогоднюю картошку и на костре готовили какую-то пищу - не то кашицу, не то блины...

Пробирались медленно, рискуя своей жизнью: под

Великими Луками проходила линия фронта. Но однажды нас, беженцев, заметили партизаны, они привели нас в свой отряд, а потом проводили в безопасное место, где бои закончились. Оттуда все беженцы продолжали свой путь дальше, расходясь в разных направлениях, кому куда надо было идти.

Деревня Копылово была уже освобождена от немцев, когда мы с мамой пришли наконец-то к бабушке Федосии. Но я помню рассказы сельчан о подвигах наших воинов, о страшных боях, которые проходили в нескольких десятках километров от тех мест. В деревне Копылово мы с мамой прожили еще три с половиной года. Потом, когда закончилась война, вернулся с фронта отец, мы уехали в Эстонию.

Первый раз в жизни я ехала в поезде, правда, в общем вагоне, переполненном пассажирами. Я лежала с отцом на второй полке и смотрела в окно. Мимо проплывали разбомбленные небольшие города и поселки, поля, изрытые глубокими воронками от бомб, а еще я видела покореженные танки, обгоревшие машины, сожженные дома.

- Что наделала война! - сокрушались пассажиры.

Приехав в Ленинград, мои родители закомпостировали билеты на следующий день и, конечно же, захотели навестить свой любимый Новый Петергоф.

И вот мы в Петергофе. Город буквально стерт с лица земли. Мама не смогла сдержать слезы, видя страшные разрушения. Дом, в котором мы жили до войны, был расположен почти рядом с Большим Дворцом, нам пришлось пройти пешком от вокзала до Нижнего парка мимо обвалившихся домов, полуразрушенных стен бывших царских конюшен. Везде были груды кирпичной кладки, камней, рытвины и ухабы развороченных шоссе и тротуаров. Пройдя весь город, мы подошли к нашему дому. От него остались только стены.

Печаль и боль отразились на лицах моих родителей,

ЛЕНИНГРАД

когда они увидели совершенно уничтоженные дворцы Нижнего парка и совершенно опустошенный парк без единой скульптуры и без единого фонтана. - Такую красоту уничтожить!... А ведь немцы считались культурным народом, - сокрушался мой отец.

С трудом нам удалось найти нашу тетю Нюру, которая жила в землянке. Помню, как мы спускались по земляным ступенькам вниз, в землянку, как в ней было тесно и душно, как меня посадили на нары, на которых ночью спала тетя Нюра со своей дочкой Тамарой.

Живя в Эстонии, мои родители надеялись на возвращение в город своей молодости. Но шли годы, менялись обстоятельства, возникали новые проблемы, которые мешали моим родителям осуществить свою заветную мечту. И только окончив среднюю школу, я смогла самостоятельно поехать в Новый Петергоф, который вновь возрождался из пепла. Я увидела ослепительную красоту восстановленного Большого каскада и некоторых других фонтанов, но Большой Дворец оставался еще в руинах.

А позднее, став учителем, я каждый год возила своих учеников в город моего короткого довоенного детства.

Белла Оливсон 16 ноября 1945 год

ОЛИВСОН (БЕРКУН) Изабелла Абрамовна

11.05.1926 г.р.

Я осиротела в 1937 году, когда были репрессированы мои родители. Воспитывалась у тети в Ленинграде. Тетя, дядя и их дочь с семьей жили в коммунальной квартире в Гродненском переулке, дом 11, квартира 12. Их соседом был одинокий молодой мужчина. Когда началась война, соседа мобилизовали, и больше его никто никогда не видел. Комната его была заперта.

Дочь тети с мужем и сыном эвакуировались в город Казань, так как тетин зять работал в закрытом конструкторском бюро. Опекуны мои работали, а я по распоряжению райисполкома Дзержинского района, как и другие школьники, копала окопы на Марсовом поле, дежурила на чердаке школы по улице Чайковского, носила туда воду и песок.

Наступила блокада. Вскоре от голода умер дядя. Мы остались вдвоем с тетей, два дистрофика.

Морозы, голод, отсутствие света, тепла, воды, топлива. Не всегда доставалась 125-граммовая пайка хлеба. Надо было ночью стоять в очереди, закутавшись в одеяло, чтобы утром получить крошечный кусочек хлеба в булочной на углу улиц Рылеева и Восстания. Однажды я упросила тетю открыть комнату соседа, там была круглая железная печь, ее можно было затопить и согреться. На топливо шла мебель: стулья, табуретки, тумбочки... Подумав, тетя отправилась к дворнику, который разрешил и помог открыть комнату соседа.

Вдвоем с тетей мы сломали табуретку и затопили печь. Нас охватило очень приятное ощущение тепла, можно было немного расстегнуть одежду и очень захотелось спать. Тетя предупредила, что пока топится печь, спать нельзя. Надо было найти занятие, и я его нашла: заглянула в шкафчик соседа и вдруг увидела целый сухой батон, а рядом стояла сахарница с настоящим сахарным песком! Счастью не было предела! Откусить батон не удалось, вместе с тетей мы держали батон и смотрели друг на друга... Собрав на дворе снег, растопили его в кастрюльке на горячих углях, положили туда батон, да еще и сахар! Это был настоящий деликатес! На какое-то время мы смогли отвлечься от бомбежек, валяющихся на улице трупов...

Трудно сейчас описать это чувство - неожиданно-чудесная находка в такое страшное военное голодное и холодное время! После войны мы часто вспоминали этот случай. Вспоминали и соседа, который, вероятно, погиб на войне.

ОРЛОВА
Александра Михайловна
25.11.1923 г.р.

Наша семья с 1935 года жила под Ленинградом в селе Калтуши. Родители работали в институте академика И. П. Павлова. В августе 1941 года мама и младший брат были эвакуированы вместе с институтом. Папа остался в Калтушах, там жил и работал. Я училась в Ленинграде и иногда навещала отца.

5 ноября 1941 года, в канун праздника Октября, я собралась пойти к отцу. Трамваи и автобусы уже не ходили, я отправилась пешком. Мне предстояло пройти с Петроградской стороны на Охту, потом до Пороховых и дальше в Калтуши, всего около двадцати километров. Я шла медленно, была голодна. Надеялась, что у отца смогу что-нибудь поесть, у него осенью еще была картошка.

Мне оставалось пройти два-три километра, как вдруг до меня ветром со стороны старой деревеньки донесло запах свежеиспеченного хлеба. Запах был такой сильный и вкусный, как будто я видела перед собой только что вынутый из печки горячий хлеб. Я остановилась, вдыхая в себя этот чудный, давно уже забытый запах, и не могла двинуться с места. Вдруг запах пропал, должно быть, ветер подул в другую сторону. Я побрела дальше.

Отец обрадовался моему приходу, угостил горячей, только с плиты, похлебкой из отрубей. Было вкусно. Я рассказала отцу о запахе хлеба, который вдыхала возле маленькой деревеньки. Папа объяснил мне, что там расположена хлебопекарня, в которой выпекают хлеб для армии. Значит, запах был настоящий, это не мираж и не галлюцинации. Я заночевала у отца, а наутро собралась в обратный

путь в Ленинград, так же пешком. Отец отсыпал мне из кулька немного отрубей, около полукилограмма, и мы распрощались. Я шла тем же путем, что и накануне, но хлебного запаха уже не было. Подходя к Ленинграду, я услышала вой сирены. Началась воздушная тревога. Всех, кто оказался на улице, дежурные загоняли в подъезды домов или во дворы. Я стояла под какой-то аркой. Стучал метроном. Стемнело. Небо бороздили лучи прожекторов. Но вот прозвучал отбой воздушной тревоги, можно было продолжать свой путь. В это время по радио стали транслировать из Москвы торжественное заседание, посвященное 24-й годовщине Октября. Мы слышали выступление Сталина, который говорил о доблести Красной Армии, называл имена великих русских полководцев Александра Невского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова, с русским народом отстоявших свою землю от захватчиков, о том, что враг будет разбит, победа будет на нашей стороне. Эти слова поддерживали нашу веру в победу, мы знали, что так будет. Под впечатлением этого доклада, я дошла до дома. Все годы войны я помнила этот вечер, верила и никогда не сомневалась в нашей победе.

В школьные годы у меня была подружка Таня Розенберг. С четвертого класса мы с ней сидели за одной партой. Я часто бывала в ее семье. Таня жила с мамой и теткой. Ее отец, Борис Михайлович, жил отдельно, но с дочерью постоянно встречался. Мы с Таней часто бывали у него, вместе ходили в ТЮЗ, филармонию, музеи, он всегда угощал нас чем-нибудь вкусненьким. В конце ноября 1941 года мы с Таней пошли к Борису Михайловичу. Он приветливо встретил нас, сообщил, что будем варить бульон. Достал откуда-то с антресолей старые багажные ремни из сыромятной кожи, попросил нас разрезать их на маленькие кусочки. Принес кастрюлю с водой, растопил чугунную

печку, которая стояла на паркетном полу. Для растопки были использованы старые афиши и газеты, а когда огонь разгорелся, Борис Михайлович принес книги. Книги были дорогие, в красивых муаровых переплетах и с великолепными иллюстрациями. Я эти книги раньше держала в руках, некоторые читала. Это были сочинения Шиллера, Гейне, А. Толстого, других известных авторов. Я не могла представить себе, что эти книги, которые в мирное время вызывали чувство восторга и зависти, можно жечь. Борис Михайлович стал отрывать от книг переплеты и бросать их в огонь. А мне сказал, что ничего, кончится война, новые книги купим...

Так у нас варился бульон, который мы приправили солью и лавровым листом. Свой блокадный кусочек хлеба Борис Михайлович нарезал маленькими кусочками и подрумянил их на горячей печке. Бульон разлили по чашкам, мы чинно уселись к столу. Было ли вкусно, не знаю, но ели мы с удовольствием и очень аппетитно, вылавливая из бульона размягченные кусочки хлеба, согревая руки о горячие бока чашек. Остатки бульона Борис Михайлович слил в баночку и попросил Таню отнести его одинокому соседу, который очень обрадовался угощению.

В феврале 1942 года я была эвакуирована и встретилась с Таней только в конце 1944 года. Она рассказала, что ее отец был арестован, следы его затерялись. Таня пыталась найти его, ходила в Большой дом на Литейном проспекте, но ей сказали, что там ее отца нет и больше незачем его искать. Так не стало хорошего человека.

ПАНТЕЛЕЕВ
Николай Иванович

21.05.1928 г.р.

В начале июня 1941 года я с Похвальной грамотой перешел в шестой класс 138 школы Красногвардейского района, где директором была Надежда Ивановна Малинина.

Наша семья - мама, два брата и сестра проживала по адресу улица Комсомола, дом 15, квартира 10. Мама работала в столовой завода им. Свердлова. Старший брат Евгений, 1923 года рождения, в июне 1941 года получил аттестат об окончании

средней школы. Брат Виктор, 1925 года рождения, закончил девятый класс. Сестра Екатерина 1929 года рождения, закончила четвертый класс. Все учились в этой же школе, в которой учился я. Начались прекрасные дни - каникулы! 2 июня утром я с друзьями из нашего двора пошел купаться и нырять с ладожских барж. Накупавшись, на Неве ловили уклейку. На каждую удочку садилось по пять рыб. По дороге домой мы узнали, что началась война.

Через несколько дней я вместе с братьями и учениками, закончившими 10 класс, был направлен рыть окопы в район больницы Мечникова и станции Ржевка.

7 августа 1941 года старший брат был призван в армию. Он погиб 4 февраля 1944 года на Волховском фронте при прорыве Ленинградской блокады.

В июне-июле 1941 года в магазинах на Михайловском и Финском переулках мне удавалось купить крупы и макароны. С сентября, когда ввели карточки, их не всегда удавалось отоварить. Эти крупы, купленные летом, нас спасали зимой. Несколько крупинок, сваренных в кипятке, служили и супом, и чаем, согревающие разум, плюс 125 граммов маленького кусочка хлеба.

Ходил в Парголово, перекапывал большие площади земли, где находил несколько картофелин. Ах, как я позднее жалел, что не собирал капустные листья, которых была уйма на полях после вырубки капусты! Когда я туда снова пришел, то не было уже даже кочерыжек. Со страшной силой хотелось есть! Кипяток, горячий кипяток, который мама кипятила на керосинке, едва согревал. Столовая, где она работала, давно была закрыта.

Стал ходить на Финляндский вокзал, где мальчишек было больше, чем пригарков от каши в

котлах. В доме, где мы жили, было бомбоубежище. Одна бомба упала рядом с нашим домом. Словно часовой маятник закачался каменный пятиэтажный дом. Все побежали в бомбоубежище. На скамейках, прижавшись друг к другу, просидели с вечера до утра. И каждый раз, как загудит сирена, все бежали снова. Я в бомбоубежище больше не бегал, появилось полное бесстрашие. Выходил на улицу и смотрел, куда в очередной раз упадет бомба или зажигалка. В карманах у меня всегда лежали рукавицы. Зажигалка шипела и сверкала искрами. Я хватал ее за усы и бросал в бочку с водой, стоявшую у двери дома. Влезали с друзьями на крышу дома, завидев вдали черные точки самолетов, ложились. Самолеты пролетали мимо нашего дома, будто зная, что мы их не боимся.

Долго сидеть и ждать, когда на крышу упадет зажигалка, чтобы ее бросить в песок, не выдерживали. Выгонял голод и холод. У нас в сарае было немного дров, поэтому мама через день-два экономно топила круглую печку. Дрова мы вместе с сестрой пилили в комнате. В печке на углях в чугунном горшке мама варила что-то жидкое, но горячее и вполне съедобное. Мы с сестрой такого угощения не могли дождаться. Сидели возле печки, поочереди сменяя друг друга. На морозе выстаивали очереди в магазин. Мама таяла на глазах. Сестра стала худенькая, глаза провалились. Себя я не видел, не знаю, как я выглядел. Сестру старался одну на улицу не отпускать. Мама молчала.

Дома у нас с довоенных времен была бутылка водки и папиросы. Мы вместе с мамой добрались до Кузнечного рынка, где смогли обменять наше богатство на хлопковый и ореховый жмых. Из них варили необыкновенной вкусности жидкие, но горячие супы.

Дрова были на исходе. С друзьями стали искать

С.С.С.Р.—Н.К.О.
КИНЕШЕМСКИЙ
Городской
ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ
Ивановской области

19 г.
№ 01792
г. Кинешма, Ивановской обл.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш брат сын Сержант
муж, сын брат военное звание
Данилов Евгений Иванович
Фамилия, имя и отчество

Уроженец г. Ленинград
область, район, деревня, село

17 января 44г. ул. Кировская д. 15 кв. 1

в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит
2-го февраля 1944г.
убит, умер и умер от ран

Похоронен г. Ленинградской обл. Гдовский район д. Пруд.
место похорон

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии.

Городской Военный Комиссар

дрова возле разбомбленных домов. Вместе с сестрой привязывали к санкам бочку, в которой до войны солили грибы, в тридцатиградусный мороз, закутанные во всевозможные одежды, ходили за водой на Арсенальную набережную. Емкость бочки была примерно 12 литров. Мы наливали пять-шесть литров воды с огромным трудом. Сестра оставалась с санками на берегу, а я катился вниз по льду к проруби. В литровый бидон черпал воду и с трудом поднимался наверх, выливал воду в бочку и снова катился вниз. Расстояние до дома было полторы трамвайных остановки. С трудом одолевая это расстояние, с еще большими усилиями затаскивали санки с бочкой в квартиру.

Воду расходовали предельно экономно. Пока хоть как-то могли двигаться, повторяли процедуру доставки воды. Ах, как трудно было достать милые сердцу 125 граммов хлеба! Холод, мороз пронизывает до самых костей, но надо стоять в очереди.

Дни сменяли ночи, страшные темные ночи. Умывание и переодевание были забыты. Спали в одежде, которую не снимали, стараясь еще что-нибудь надеть, утеплить тело. Спать ложились с мыслями о еде, и вставали с такими же мыслями. Мама нам говорила: "Не вставать - значит погибнуть, а вам надо жить!".

Мама в марте 1942 года еще как-то двигалась и добиралась до домоуправления в надежде получить весточку от сына с фронта. Не всегда приходила с радостной вестью, хотя почта работала исправно. А когда весточку получали, у нее дрожали руки. Когда мама переступала порог, зная что сын жив, мы радовались все втроем.

Детей нашего района в апреле 1942 года стали собирать в восьмилетнюю школу в Михайловском переулке, напротив завода "Прогресс". Мама отвела нас с сестрой. Отдала всю посуду и все, что посчитала необходимым для обогрева детей. Нам сказали, что мы теперь в детском доме. Через несколько дней, проведенных в школе, мы с сестрой, по просьбе мамы, пошли к ней домой. Когда пришли, мама уже была мертва. Это произошло 22 апреля 1942 года. Похоронили маму в 12-м захоронении на Пискаревском кладбище.

Вернулись мы с сестрой в наш детдом-школу, а вечером я слег. Цинга, дистрофия, дизентерия. Десна сочились кровью. Меня поместили в изолятор. Сестру ко мне не пускали. Несколько дней провел в изоляторе. Однажды принесли мне стакан с разведенной в воде марганцовкой для полоскания рта. Я выпил эту воду. Отравился. Оказался в детской больнице возле Московского

вокзала. Провел я там почти месяц. Из больницы в детдом-школу меня привезла медсестра.

7 июня нас эвакуировали. С Финляндского вокзала привезли в порт Осиновец, дальше - на судно Ханси Эстонского морского пароходства. В сопровождении морских охотников плыли по Ладожскому озеру. Над нами все время кружились два немецких самолета. Незабываемые крики, стоны. Прижавшись головами вниз, благополучно добрались до Кобон. Самолеты были сбиты.

По пирсу шли метров сто, потом нас посадили в грузовые машины и повезли кормить в болото. Солдаты привезли нам в термосах борщ, манную кашу и по кусочку хлеба. Свернувшись клубочками, там же уснули под кустами. Комары летали тучами, но мы их не замечали.

На рассвете по железной дороге повезли нас в сторону Волховстроя, в сопровождении двух самолетов-истребителей. Привезли в город Тихвин, оттуда в Рыбинск, где с нас сняли всю одежду и прожарили ее в дезинфекционных камерах Кормить нас повели в ресторан, который находился на берегу. На пароходе по каналу Москва-Волга нас доставили в город Пошехонье-Володарск. На берегу нас ждали подводы. Девочки сидели на подводах, мальчики шли пешком. Привезли в село Ермаково, поселили в школе, мальчиков отдельно от девочек. На работу нас отправили не сразу. Кормили хорошо, по три раза в день, но нам все равно не хватало. Мы собирали вдоль дорог лопухи и дудки, объели все.

С колхозных полей убирали горох, овощи, черную смородину. Работали под наблюдением взрослых. Из леса выходили медведи полакомиться ягодами.

1 сентября 1943 года мы начали учебу в школе. Деревенские ребята приносили в школу из дома шаньки, с нами они не делились. Этого мы не могли потерпеть, и как только учитель отворачивался к доске, мы отбирали шаньки у деревенских. Нас за

это не наказывали, но деревенским запретили приносить съестное в школу. После войны мы с сестрой вернулись в Ленинград, получили комнату в доме, где родились, но не в нашей квартире. Сестра вскоре заболела и умерла, ей было всего 16 лет. Похоронил я ее на Богословском кладбище.
Я с 1947 года живу в Таллинне. Учился, работал, теперь на пенсии.

Гладкая
Алефтина
Ленинград
1951 г.

ПАВЛЕНКО (Гладкая) Алефтина Феодосьевна

26.09.1931 г.р.

Мое детство прошло в Ленинграде на улице Петра Лаврова, дом 44, квартира 42. На

Серафимовском кладбище похоронен мой отец Феодосий Андреевич Гладкий, он умер в 1970 году, а мама, Венецкая Мария Терентьевна, похоронена на Пискаревском кладбище. Она умерла от голода в 1942 году.

Утром 22 июня 1941 года папа обещал повезти меня кататься на американских горках, я давно об этом мечтала. Наша комната - десять квадратных метров с печкой в углу и полом на уровне земли. Зато в окно можно было легко вылезти и оказаться во дворе 48-го дома, где просторно и много друзей.

Я открываю глаза, светит солнце. Но у папы лицо озабоченное. Он говорит, что началась война, на американские горки мы поехать не сможем. Я заплакала. Я не знаю, что такое война, зачем она, мне только девять лет и ничего, кроме американских горок, мне не нужно! Папа сдается, и мы едем в парк. Но никаких катаний, естественно, не было. Раздался сигнал воздушной тревоги. Мы постояли под американскими горками, а после отбоя сигнала воздушной тревоги поехали домой.

Папе пришла повестка из военкомата. Из города стали вывозить детей в пионерские лагеря. Мама провожала меня на вокзале и говорила, что это не надолго, война скоро закончится. Но недолго длилось наше пребывание в пионерском лагере. Немецкие войска подступали к нашему лагерю все ближе и ближе, и скоро нас отвезли обратно в Ленинград. В Ленинграде было лето, тепло, на подоконниках сушились сухари. Я удивлялась: зачем нас увозили?

Но к осени стало страшно. Начались сильные бомбежки, а потом и артиллерийские обстрелы. Зима подступила очень голодная и холодная. Во время обстрелов и бомбежек к нам в квартиру спускались жильцы с верхних этажей, держа в руках маленькие сумочки с самыми необходимыми и дорогими для них вещами. Обстрелы были так часты, что к ним уже привыкли, со временем все стали безразличны, а у многих от постоянного недоедания уже не хватало сил спускаться и подниматься по лестнице. Водопровод замерз, печку топить было нечем. Мы с мамой ставили на санки чайник и бидончик и отправлялись на Неву за водой. У проруби всегда стояла длинная очередь. Многие приходили за водой, но были и такие, кто привозил на саночках покойников, чтобы сбросить их в прорубь. По дороге домой вода в чайнике и бидончике замерзала.

Мама работала на улице Чайковского в райсовете, я каждый день ходила встречать ее с работы. Вдвоем было легче идти, а передвигаться приходилось в кромешной тьме, на ощупь. Спать ложились в одежде. Один раз мама предложила: "Разденься, доченька, поспи, как следует". Я легла под одеяло, но сон не шел. Слушала, как летят самолеты, узнавая по звуку, что это немецкие. Вдруг раздался грохот, окно разлетелось, а с меня сорвало одеяло. Мама бросилась ко мне, стала обнимать меня. Мы быстро оделись и выбежали на улицу. В дом

напротив попала бомба, раздавались крики и стоны, было ужасно страшно.

Каждый день, выходя из квартиры, я видела складированные за нашими дверями, под лестницей, трупы. Я очень боялась, а мама успокаивала меня, говорила: "Доченька, бояться мертвых не надо, бойся живых!". Это я запомнила на всю жизнь. Подходила к концу страшная зима 1942 года. Сил не было уже ни на что, властвовало безразличие. Маму, обессиленную, забрали в больницу, где она умерла 5 апреля. Меня отвезли к папиной сестре тете Гале на Петроградскую сторону. У тети был сын 15 лет и дочь 16 лет. Я лежала, вставать уже не могла. Молча наблюдала, как делят хлеб и ждала, когда мне принесут мой кусочек. Тетя варила холодец из изоленты. Я очень просила холодца, но мне не давали. Помню печку, которая топилась. Соседи все умерли, их квартиры стояли открытыми. Можно было жечь их мебель. Вскоре умерли дядя и тетя. Двоюродного брата забрали в ремесленное училище, а двоюродная сестра стала работать на хлебозаводе подсобницей, где она и проработала всю свою жизнь и умерла на рабочем месте в 1988 году. Из совхоза "Бугры" пришла моя старшая сестра. Перед войной она закончила сельскохозяйственный институт и была туда направлена на работу. Потеряв своего годовалого сына, первенца, сестра стала меня искать. Завернула в одеяло, положила на санки и повезла в совхоз. По дороге я несколько раз падала с санок, а сестра поднимала меня и снова везла. Нас догнала подвода, на которой везли хлеб в совхоз. Нас посадили на подводу, а мне отломили и дали кусочек хлеба. Он был теплый и такой ароматный, что до сих пор помню этот запах! Всю дорогу я держала в руках этот кусочек хлеба, так и не съела ни крошечки.

Дома у сестры меня ждал усиленный паек: каждый день кусочек дуранды, кусочек хлеба, намазанный

жареными дрожжами и одна круглая конфетка. Обо мне заботились добрые люди, поэтому я выжила.

9 мая 1945 года мы отправились на праздничный победный салют к Неве. Вдруг раздался страшный грохот, боевыми снарядами стреляли из всех орудий. Я в ужасе закрыла уши ладошками и с криком "Война!" бросилась в подворотню. Меня едва догнали, стали успокаивать: кончилась война.

Началась трудная послевоенная жизнь. Пленные немцы восстанавливали разрушенный город. Я живу у мачехи на Пионерской улице, 28. Часто слышу стук в дверь черного хода. Открываю. Передо мной стоит немец. Мне не страшно. Он протягивает мне безделушку, сделанную своими руками, и просит кушать. И хотя в доме на счету каждый кусок, я протягиваю ему кусочек хлеба. Мне жаль человека.

ПАВЛОВА (Князева) Нина Ивановна 29.08.1932 г.р.

Ленинград, октябрь 1941-го.

Отец сделал на заводе печку-буржуйку, привез ее на тележке домой и начал устанавливать. Надо сказать, что у нас с комнатой соседки была общая старинная круглая печь, но топилась она не из нашей комнаты, да ее никто никогда и не топил. Отец решил трубу от буржуйки вывести в дымоход печки. Сделал отверстие в стене и дымоходе, вставил железную трубу от буржуйки, и все мы стали топить уже нашу печку, каждый подбрасывал щепки. Печка раскалилась, пламя гудело. Мы разомлели, радовались, что зиму переживем в тепле. Уснули.

Ночью первым стал кашлять отец. Мама проснулась недовольная, хотела встать, но упала. Брат тоже упал. Я поняла, что что-то случилось и спряталась под одеяло. Потом высунула голову и вижу, как из того места, где труба от буржуйки входила в дымоход, вылетают искры одна за другой в разные стороны. Мама крикнула: "Мы горим!".

Мама
Клавдия Александровна
Князева

Папа
Иван Иванович
Князев

С другой стороны была еще одна комната, там жила одинокая женщина по имени Матрена. Мама скомандовала: все стучите Матрене и кричите, что мы горим. Мы долго стучали, Матрене надоело это слушать, и она пришла к нам. Спрашивает, что случилось? Мама ей отвечает: "Разве не чувствуешь, что мы все угорели? Мы еще не горим, но стенка тлеет". Мама послала Матрену за пожарными, пожарная часть примыкала к нашему дому. Пришли пожарные, три человека с молотками и топорами. Воды не было. Всю ночь они тюкали молотками по тлеющим доскам, вырубали их из стен и потолка, сбрасывали на пол и затаптывали ногами. Открытого огня не было. К утру пожарные ушли. Мы все лежали, отравленные угарным газом. После этого Матрена уехала жить к своей сестре, а мы остались в квартире одни, так как другие соседи - Белоусова Мария со своими дочками Юлией и Лёлей - где-то промышляли и дома не жили.

С пожаром мы справились, но на потолке над печкой оставалось отверстие диаметром примерно в полтора метра, а наверху - чердак. Отверстие не было сквозным, но мы видели дранку и чердачный мусор. Так и жили, пока не произошел трагикомичный случай. Наступил июнь 1942 года. Мы собирались в эвакуацию. Я с мамой была дома, брат где-то промышлял. Был спокойный день. Вдруг над печкой рухнул потолок, пыль, грязь, не видно ничего, только слышим, как катится таз. Мы с мамой отпрянули к окну и смотрим: на нашей круглой стационарной печке стоит, сгорбившись, Нецелиха (так звали одну даму из тринадцатой квартиры). Потом она падает с этой печки на кучу мусора. Мы поняли, что Нецелиха была на чердаке, наступила на коварное место и свалилась прямо к нам, и мы с мамой стали смеяться. А Нецелиха подумала, что это западня и ее хотят зарезать (до войны она была очень толстая, а в блокаду - как все), стала плакать, умолять не трогать ее. Еле-еле она пришла в себя и поняла случившееся. В тот же день потолок заделали листом фанеры, а на чердаке поставили ограждение.

В 1979 году мы с мужем были в Ленинграде, съездили в наш дом, были в нашей комнате. Все тот же потолок, только побеленный. Дом расселяли, готовили к капитальному ремонту. Был лифт, пристроенный снаружи.

Блокадные зимние дни 1942-го.

Мебель мы не жгли. Брат выискал склад дощечек, из них сколачивали ящики для снарядов. Склад находился в том месте, где Черная речка впадает в Невку, его охранял часовой в тулупе и с винтовкой. Валентин запасался дощечками, и ими мы топили буржуйку. Комнату тоже превратили в сарай, но запасов дощечек было очень мало, они скоро закончились.

Брат сказал: "Пойдем со мной, мне тяжело вылезать из реки на берег". В темноте, по льду Черной речки,

дошли до склада. Я вся в страхе. Нагрузили целые санки, завязали воз веревкой, пошли по льду обратно. Напротив нашего дома берег крутой, выбраться не можем. Много времени прошло, но наши усилия успехом не увенчались. Вдруг видим - наверху идет мужчина и смотрит, как мы пытаемся выбраться на берег. Он предложил нам свою помощь. Спустился к нам, вытащил санки с дощечками, и, не останавливаясь, пошел себе дальше. Мы выбрались, плакали, кричали ему, чтобы он отдал наши санки, но мужчина еще и пригрозил нам. Печальным оказался день.

Это было 31 января 1942 года. Мы уже давно не умывались, мучила цинга, голод, стужа, вшивость, а еще жуткий страх от бомбежек и обстрелов. Не работала канализация, водопровод. Коптилка освещала нашу комнату. Но работало радио - источник информации о делах на фронте, о начале и окончании воздушных тревог, а также о том, что нужно делать, чтобы спастись от цинги, что разрешается разрушать деревянные пустующие постройки на дрова и много других советов, способствующих выживанию.

30 января нам не выдали на карточки хлеба, а 31 января эти талоны отоварили мукой. Нас было четверо - я, брат, мама и папа. У отца третья степень дистрофии, но он ходил на свой завод, там и жил, видели мы его редко. Мама осенью рыла окопы, а к зиме слегла, собралась умирать. Брату было одиннадцать лет, мне девять. Мама, через силу свесив голову с кровати, учила нас с братом печь лепешки из муки на буржуйке. В тесто нечего было добавить, лепешки получились очень белые. Их было четыре штуки, так как мы ждали папу. Он на производстве получал и наши детские хлебные карточки. Лепешки были сказочные, свои мы съели сразу, отцу оставили. Потом мама долго жалела об этом.

Наш дом на набережной Черной речки 15, квартира

19, коммунальная, шестиэтажный. Мы жили на последнем этаже. Время было позднее, но еще не ночь. К нам поднялся новый домоуправ - мужчина и не дистрофик, сообщил, что наш папа валяется около дома, дескать, забирайте его, он еще жив. Мама даже не встала, только сказала: "Валя, сынок, иди, принесите вместе". Принесли, положили на пол, голова в крови, отец без сознания, буржуйка обогревала его. В бессознательном состоянии папа съел лепешку. Мама поняла, что отец умирает.

Утром мама встала, сказала нам, чтобы мы не боялись, и пошла промышлять. В ее отсутствие отец умер у нас на глазах. Брат заставил меня плакать, к такому методу он прибегал всегда, когда на нас обрушивался такой страх, который мы с ним без мамы пережить не могли.

Смерть отца оплакивала одна мама, а мы - нет. Брат и мама завернули тело отца в брезент, завязали веревками, чтобы брезент не развернулся. 2 февраля вынесли тело, опять помог домоуправ. Привязали к санкам, повезли на Серафимовское кладбище, ближайшее от дома. Там сказали, что отец будет захоронен в 19 или 20 траншее. Официальная архивная справка гласит, что Князев Иван Иванович захоронен 7 февраля 1942 года в г.Ленинграде на Серафимовском кладбище в траншее братской могилы. Отцу было 33 года.

В эти три дня мы не слышали ни бомбежек, ни обстрелов. Возможно, их и не было.

Тело отца на кладбище отвозили мама и брат. На это у них ушел целый день. Будучи в Ленинграде в составе делегации бывших блокадников, проживающих в Эстонии, я решила пройти пешком путь от Серафимовского кладбища до бывшего своего дома на Набережной Черной Речки 15, чтобы знать, сколько времения я потрачу. Оказалось, 1час и 5 минут.

Блокадная зима 1942 года.

Брат сказал, чтобы я собиралась идти вместе с ним

на Невку за водой. Шли туда без воды легко - на санках две емкости из-под мармелада, по пять литров каждая. Ведер у нас не было. Идем по набережной Черной речки в сторону Невки, вдруг видим, лежит ящик. Валентин сказал, что кто-то покойника бросил, не довез до кладбища. Набрали воды, едем обратно. С ящика уже было оторвано несколько досок. Я сказала брату, что больше не буду ходить за водой, я боюсь. Брат в отместку мне каждый раз сообщал подробности о том, что ящик полностью разобрали и растащили, что женщина, которая была в том ящике, валяется на снегу и с нее уже сняли одежду, она валяется на снегу голая, а потом сообщил, что от холода она высохла, как белье на морозе, и, наконец, труп убрали. Я снова стала ходить с братом на Невку за водой.

Весна-лето 1942 года.

В своих воспоминаниях я нередко употребляю слово "промышлять", и вот почему: во время блокады все люди - и дети, и ходячие взрослые - постоянно что-то искали: копошились на помойках, залезали во всякие доселе недоступные места, изощрялись проникнуть всюду, где можно было хоть что-нибудь добыть. Рылись в земле в поисках каких-то корешков и кочерыжек, забытых или еще не найденных картофелин. Ползали по чердакам в поисках щепок. Были "искатели" и на пожарищах, на развалинах разбомбленных домов. Были они и около покойников. Каждое утро, просыпаясь, начиналась головоломка: что еще обследовать, где еще можно чем-то поживиться и что можно найти съедобного. Все это и определялось словом "промышлять".

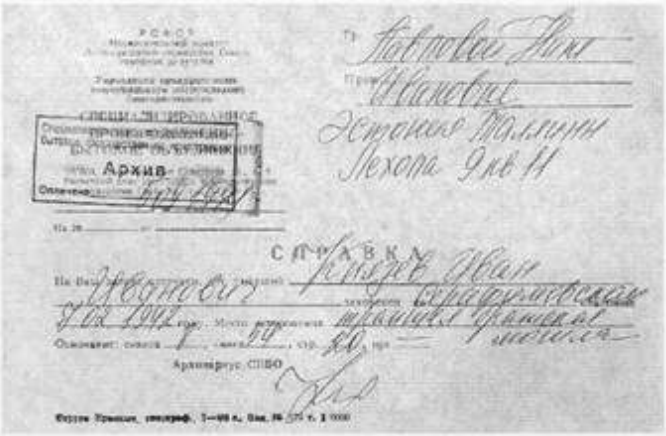
К этому глаголу относили и возможность отоварить продуктовые карточки, так как не везде и не всегда можно было выкупить крупу и другие продукты.

В мае 1942 года наша школа № 106 на Сердобольской улице собрала всех учеников, кто еще оставался жив и не уехал из Ленинграда, и нам

Князева
Нина
12 июля
1949 г.
Ленинград

объявили, что теперь мы будем прикреплены к школьной столовой. Нам предложили сдать свои продуктовые карточки, и мы стали ежедневно получать еду. Теперь вместо книжек мы в школу приносили свою ложку и кружку. Получали какое-то соевое варево. Школьных занятий не было, но старшим ученикам стали давать разные поручения. Например, мой брат в паре с другим мальчиком должен был обследовать дома и узнавать, у кого из жильцов есть радиоприемники. Затея взрослых для детей закончилась чуть-ли не трагедией. Этой же весной по радио сообщили, что в город доставлены семена овощей и чтобы каждая семья вскопала себе огород, посадила семена и вырастила себе овощи. На берегу Черной Речки мы тоже вскопали грядки и посадили какие-то овощи. Каждый день, возвращаясь из школы, заглядывали на свой огород и смотрели, что уже выросло. Но так быстро ничего не росло, а есть хотелось все сильнее и сильнее. Все чаще мы предавались мечте получить целую буханку хлеба. Каждой эвакуирующейся семье на Финляндском вокзале выдавали по буханке хлеба. Наконец, 11 июля 1942 года, наша семья получила эту буханку. Мама, брат и я были эвакуированы из Ленинграда через Ладожское озеро.

P.S. Мне часто в голову приходят воспоминания, от



Справка о захоронении Князева Ивана Ивановича

которых не могу избавиться до сих пор. Речь идет о семье наших соседей по квартире Белоусовых. Мария Васильевна Белоусова с двумя дочерьми Юлией и Лёлей двенадцати и трех лет почти не жила в своей комнате. Появились они где-то в марте-апреле 1942 года, еле-еле пришли. Прошло несколько дней. Мария Васильевна закрыла на ключ комнату, оставила девочек одних, сама куда-то ушла. Вернулась через несколько дней. Юля сначала стучала в дверь и просила, чтобы их открыли. Мы с братом подошли к двери, но открывать было нечем, надеялись, что мама девочек к вечеру вернется. Юля больше не стучала,

Не кричала. Девочки затихли и мы их больше не слышали. Мария Васильевна вернулась через две недели. Девочки уже были мертвы, голод и холод пережить они не смогли. Мать голосила два дня, мы даже не видели, куда она дела трупы девочек. В Книге Памяти "Блокада 1941 - 1944 Ленинград" том 3 "Б" на странице 248 есть запись: "Белоусова Мария Васильевна 1902 г.р., адрес: Наб. Черной Речки д.15, кв.19, дата смерти июнь 1942 год, захоронена на Пискаревском кладбище". А куда же делись трупы ее детей? Вот этот факт исчезновения в никуда двух девочек заставляет думать, что умерших было значительно больше, чем указывает статистика.

Крайняя слева
Крылова Олимпиада
с сестрами.
Фотография была сделана до войны

ПЕСКОВА (КРЫЛОВА) Олимпиада Николаевна

14.05.1932 г.р.

В свои редкие приезды в Ленинград я со своими младшими сестрами всегда прихожу на Пискаревское кладбище. Мы пережили Ленинградскую блокаду. Теперь мы, уже пожилые, по возрасту старше своих погибших родителей, даже старше нашей бабушки, умершей тогда от голода. Мы родились в Ленинграде на

Васильевском острове. Детство прервалось летом 1941 года. Хорошо помню май. Я закончила первый класс, мне исполнилось 9 лет. Родители отправили нас с бабушкой на лето в Карело-Финскую АССР. Там в деревне Торос-Ярве жила бабушкина родная сестра с семьей. Дом стоял на берегу озера, природа сказочная. Озеро окружали вековые сосны и величественные ели - красота неописуемая!

Но настало утро 22 июня. Мы проснулись от громкого плача взрослых. Война! Война! Только через несколько месяцев поняли мы страшную силу этого слова. Взрослые, наверное, не предполагали, что так быстро развернутся военные действия. Поэтому мы загорали, купались, ходили на озеро рыбачить. Уже стали ходить в лес по грибы и по ягоды, когда лесную тишину стали нарушать неясные гулы и раскаты, похожие на гром. Это до нас доносились грохот бомбежек и артиллерийской канонады приближавшегося фронта.

Спешно вернулись в Ленинград, который встретил нас заклеенными крест-накрест белыми бумажными полосками зловещими окнами. По улицам строем проходили мобилизованные рабочие и служащие, а по вечерам в небо поднимались золотистые аэростаты. Мама охала и ахала: как это дети будут жить летом в городе, под бомбежками и обстрелами. Папа ушел добровольцем на фронт. Мама перешла на круглосуточную работу, и мы редко ее видели. По радио, которое не выключалось, объявляли тревогу, и мы бежали через улицу в бомбоубежище или в окопы. Это было для нас в диковинку, даже развлекало. Но однажды в дом, где было бомбоубежище, во время артобстрела попал снаряд, и мы перестали покидать квартиру, когда объявляли тревогу. Потом сгорели Бадаевские склады, по карточкам уменьшили нормы выдачи продуктов. Как-то сразу из кранов перестала течь вода, по вечерам перестало зажигаться электричество. Свечи быстро кончились и вместо них появились

коптилки - жестяная баночка с какой-то жидкостью и плавающий в ней фитилек. Всю середину большой комнаты заняла странная печка с чудным названием "буржуйка", которой требовались дрова. Выручал забор, окаймлявший наш палисадник у дома, потом мы бегали за головешками на пепелища. Когда наступила суровая зима, бабушка не стала нас выпускать из дома, пришлось жечь мебель, чтобы как-то согреться. Первыми в печку ушли этажерки, стулья, кухонные табуретки, а потом добрались и до библиотеки. Тома А.Чехова, Л.Толстого, А.Аксакова, В.Бианки исчезали в этой прожорливой печке. Слезами провожали "Доктора Айболита", стихи С.Маршака, русские сказки, с которыми мы росли. Но самые горькие слезы нас ждали впереди. 1 апреля 1942 года к нам пришли незнакомые женщины со страшным известием: от взрыва снаряда погибла наша мама. В носовом платке, испачканном кровью, женщины принесли четыре кольца - все, что осталось. Этот узелок так и остался лежать на комоде, когда позднее мы ушли в детский дом. Бабушка уже не вставала, горе и голод сломили ее. Вскоре и она ушла от нас. Шофер и рабочие, складывавшие в машину всех умерших нашего дома, сказали, что отвезут их в район Пискаревки.

Два долгих для меня месяца я каждое утро исправно ходила в столовую, где были "прикреплены" наши продуктовые карточки. Я брала с собой трехлитровый бидон, в него наливали три поварешки супа из гороховой муки. Полагался еще кисель непонятного вкуса, его я тоже просила наливать в этот же бидон. Для меня было удобнее и легче нести один бидон. Я прижимала его к груди, а повариха застегивала мне пальто. Скрестив руки на груди и крепко прижимая к себе драгоценную ношу, от которой исходило нежное тепло, я шла домой. Однажды у пустовавшего всю зиму детского

сада, я увидела
много детей, которые
громко переговаривались
и даже бегали. Любопытство
взяло верх, я подошла
к металлической ограде
посмотреть. Некоторые
дети подошли ко мне.
От них я узнала, что они
без родителей, живут здесь.
Подошла воспитательница,
я все рассказала ей о себе
и о сестричках. Через два
дня к нам пришли две
женщины, расспросили нас
о нашей жизни. Велели
одеться, взять с собой
необходимые на первое
время вещи. Я сразу
бросилась к папиному
письменному столу, считая,
что там самые важные
документы. Собрала все
бумаги, на которых стояла
печать. Все было сложено в
наволочку из-под диванной
подушки. Эта наволочка
целых десять лет, таких
близких для меня и таких
далеких, следовала
за мной из одного
детского дома
в другой.

Пескова
Олимпиада,
60-е годы

Братишка Зои Вашпановой

ПЕТРОВСКАЯ (ВАШПАНОВА) Зоя Ивановна

10.06.1937 г.р.

Ленинград, Малый пр. д.35, кв.12.

Когда обстреливали, наш дом качался от разрывов бомб. Мы с мамой, Марией Кирилловной, не ходили в бомбоубежище, она говорила, что если убьют, то не все ли равно где, в подвале или в комнате. Стекол давно не было, окно было затянуто одеялом. Мама сама приколачивала это одеяло. Холод был страшный. Коптилка была, но не было керосина. В комнате было постоянно темно, это действовало угнетающе. В городе съели всех собак, кошек, голубей. Но мама сохраняла в себе силы и вряд ли смогла бы есть кошек и собак. Впрочем, трудно это

Друг Зоиного папы - дядя Вася

утверждать, особенно в тех условиях. За водой мама ходила на Неву (Невку, так она называла).
Брат Толя, ему было полтора года, умер от голода 26 января 1942 года, а чуть раньше мама похоронила двух своих дочерей - Надю 19 лет и Веру 18 лет. Похоронила своих детей на Смоленском кладбище, а когда пришла туда через несколько дней, их могил уже не нашла, за эти дни появились тысячи новых могил. Так до конца своих дней мама не смогла навестить могилы своих детей.
Однажды мы с мамой ходили за хлебом в магазин, он был рядом с нашим домом, и увидели в магазине

Зоина мама - Мария Кирилловна Вашпанова

мертвую женщину. Люди от голода и холода умирали тысячами. Фашисты говорили, что Ленинград съест себя сам. Это была пытка голодом. Трупов было очень много: на улицах, в квартирах, на лестничных площадках. Сколько лет прошло, но ничего не забыто, да и может ли человек такое забыть, даже если бы и хотел, не имеет права. Голод терзал, на глазах у матерей насмерть убивал их детей.

Однажды к нам приехал друг моего папы, его звали дядя Вася. У него лицо было рябое. Дядя Вася привез от папы гостинцы: немного хлеба, кусок хозяйственного мыла и большой кусок сахару. Такие большие куски в то время называли "сахарная голова". Мы по очереди сосали кусок сахара, а потом очень чесались, у нас начался диатез, а лечить никто не брался. Папа наш погиб на фронте, о дяде Васе мы тоже больше ничего не слышали.

Бывало, придешь в магазин за хлебом, а его нет - то не было муки, то по каким-либо другим причинам. Хлеб выпекался огромными буханками, да и те были мерзлыми. Бывало, что продавец не ножом резал хлеб, а рубил топором,

нарубая крошечные кусочки по 125 граммов. Не было в городе и соли. Люди искали всевозможные пути для выживания. Рассказывали про одну женщину, которая работала в охране. Ей иногда разрешали брать немного дров, которые она колола и продавала на Клинском рынке. У Обводного канала был оборонный завод, там рабочим давали дуранду. Меняли вещи на лук, картофельную шелуху, варили дрожжевой суп. По радио ленинградцев предупреждали: "Не съедайте сразу свои 125 граммов хлеба, делите пополам".

Зоя Вашпанова после войны

Мы очень радовались, когда увеличили нормы выдачи хлеба со 125 до 200 граммов, а когда увеличили до 300 граммов, то от радости плакали и обнимались при встрече с соседями, которые оставались живы. Когда открыли Дорогу Жизни, рацион стал несколько разнообразнее, стали давать соевое молоко.

ПЕТРУШЕВСКАЯ (РОЗЕНБЕРГ) Цецилия Георгиевна

14.01.1912 - 26.05.2008

"125 блокадных грамм с огнем и кровью пополам", - как писала ленинградская поэтесса Ольга Берггольц, запомнятся нам, пережившим блокаду, на всю жизнь.

Июнь 1941 года. Мой муж ушел на фронт, а я с двумя маленькими детьми и старенькой мамой осталась в Ленинграде. 8 сентября 1941 года началась массированная бомбежка Ленинграда, немецкое кольцо вокруг города сомкнулось. С каждым днем хлебный паек становился все меньше и меньше. После войны моя дочка спрашивала меня: "Мама, а почему мы раньше только пили воду и ничего не кушали?". А тогда, в блокадном Ленинграде, от

голода стали умирать дети и старики. У меня умер маленький сын и умерла мама. Они похоронены на Пискаревском кладбище.

Мы жили в большой коммунальной квартире на Невском, дом 30, квартира 36 (раньше он назывался Проспект 25 октября). В этой квартире, кроме нашей, проживало еще семь семей. В 1942 году остались в живых только я с дочкой, остальные все умерли от голода. В этом же году я была мобилизована и зачислена бойцом МПВО. Фашисты разбрасывали над городом листовки "Чечевицу доедите - город Ленина сдадите!". Но мы любили свой город, самоотверженно его защищали. Патриотический дух был высок, несмотря на страшный голод и холод. А зимой 1942 года пришла похоронка на моего мужа, который защищал город на Пулковских высотах. Но страшнее всего был голод. Было просто невыносимо, когда твой ребенок просит кушать хоть что-нибудь, а ты ничего не можешь ему дать, абсолютно ничего, и ты видишь, как он слабеет и угасает у тебя на глазах. Чтобы получить свои 125 граммов хлеба, приходилось часами стоять в очереди, и чтобы не замерзнуть, одевала на себя все, что было в доме. В городе на улицах не было освещения, все передвигались в темноте, на улицах лежали трупы умерших, через которые нужно было переступать, и которые не убирались до весны, так как не было ни транспорта, ни возможностей. От холода лопались водопроводные трубы. Начались перебои с водой. Приходилось идти до Невы, набирать воды и потом ползти по Невскому на коленках, потому что от голода не было сил даже идти. Иногда падала и думала, что уже не встану, и только сознание, что тебя в пустой холодной квартире ждет твой ребенок, который погибнет, если ты не придешь, заставляло подниматься и ползти дальше. Вечерами и ночами дежурила на крыше своего дома, тушили зажигалки, которые сбрасывали немцы. От голода пухли ноги,

СССР
НАРКОМАТ ОБОРОНЫ
Дзержинский
РАЙОННЫЙ ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ
20 апр 1942 г.
№ 275/27
г. Ленинград

ХРАНИТЬ ПРЕДПИСАНИЕ НАРАВНЕ С ПАСПОРТОМ

Зачислен

Тип. 24 г. Зак. 703

МОБИЛИЗАЦИОННОЕ ПРЕДПИСАНИЕ

Выдано гр ну/ко города Ленинграда
Ребиберг - Нетушилевой
Ученице Георгиевича

На основании постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 2/VII 1941 г. и постановления Военного Совета Ленинградского фронта от 7/VIII 1942 г. Вы призваны для несения службы по защите города Ленинграда от воздушных и химических нападений немецких захватчиков и противопожарной охране жилых домов и общественных зданий (школ, музеев, и пр.).

Вас возлагается обязанность быть стойким и мужественным бойцом группы самозащиты местной противовоздушной обороны домохозяйств города.

Военный комиссар

района

было очень больно и тяжело передвигаться, у меня и у дочери началась цинга. Но неимоверные страдания не сломили дух ленинградцев. Мы верили в Победу, и она пришла! 9 мая 1945 года все вышли на улицы, плакали и смеялись, и обнимались. Был яркий солнечный день. Эти годы, годы неимоверных страданий и лишений, когда мы потеряли столько родных и близких людей, когда жизнь нужно было начинать сначала - эти годы забыть нельзя. Светлая память тем, кто не дожил до Победы! Светлая память моей подруге Нонне Прохно, которая вместе со мной прошла все годы блокады и не дожила до Победы. 31 декабря 1941 года Нонна нарисовала моей дочке картинку на большом конверте (бумаги не было) и подарила на Новый год. Ребенок был счастлив, так как больше подарков не было. Этот рисунок живет в нашем доме до сих пор и напоминает нам о блокаде. И очень больно и обидно, когда наших мужей, которые ценой своих жизней освободили землю от фашизма, называют оккупантами.

31 декабря 1941 года
Подаренная Нонной картинка
до сих пор живет в нашем доме

А ведь они были молодые и хотели жить,
но погибали во имя счастья своих близких.
9 мая 1945 года в Ленинграде стоял яркий безоблачный день:

В этот солнечный день наш народ ликовал,
Ликовал и рыдал, вспоминая потери.
Но мы землю спасли от беды, от чумы,
От того становилось на сердце теплее.

А.П. Остроумова-Лебедева
Весенний мотив

Лариса
1946 г.

ПУНИССОН (ВИНОГРАДОВА)
Лариса Григорьевна

11.06.1935 г.р.

Война началась, когда мне исполнилось 6 лет. Я ходила в детский сад на Кондратьевском проспекте. Первое время, когда объявлялась

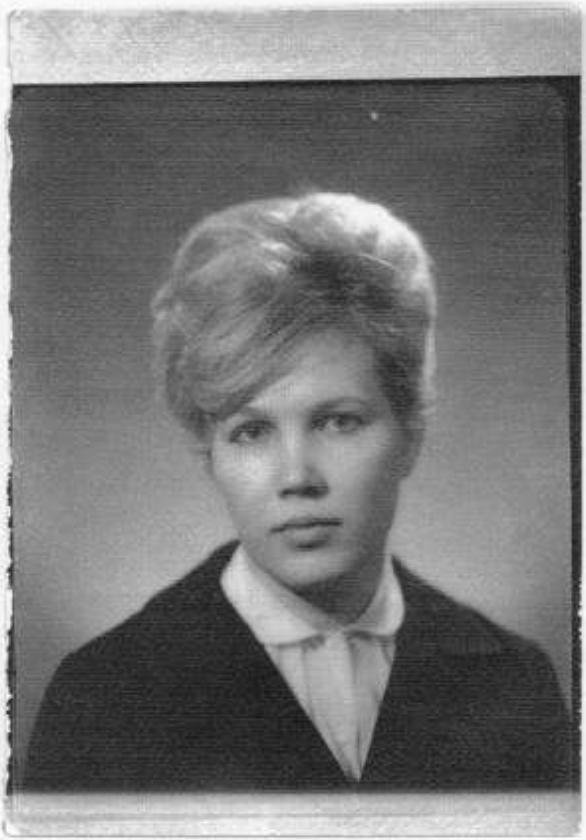
тревога и начиналась бомбежка или артобстрел, нас водили в бомбоубежище, а потом мы уже просто там жили. Иногда нас, детей, на несколько минут выводили на улицу подышать свежим воздухом. Было очень холодно и голодно, но взрослые старались нам помочь. Иногда мама брала меня домой. Все стекла в доме были выбиты взрывной волной, оконные проемы были забиты фанерой. В центре комнаты стояла печка-буржуйка с трубой в окно. Чтобы согреться, мама топила буржуйку, ставила на нее два чугунных утюга, а старшая сестра этими утюгами поочереди согревала постель. Сожгли в доме все, что могло гореть и дать хоть какое тепло. Сначала игрушки, потом мебель, потом дошла очередь до книг...

Однажды сестра заболела, у нее началась цинга. Мама продала на черном рынке свои золотые украшения и шубу за несколько луковиц, чтобы спасти сестре зубы.

Как-то раз мамина подруга позвала нас в гости, угостила супом и котлетами. Мама спросила, откуда такое богатство? Подруга ответила, что по случаю достала кусок конины. Мы были так голодны, что ничего уточнять не стали. И только в 1945 году мамина подруга призналась, что угощала нас мясом корабельного кота, которого ей удалось каким-то образом выкрасть с катера, на котором служил ее брат...

Такой хлеборезкой резали хлеб в блокаду

Пуниссон
Лариса
Григорьевна



Помню, как много людей умирало от голода, их зашивали в простыни и пытались отвезти на кладбища. Когда наступила весна и появилась трава, ее почти всю обрывали и съедали голодные ленинградцы. Нам повезло - летом 1942 года наша семья через Ладожское озеро была эвакуирована в Башкирию, и мы выжили.

Элен Ранд (в центре)
с сестрой и братом
до войны

РАНД Элен

10.09.1934 г.р.

День, когда началась война, запомнился только одним эпизодом: стояла замечательная погода, грело солнце, а соседи загружали вещи в машину, они готовились выехать на лето за город. Вдруг они стали вытаскивать из машины вещи и заносить их обратно в дом. На мой удивленный вопрос "почему?", мне ответили, что началась война и ехать уже никуда не придется.

В нашей семье были бабушка, папа, старшая сестра и я. В 1937 году мама была репрессирована и выслана в Караганду как враг народа. Школьная учительница отказалась принять в свой класс моего

брата, сына врага народа, и его еще до войны сумели отправить в Эстонию к папиным родственникам.

На фронт папа не попал, по броне он оставался работать в Ленинграде. Но условия жизни были такие трудные, что уже в декабре 1941 года папа умер от голода. В доме остались бабушка, сестра и я. Сестру мы почти не видели, она вместе с другими подростками постоянно чем-нибудь занималась: помогала людям, собирала и обезвреживала зажигалки на крышах. Зиму 1941-42 годов я провела вместе с бабушкой, которая очень беспокоилась как и чем меня накормить. Бабушка переживала, хватит ли у нее сил продержаться лишний день, чтобы получить хлебные карточки, чтобы, если она умрет, у меня с сестрой осталось хоть немного дополнительного хлеба. В доме все, из чего можно было сварить хоть что-то пригодное для пищи, было пущено в ход: кожаные ремешки, подошвы, обувь, казеиновый клей, из которых варили бульоны, приправленные лавровым листиком. Бабушка очень переживала за мой желудочек и кишочки, опасаясь, как бы от такой пищи они не склеились, но велико было ее желание дать ребенку хоть каплю горячей пищи, согреть крошечный организм... Бабушка умерла в марте 1942 года. В соседнюю квартиру всю зиму складывали умерших жильцов из нашего дома, и подобранных на улице. В квартире был целый штабель покойников, их с каждым днем становилось все больше. Туда перенесли и бабушку. Я осталась одна в квартире, старшая сестра по-прежнему уходила на весь день, оставляя меня одну. Перед уходом сестра делила мою порцию хлеба на три части и приказывала мне съедать эти кусочки в определенные промежутки времени. Я старалась точно следовать этим приказам и даже старалась терпеть долго-долго, пропускала определенный промежуток времени, чтобы в

следующий определенный час, отведенный для одного кусочка, съесть сразу два и даже три кусочка, чтобы почувствовать вкус хлеба. Как я оказалась в эвакуации, помню очень смутно. В нашей квартире я оставалась одна, закутанная во множество одеял, но мне все равно было холодно. Однажды в квартиру зашла какая-то женщина, вытащила меня из-под одеяльного вороха и куда-то повела. Вскоре я оказалась в толпе детей. Меня поставили рядом с каким-то ребенком в колонну и повели. Потом на маленьком, битком забитом детьми, автобусе, повезли через Ладожское озеро, а потом еще целый месяц мы ехали в поезде в Адыгею, город Майкоп. На стоянках из вагонов выгружали трупы. Я была очень слабенькой, совершенно одна, но рядом находились добрые и заботливые люди, которые жалели меня, пытались хоть как-то поддержать во мне жизнь. В Адыгее меня определили в больницу. С нами был мальчик-татарин, он рассказывал нам, что в Ленинграде его мама заманивала в квартиру детей, потом резала их, варила и кормила этой едой своих детей. Мальчик выжил, а его мама все-равно умерла.

Немцы приближались к Майкопу, жителей города мобилизовывали на оборонительные работы, а одиноким женщинам, которые не могли и не хотели отправляться рыть окопы, предложили взять из больницы эвакуированных из блокадного Ленинграда детей. Женщины приходили в палаты, приносили конфеты, печенье. Понравившимся детям они говорили: "Пойдем домой, я твоя мама, я так долго искала тебя!". Меня долго никто не хотел забирать, потому что я была в состоянии страшной дистрофии. Но потом и меня взяла одна женщина, Шестакова Мария Александровна.

С того момента, как я попала в семью, началась моя новая жизнь. До этого я была эстонской девочкой Элен Ранд. Но в эвакуацию я попала совершенно случайно, без разрешения ленинградских властей,

без документов, которые остались дома, даже сестра не знала, куда я подевалась. В новой семье мне дали новое имя и новую дату рождения. Я стала Шестаковой Еленой Семеновной, 1936 года рождения.

После освобождения Майкопа моя новая мама вышла замуж, приняв к себе еще двоих детей своего мужа, девочек двух и пяти лет. Закончилась война. Мы жили одной семьей. Я выросла, окончила школу и педагогическое училище в Майкопе. Мои сводные сестры до сих пор живут в Адыгее, раньше мы часто встречались, теперь это сделать трудно.

Все время я помнила свое настоящее имя, ленинградский адрес, имена сестры, брата, отца, бабушки. С 1951 года я стала заниматься поисками сестры. Писала письма в Ленинград, делала официальные запросы, но мне никто не отвечал. Нашла соседей, которые подтвердили, что я на самом деле Элен Ранд, жила в Ленинграде, что я на самом деле родилась не в 1936, а в 1934 году. Соседи рассказали, что моя сестра умерла от голода. Перед смертью она не закрыла квартиру, поэтому нашли ее быстро. Где похоронены папа, бабушка и сестра, я до сих пор не знаю. Все-таки я получила документы с моими настоящими именем, фамилией, датой рождения. А в 1956 году в Майкоп на мое имя пришло письмо... на эстонском языке. С трудом нашли журналиста, который знал эстонский и перевел мне письмо. Оно было от родственников отца, которые жили в Тарту. Они тоже долго искали меня. Возможно, их поиски ничем не увенчались бы, останься я по-прежнему Леной Шаповаловой. В 1958 году я впервые в жизни приехала в Эстонию, к тете. Она ничего не смогла рассказать мне о брате, который пропал в последние месяцы немецкой оккупации.

В Тарту я вышла замуж, взяла фамилию мужа. С семьей мы жили в Крыму, потом в Молдавии. Когда сын в 1975 году пошел в школу, вся наша семья

Элен Ранд с родителями
и бабушкой

перешла на мою девичью фамилию Ранд. В разгар перестройки-перекройки перебрались в Эстонию. Так бы и протекала моя жизнь, тихо и незаметно, как вдруг судьба сделала мне еще один щедрый подарок - в 1994 году нашелся мой брат! Из немецкого трудового лагеря, в котором он оказался в последние месяцы войны, его занесло в далекую Австралию. Спустя более пятидесяти лет наше первое общение с братом состоялось по телефону, но как это было трудно! Брат говорил только на английском и эстонском, а я только по-русски. Весь разговор - слезы, охи, ахи... Только на следующий год, когда брат с женой приехали в Эстонию, мы сумели наговориться, узнать о жизни друг друга. Я рассказала брату о наших родных, о своем горьком детстве. Потом я была в Австралии, в гостях у брата. Сейчас, когда прошло много времени, я понимаю, что моя жизнь прошла странно: несколько имен, потерянные и найденные родственники, перевернутые судьбы...

РОМАШКИНА (Кириллова) Тамара Сергеевна

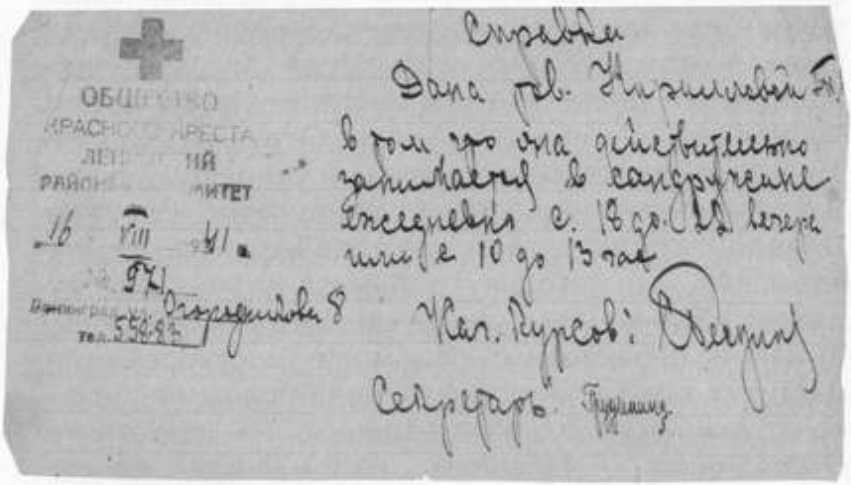
26.03.1923 г.р.

В период Ленинградской блокады и в годы войны мое поведение и поступки были типичными для моих сверстниц, на долю которых выпали тяжелейшие испытания и лишения. Родилась и жила я в Ленинграде. Перед самой войной закончила десятый класс. Это было 22 июня 1941 года, воскресенье, хороший солнечный день. Я с подругами собиралась ехать за город. Вдруг из репродукторов стали передавать страшное известие: "... сегодня, в 4 часа утра..." и так далее... Это война! Сердце как будто оборвалось, дыхание перехватило. И вместо поступления в институт я со своими одногодками пошла на курсы сандружинниц, располагавшиеся на проспекте Огородников. Мальчики из нашего класса

добровольцами пошли на фронт. Страна была в опасности, каждый гражданин, каждая гражданка, старики, дети - все пошли выполнять свой священный долг. Учились на курсах под бомбежками, часто занятия прерывались из-за артобстрелов.

Первый крупный авианалет на Ленинград произошел в начале сентября 1941 года. Целью фашистов стали продовольственные Бадаевские склады. Я жила неподалеку и несколько дней наблюдала, как над городом стелился зловещий черный дым, воздух был пропитан запахом горелых продуктов, перемешанным с запахом пороха и дыма горящих домов.

С каждым днем питание становилось все хуже, нормы выдачи хлеба дошли до 125 граммов в сутки. Хлеб был с большими добавками, муки в нем было очень мало. Постоянное ощущение голода изматывало, нестерпимо хотелось есть. Булочную открывали в пять часов утра. Самая близкая находилась на углу Обводного канала и Международного проспекта, ныне Московского. Отчим был на фронте, я жила с бабушкой, мамой и двумя братьями двенадцати и пяти лет. Жили мы на четвертом этаже. На лестнице освещения не было.



Однажды, отправляясь в булочную, я обо что-то споткнулась и упала. Зажгла спичку и увидела, что лежу на трупе, который жильцы вытащили из квартиры и оставили на лестничной площадке. Похоронить его сил уже не оставалось. По дороге наткнулась на труп женщины, которая, видимо, тоже шла в булочную, но так и не дошла. На Клинском рынке, напротив 5-й Красноармейской улицы, покупали по сорок рублей плитки столярного клея. Дома размачивали его в принесенном со двора снеге, варили, добавляя

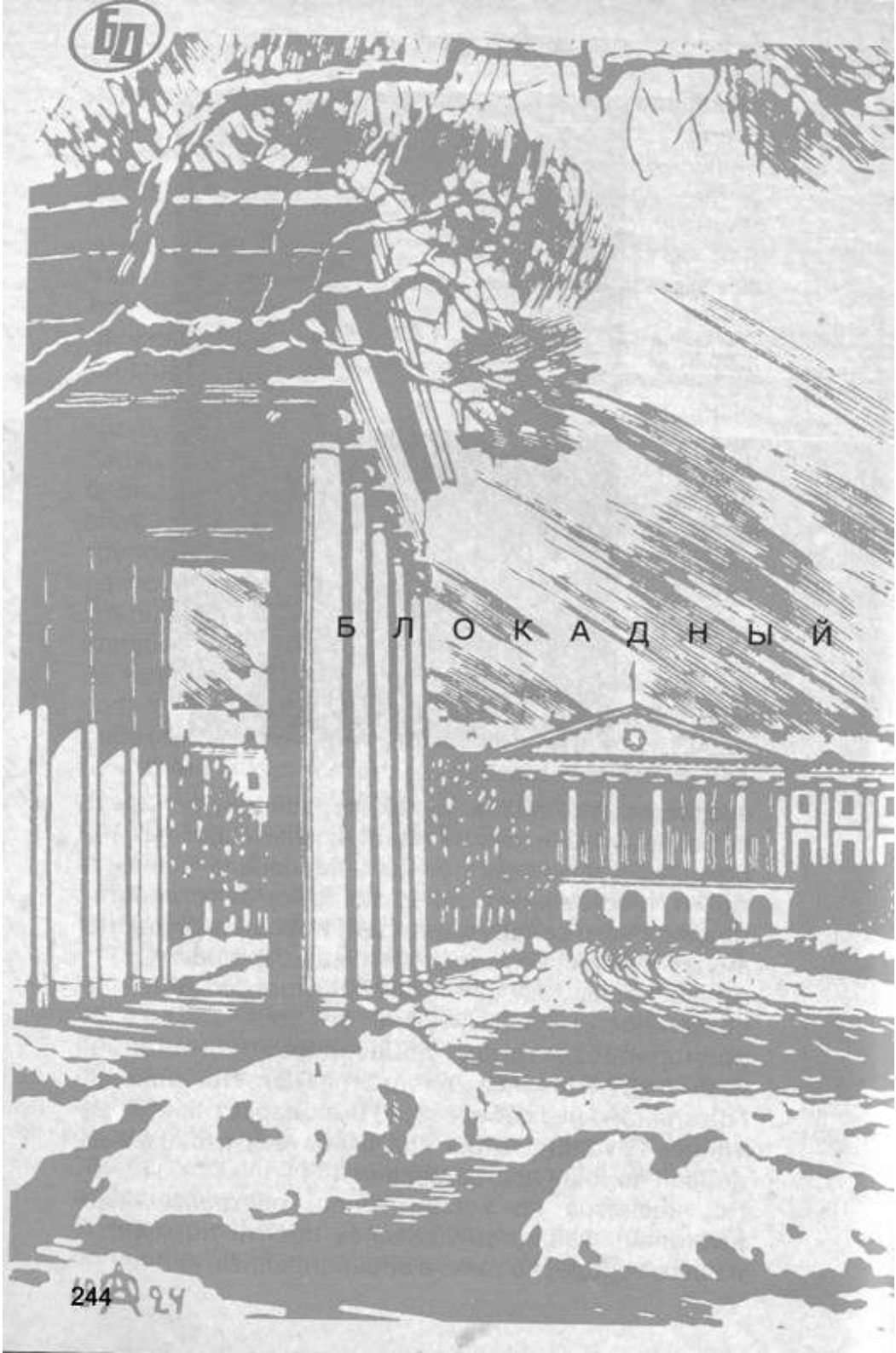
туда оставшийся с довоенных времен лавровый лист и перец, чтобы хоть немного убрать неприятный запах, и ели. Покупали на рынке котлеты из собаки, горчичную дуранду, чай с глицерином. Все двери в туалеты работники домоуправления заколотили досками, так как канализация не работала. Нечистоты выбрасывали во двор, порой прямо из форточки. С этих же дворов потом брали снег для приготовления пищи. Боялись весенней оттепели, которая могла повлечь за собой еще одну беду - инфекционные заболевания. От голода в нашей семье умерли бабушка, старший брат и еще пять двоюродных братьев и сестер. Где их могилы, я до сих пор не знаю. В каждом районе были пункты по сбору трупов. Я жила в Ленинском районе, наш пункт располагался на Лермонтовском проспекте, оттуда трупы увозили, вероятно, на Пискаревское кладбище.

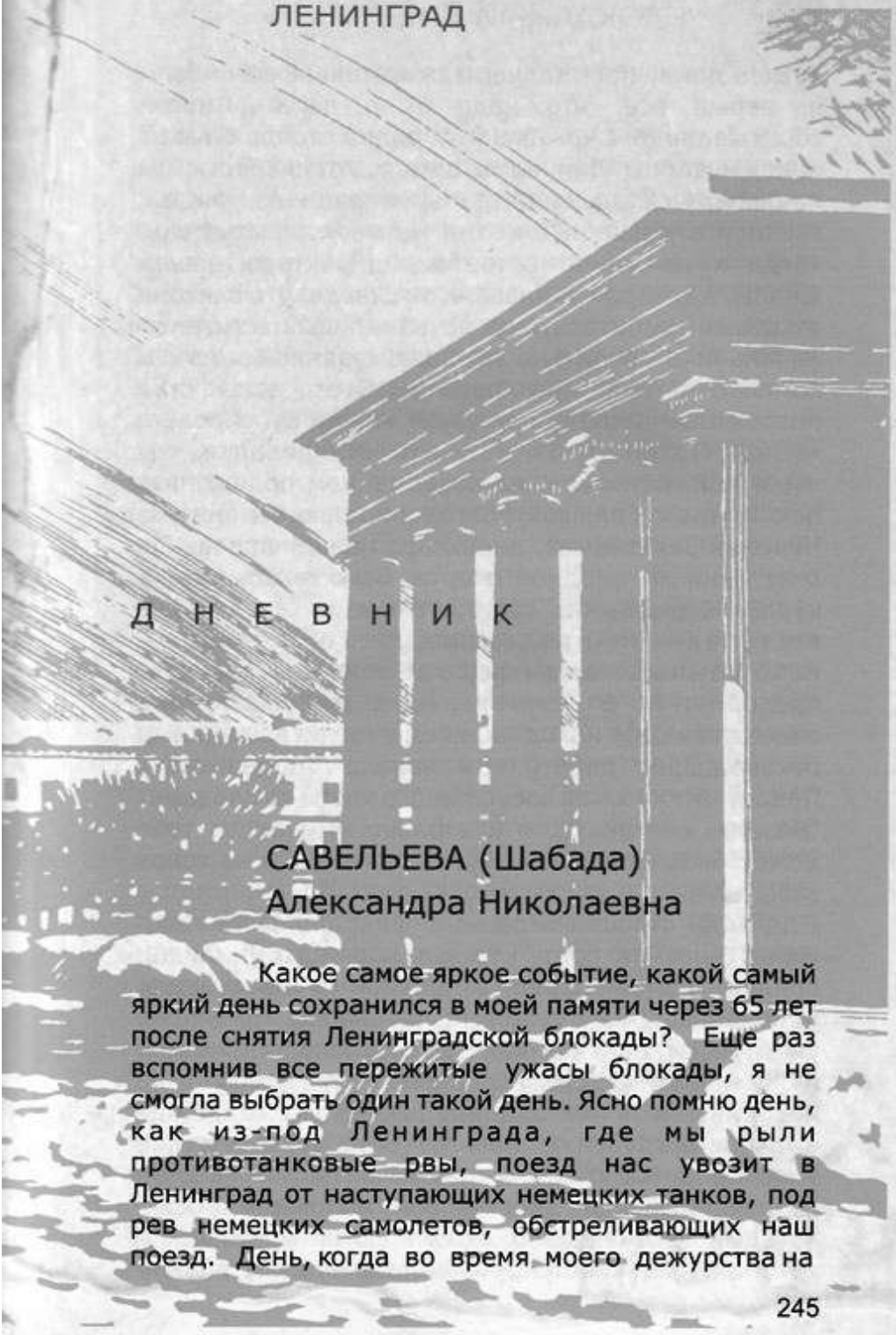
Ежедневная учеба на курсах сандружинниц у нас совмещалась с медицинской практикой. Мы работали в больницах и госпиталях. После бомбежек и артобстрелов персонал работал без передышки, принимая и делая первичную обработку раненым бойцам, гражданскому населению. Мы переносили раненых, мыли их, перевязывали, делали уколы от столбняка. Мне приходилось работать в больнице "В память 25-летия Октября", бывшая Александровская, в госпитале на Фонтанке, бывшая Чудновская больница. Помню первое присутствие на операции. Солдату, немногим старше меня, должны были ампутировать правую ногу. Мы с девчонками предложили донести его на носилках до операционной. Солдат посмотрел на нас и сказал: "Вы бы себя донесли", - и сам, на костылях, пошел в операционную.

В операционной было холодно, как и во всей больнице. Электричества тоже не было. Я во время

Кириллова Тамара Сергеевна. Ленинград

операции держала в руках керосиновую лампу. Когда надрезали мягкие ткани, из раны шел пар.
Большая часть медицинского персонала ушла на фронт, а оставшиеся сбивались с ног от усталости. Позднее нам, сандружинницам, доводилось делать внутримышечные уколы, раздавать лекарства.
Артобстрелы и авианалеты превратились в обыденность, каждый день по 15 - 17 раз из радиорепродукторов доносилось: "Внимание! Внимание! Начался обстрел такого-то района! Гражданам не собираться в подворотнях и на улице. Группам МПВО подготовиться к оказанию первой помощи пострадавшим".
Но, несмотря на холод, голод, обстрелы - мы выстояли! Фашистам довелось пройти по улицам нашего города, но только военнопленными.


БД
БЛОКАДНЫЙ



Д Н Е В Н И К

САВЕЛЬЕВА (Шабада) Александра Николаевна

Какое самое яркое событие, какой самый яркий день сохранился в моей памяти через 65 лет после снятия Ленинградской блокады? Еще раз вспомнив все пережитые ужасы блокады, я не смогла выбрать один такой день. Ясно помню день, как из-под Ленинграда, где мы рыли противотанковые рвы, поезд нас увозит в Ленинград от наступающих немецких танков, под рев немецких самолетов, обстреливающих наш поезд. День, когда во время моего дежурства на

крыше дома, посыпались зажигательные бомбы и я, забыв все, что надо было делать, ногой сбрасывала их с крыши, хотя рядом стояла бочка с водой и щипцы. Дни, когда шатаясь от слабости, мы на фанеру складывали трупы умерших на улице и свозили в указанные места. Не могу забыть день, когда я на улице встретила директора нашей школы, в которой училась, и он сказал, что в школе открылся госпиталь, его назначили заместителем начальника госпиталя по хозяйственной части и пригласил меня на работу. Этот день стал поворотным в моей блокадной жизни. Он спас мне жизнь. Госпиталь хоть как-то отапливался, мы жили при госпитале, на казарменном положении. Всю жизнь с большой благодарностью вспоминаю Николая Захаровича, директора нашей школы. Он спас меня от голодной смерти. Вскоре я окончила курсы медицинских сестер. Вначале в госпиталь поступали пострадавшие от обстрелов и истощенные видные работники города, предприятий. В одно из моих дежурств меня подозвал к себе находившийся в госпитале один из руководящих работников завода "Большевик". Подает мне кусочек засушенного хлеба со словами: "Возьми, сестричка, я все равно умираю, а тебе может быть поможет выжить". Разве можно такое забыть?

Еще один страшный день: 1 февраля 1942 года. Мой 16-летний брат, курсант военного училища, пришел домой перед отправкой в эвакуацию, истощенный, как старик с палочкой. Ночью он умер, мы с папой кое-как сколотили ящик. С мамой и с помощью соседей (папа уже не мог ходить), на находившемся неподалеку Невском кладбище вырыли неглубокую могилу. В наше отсутствие умер папа. Мы с мамой положили папу и Мишу в сколоченный ящик вместе, сбоку положили соседа, который уже неделю лежал дома мертвым, и закопали. Так хочется, чтобы нашим детям, внукам

и правнукам никогда не пришлось пережить то, что пережили мы.

А еще неизгладимую память оставили у меня крысы. После того, как сожгли Бадаевские склады с зерном, да и множество трупов людей на улицах и в подъездах домов, по улицам ходили полчища крыс. Приемный покой госпиталя (он уже был военным) размещался через стенку от кухни. По ночам там хозяйничали крысы. Что они только не выделывали с кастрюлями и посудой! Во время дежурства в приемном покое только и были слышны грохот и перекат кухонной утвари. А дежурили мы с палкой в руках для разгона крыс. О поступлении раненых обычно предупреждали по телефону. Но часто на попутных машинах раненых привозили прямо с фронта, особенно когда бои шли у Пулковских высот. Госпиталь был сравнительно недалеко, в Невском районе, у Володарского моста. В госпитале не было морга, всех умерших за сутки сносили в бывшую раздевалку школы, которая находилась рядом с приемным покоем. Так там тоже по ночам хозяйничали крысы, обгрызали уши, пальцы ног, рук. Каждое утро приезжала машина, забирала трупы и увозила на Пискаревку. В 1943 году крыс уже не было, постепенно они все исчезли. До сих пор без содрогания не могу вспоминать об этих тварях. Хотя, они ведь тоже спасали себя от голода. В жизни все проходит. Через 900 тяжелых дней была снята блокада, закончилась война. Каким незабываемым был день окончания войны! Как обнимались, целовались на улицах все - и знакомые, и незнакомые, взрослые и дети. И еще один день. День возвращения нашей армии в Ленинград из Германии. Ни одного человека, который мог бы как-то передвигаться, нельзя было в этот день удержать дома. Сколько было радости, ликования!

А вечером, за столом у врача госпиталя, которую я считаю своей учительницей, ее родственник,

капитан по званию, в этот день вернувшийся из Германии, подарил мне швейцарские часики - первые в моей жизни, как награда за все пережитое.
Вечная память, вечная слава всем погибшим в блокаду. Люди - берегите мир!

СИЛБЕРГ Борис

27.09.1930 г. - 2003 г.

У меня был молочный брат Аркадий, мы родились с ним в один день. У мамы Аркадия не было молока, и моя мама кормила нас двоих. Мы жили на улице Лоцманке в 6 доме, в квартирах 26 и 28. С Аркадием мы учились в одной школе и в одном классе, вместе проводили дни. Родители хотели нас эвакуировать вместе со школой, но в последний момент мой отец передумал, сказал, что лучше держаться вместе. Мама Аркадия слегла, всю работу по дому он стал выполнять сам, ходил за водой, за хлебом. Однажды Аркадий, по обыкновению, зашел к нам. Сказал, что потерял или украли хлебные карточки. Моя мама подсушила на печке немного хлеба, дала кипятка. Аркадий ушел домой, пообещав утром зайти. На следующий день мы с мамой долго его ждали, а потом я сам пошел к нему. Войдя в квартиру, я увидел, что Аркадий и его мама спят закутанные, а банка с водой лопнула. Подойдя к ним, я увидел, что они оба умерли. Моя мама отправила меня на речку Пряжку за водой, чтобы я не видел, как их увозят. Это была моя первая большая потеря. Потом умерли мои мама и отец. В 13 лет я остался один. Мне помогли устроиться на работу в парикмахерскую. Я стал получать рабочую карточку, жил дома один. В июне 1943 года к нам приехал родственник, он хотел навестить моих родителей, но их уже не было.

Родственник забрал меня с собой в батальон аэродромного обслуживания. Так я стал сыном полка.
Войну я закончил в Эстонии в Клога, где находился лагерь смерти. Награжден медалью "За оборону Ленинграда".

Тамара Иванова, 17 лет 1947 г. Ленинград

СМИРНОВА (Иванова) Тамара Павловна

07.07.1930 г.р.

Было воскресенье, теплый июньский день, когда страшное слово "Война!" ворвалось в каждую семью. В нашем доме было много детей

Иванова Тамара
(1 ряд, вторая слева)
1944 г.

разного возраста. Игры сразу прекратились. Начались бомбежки, обстрелы, появились убитые и раненые, полыхали пожарами дома и Бадаевские склады. Спешно полосками бумаги крест-накрест заклеивались оконные стекла.

Нас, детей, запрятали в бомбоубежища, мы там так и жили, спали, учились. Выходить на улицу было опасно, обстрелы не прекращались ни днем, ни ночью.

Папа в июле был призван в армию, старшая сестра Клава добровольцем тоже отправилась на фронт, ей было всего 17 лет. Дома остались мама и мы, четверо детей. Осенью мы покинули бомбоубежище и перебрались в дом. Тяжелые лето и осень сменила холодная и голодная блокадная зима. Враг стоял совсем близко, в двух остановках от нашего дома. Мы, дети 11, 7 и 4 лет, лежали в постели, не

вставая, медленно умирали. Ходячими были мама и 15-летняя сестра Мария. Воды не было. Пили талый снег. Стакан талого снега, 125 граммов хлеба с солью - вот и все наше дневное питание.

Самым тяжелым был февраль 1942 года. Погиб на фронте отец. Потом умер 7-летний братик Иванушка, три очень близких родственника, соседка по квартире... Мама с сестрой зашивали трупы умерших в простыни и куда-то увозили. Мы с четырехлетним братиком оставались в квартире одни. Было страшно, темно, не прекращались обстрелы и очень пугало, что мама с сестрой могут не вернуться. Но они возвращались, хоть и очень поздно. Молча. Слез не было. А рано утром снова уходили занимать очереди в ожидании каких-нибудь продуктов.

Каким-то чудом мы все-таки дожили до весны. Радовались теплу, первой весенней траве, из которой мама что-то пекла и варила, стараясь подкормить нас. Но даже, несмотря на увеличение хлебного пайка, мы с братом так и не смогли встать с постели. Опухшие, дистрофики, мы были обречены. Мама очень не хотела покидать Ленинград, ведь постепенно жизнь налаживалась, а уезжать в неизвестность было страшно, да еще постоянно бомбили дороги. Но в августе к нашему дому подъехала машина, из нее вышли девушки-дружинницы. Они помогли маме собрать вещи и документы, вынесли нас с братом на руках к машине и повезли на вокзал. На поезде мы доехали до Ладоги, потом на катерах нас перевезли на другой берег, к Большой земле. Всю дорогу нас жутко бомбили, на наших глазах катера уходили под воду. Не помню, как мы уцелели и добрались до берега. Там нас встречали врачи, осматривали, оказывали необходимую помощь, кормили. Затем нас посадили в вагоны-теплушки и мы продолжили свое путешествие. Ехали мы в Алтайский край, но через месяц пути нашу семью сняли с поезда в

Сибири на станции Колония. Мама умирала от дистрофии, а братик заболел менингитом. Их сразу увезли в больницу, а меня с сестрой Марией увезли в какую-то глухую деревню и определили на жительство в одну семью. Мария работала в колхозе от зари до зари, а я все ждала маму. Когда мама с братом, наконец, приехали из больницы, вся деревня - одни женщины и дети - собрались смотреть на нашу встречу. Было пролито много слез, но это были слезы радости, ведь мы собрались вместе, живые. Но это длилось не долго. Осенью Марию забрали в трудовую армию в Архангельск, на строительство железной дороги. Она худенькая, 16 лет всего... Нас осталось трое. Мама работала на любой работе, какая только подворачивалась. Жизнь была тяжелой, суровый климат Сибири был для нас тяжек, теплой одежды не было. Продуктов тоже не хватало. Постоянным было желание поскорее вернуться в Ленинград, но без вызова это сделать было нельзя. Мама писала письма на имя Молотова, просила разрешения вернуться. Не сразу ,но чудо произошло, мы получили вызов, и в августе 1944 года вернулись в Ленинград. Город встретил нас руинами и разрухой. В наш дом попал снаряд, жить нам было негде. Два года мы ютились в общежитии, потом в коммуналке, и только через 12 лет получили квартиру на проспекте Стачек, 55.

Блокадные и фронтовые лишения очень скоро вновь коснулись нашей семьи. В один год, молодыми, ушли из жизни сестры Мария и Клавдия, через два года умер младший брат Анатолий. Теперь в Ленинграде четыре дорогих мне могилы, а еще одна, папина, неизвестно где...

Мы выжили, выстояли. Спасли нас смелые и красивые люди - наши родители, братья и сестры. Наш Ленинград-Санкт-Петербург стал еще краше, навсегда он для нас самый лучший и самый любимый город! С нами осталась наша память и вера, что больше никогда не произойдет такой беды.

СОЛДАТОВА (Стекольникова) Антонина Николаевна

28.12.1937 г.р.

До войны наша семья жила в Красном Селе и, буквально, за несколько дней немцы подошли к Красному Селу. Папу в армию не взяли, ему было 42 года, четверо детей и работал он в метрострое. Его оставили на оборонных работах. Поезда не ходили, и мама со мной и сестрой, ей было 12 лет, пешком шла по рельсам до границы города, а в Ленинграде трамваи еще ходили. Нас взял к себе мамин брат, у него была большая комната на Большой Пушкарской, 28. Квартира была коммунальная, проживали в ней семь семей. И сегодня я буду писать и рассказывать со слов моей мамы, сестры и родственников, которые жили в блокадном Ленинграде. Да и в моей памяти кое-что сохранилось, несмотря на то, что я была маленькой девочкой.

Бомбежки были ежедневно, все дома стояли с заклеенными окнами, белые полоски бумаги, крест-накрест. Но трамваи еще ходили, работала и наша баня на Пушкарской. И большие круглые часы ходили, они висели на углу дома (они и после войны висели там несколько десятилетий). Мы с сестрой ходили гулять в садик, а в магазинах еще были кое-какие продукты. Но наши совсем близко подошли к городу, начались перебои с хлебом, водой, электричеством. Над городом висели дирижабли, как большие лодки, и качались, я все время спрашивала маму - что это? Во время очередной бомбежки снаряды угодили в Бадаевские продовольственные склады. Сгорели все запасы продуктов, над городом стоял столб дыма и хлебного запаха. Люди собирали угли от

сгоревшего зерна, спасая себя от голода.
На улицу мы выходили все реже, не было сил. Помню: началась бомбежка, мы шли с мамой по Большому проспекту, там была поленница дров, мы спрятались между ними. Мама присела, а я спрятала свою голову в ее колени, и мама сказала: "Вот, Тонечка, голова боится, а твоя попка нет, пускай ее бомбят".
В бомбоубежище мы не ходили, у нас в квартире была глухая стена. Я брала своего медвежонка-муфту, маленькую скамеечку и выходила из комнаты, садилась возле этой стены. Рядом всегда сидела очень старая интеллигентная учительница Елизавета Петровна, в бархатном пальто и шапочке. На стене в комнате висела большая черная тарелка и из нее доносились удары, а потом голос говорил: "Граждане, воздушная тревога!". Я с ужасом глядела на эту тарелку и плакала. В комнате было темно, холодно и пусто, в середине комнаты стояла железная печурка. В ней жгли все,

что могло гореть и что еще можно было сжигать. Я уже не ходила, сидела на диване, укутанная в тряпки. Волосы мне мама состригла, чтобы не завелись вши от голода и холода, и только торчали на голове два хохолка. Сидя на диване, я раскачивалась из стороны в сторону и только просила: Хлеба!... Хлеба!...

Моей сестре Лиде было 12 лет, она еще ходила за хлебом, который давали по карточкам, и за водой с бидончиком к Кировскому мосту, через Ситный рынок. Там все было залито водой и покрыто льдом, морозы стояли сильные. Люди падали, не могли подняться и умирали, а утром подъезжали машины и грузили трупы, как дрова. Мама не ходила, руки и ноги у нее были как бревна, у нее началась водянка. Согревали воду и пили ее теплой, хлеб делили на маленькие кусочки. Сестра давала мне шарик из хлеба и говорила: соси, как сосочку, на дольше хватит... Я очень благодарна своей сестре Лидочке, она носила хлеб и ни разу не откусила ни

крошки, хотя была голодная, да и в 12 лет сама была еще ребенком. За водой на Неву ходить перестали, собирали снег и растапливали его на печурке.

В соседней комнате жила женщина, она была одинока. Звали ее Лилей. За хлебом и хлебной карточкой она не ходила, закрылась в своей комнате и громко смеялась, плакала, гремела пустой посудой. Когда она умерла, пришли люди и вынесли труп из комнаты. В комнате оставалась кое-какая мебель, соседи поделили ее на дрова.

А я все просила и просила хлеба. Мама пугала меня, обещала, если я не успокоюсь, то зашьет меня в простыню и вынесет на улицу. Тогда я замолкала или кричала в ответ, что все умрут, а я буду жить! Закутывалась с головой в одеяло и ложилась в кровать.

Умер папа. Мама зашила его в простыню и на саночках отвезла на Серафимовское кладбище.

По весне птички заглядывали к нам в окна, немного прибавилось хлеба. Но улицы были пустынны, жизни не было, но и бомбежки стали реже. В квартире остались три семьи, остальных всех похоронили. Стали создавать списки для эвакуации. Мама тоже подала заявку. В марте нас привезли на берег Ладожского озера. Снег был черный и рыхлый. Когда садились в машины, мама попросила, чтобы нас посадили в машину, которая отойдет первой. Сестра сидела на корточках, мама толстая, как "тумба", и я у нее на руках. Нас посадили на машину и повезли. Прошло несколько машин, а остальные провалились под воду - не выдержал лед. Привезли на берег, где стояла большая церковь. Я очень хотела бы знать это место, но мама и сестра давно умерли, а сама я не могу вспомнить, да и маленькая была тогда. Разместили всех в церкви, дали хороший продуктовый паек - шоколад, печенье, говорили, что это помощь наших союзников. Я очень хорошо

помню одну вещь, которую носила и после окончания войны. Это был бежевый капюшон, тогда его называли башлык. И куклу гуттаперчевую помню. Когда выдали паек, люди жадно набросились на еду, совершенно не думая о последствиях. Мама давала нам с сестрой еды понемножку. Мы просили больше, плакали, но мама говорила, что больше нельзя, опасно. А наутро вокруг были трупы, люди бежали в лесок - у них открылся кровавый понос и рвота. Погибло очень много людей.

Через сутки подали состав и мы поехали в Вологодскую область к бабушке. Пока шли к вагону (мама несла меня на руках), у меня с ноги потерялся валенок, а у сестры какой-то мальчишка вырвал из рук корзиночку с продуктами. До Вологды мы ехали очень долго, всю дорогу голодали. В Ленинград мы вернулись после блокады, и это тоже была нелегкая жизнь. Мама и четверо детей: я, сестра Лидочка, два моих брата, один из них, Виктор, в 17 лет добровольцем ушел на фронт и вернулся инвалидом, потерял слух и голос. Я закончила школу, медицинское училище, вышла замуж за офицера.

Сопова Евгения Ильинична

СОПОВА (Быстрова) Евгения Ильинична

29.05.1923 г.р.

Не помнить о пережитом нельзя. До войны я работала в Ленинградском Морском торговом порту в группе оформления, счетчиком на пароходах. 22 июня 1941 года, в воскресенье, я была на работе. Было тихо, пароходы, которые накануне загрузили зерном, ушли по назначению, увезли наше продовольствие. В 11 часов дня по радио объявили о начале войны. Сразу с работы был мобилизован наш заместитель начальника

Барабашов Михаил, ему было около тридцати лет. После работы я поехала в Рыбацкое к двоюродному брату Алексею, а там уже провожали мужчин в армию. Все плакали. У Алексея было четверо маленьких детей. Нас, молодых девчат, сразу взяли на казарменное положение при Красном Кресте Торгового порта. Поселили в Клубе моряков, недалеко от порта. Выдали железные кровати и матрацы, подушки, одеяла. Ускоренным курсом обучили оказывать первую помощь раненым, обучали военному делу. Мы учились обращаться с оружием, разбирать и собирать винтовку и автомат, ездили на Кировский остров, где мы учились стрелять, ползать по-пластунски, другим военным премудростям. 1 июля нам выдали обмундирование и зачислили в кадровую дружину Ленинграда.

Нашим командиром была Урбанюк Мария Григорьевна, она же была и председателем Красного Креста. Было ей тридцать пять лет, строгая, но добрая и справедливая женщина. Началась наша страшная военная жизнь. Бомбили день и ночь, всюду раненые. Мы, дружинницы (звенья были по пять человек), с санитарными сумками через плечо и с носилками, выполняли свои обязанности, оказывали помощь раненым, разбирали завалы после бомбежек.

В порт приходили суда, привозили раненых из Ораниенбаума, Гогланда. Перевязочного материала не хватало. Мария Григорьевна Урбанюк доставала марлю, мы резали ее на бинты. Развозили раненых на грузовых машинах по городским госпиталям, сами разгружали и на носилках разносили их по этажам, а уже начинался голод, поэтому даже на второй этаж перенести раненого было очень тяжело, а нам приходилось подниматься и на третий, и на четвертый этажи.

Из вигоневых ниток вязали для фронта носки и рукавицы, шили кисеты для табака. На фронт мы отправляли много посылок. Когда загорелись

Бадаевские склады, нам сказали, что это выставили над городом дымовую завесу. Почти одновременно с Бадаевскими складами немцы разбомбили продовольственные склады в Торговом порту. Продовольственные запасы в городе были уничтожены. Из портовой столовой нам выдавали на дружину ведро баланды и по 125 граммов хлеба. Баланда - мутная бурда - добросовестно делилась между всеми членами дружины, чтобы доставалось всем поровну. В сентябре 1941 года по заданию нашего командования мы отправились на передовую. Там мне выдали пять пар брезентовых сапог и пять теплых шапок. Кругом стреляли, свистели пули, мне было очень страшно, но я была рада, что выполнила задание и получила подарки для своей дружины. В ноябре с сандружинницами мы ходили на капустное поле за проспект Стачек в районе Кировского завода, но там уже ничего не было, ленинградцы собрали все до последнего листика. Было очень холодно, кругом стреляли, рвались снаряды. От обстрела мы спрятались в районе клуба Газа. Голодные и холодные, мы еле-еле добрались до дома и получили выговор за самоволку. Очень хотелось спать, но не пришлось. Бомба попала в хлебный магазин, мы с носилками бросились оказывать помощь. Крики, стоны, все в крови.

Наш клуб моряков обстреливали день и ночь, он находился рядом с портом, вот и доставалось нам за это соседство. Стекла все были выбиты, вместо них картон или фанера. От маленькой печки-буржуйки в окно была выведена труба. На дрова ломали заборы, в ход шла каждая щепка. Каждый в свое дежурство знал свои обязанности: дежурили на крышах, боролись с зажигательными бомбами, ходили на пароходы читать лекции и обучали оказывать первую помощь. Никто не жаловался на трудности. Было дано очень строгое указание собирать сброшенные с самолетов или

подброшенные предателями листовки, но не читать их, а срочно передавать начальству. Однажды я попала под бомбежку у завода Литер "В". Спас меня капитан катера "Охотник 316" Житенев Александр Иванович. Бомбили как раз этот завод. Было очень страшно. Я несколько раз оказывалась под такими обстрелами, когда некуда было укрыться, прижаться к чему-нибудь, вокруг открытое пространство. В один из таких обстрелов от осколочного ранения погибла сандружинница Катя, которая вместе со старшей сестрой Аней была с нами. Катя погибла, а меня оглушило.

В марте 1942 года меня отпустили домой в свое общежитие на проспекте Огородникова, дом 37, ком. 3, одноэтажный деревянный дом. Там было пять таких бараков портового общежития. Увидела страшную картину: в первой комнате горой лежали трупы, все двери были открыты, но не было видно ни одного человека. Я пошла к коменданту, он стал успокаивать меня и сказал, что надо срочно убрать трупы и вычистить туалеты. Назначили день. В дружине меня отпустили на уборку дома. Кто остался в живых, все вышли помогать. Убирали несколько дней. Долбили, рубили, копали, грузили трупы на грузовые машины. Убрали все, но страшно было видеть, какие люди работали: черно-синие опухшие лица, изможденные, худые, завернутые в ворохи тряпья, чтобы сохранить тепло. Еле шевелились, едва передвигали ноги, безмолвно, но все привели в порядок.

В порту тоже лежали трупы, штабелями под навесами. Дружинниц отправляли помогать грузить трупы на грузовые машины и вывозить их на кладбища. Весной 1942 года город был приведен в порядок. Была увеличена продуктовая норма, прибавили хлеба. А у меня случилась беда - украли продуктовые карточки и паспорт. Паспорт потом нашли, его подбросили за круглую печку, а вот карточки пропали бесследно. Наступала смерть.

Спасла наша дорогая Мария Григорьевна. Она велела мне взять топор, рубить забор на дрова и везти их на базар. Мне помогала Лида Штейн, наша дружинница. Навязали пять вязанок и отправились на Сенной рынок. Наши дрова раскупили быстро. Мы купили плитку столярного клея и 400 граммов хлеба. Ели противный холодец из клея, а работать надо было каждый день. Я была командиром звена, но сил уже не было, а надо поднимать носилки с ранеными. Опять выручила Мария Григорьевна, она через политотдел устроила меня по путевке на стационарное лечение на пароход "Андрей Жданов". Там за десять дней я немного окрепла.

Из Ленинграда я была эвакуирована 28 июля 1942 года на катере через Ладожское озеро. На наших глазах был расстрелян и затонул катер. Мы успели причалить на Большую землю. Началась другая, не менее тяжелая жизнь.

СССР
Министерство морского флота
ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
МОРСКОЙ
ТОРГОВЫЙ ПОРТ

Телефон 231-40-36

08.04.85 № 471 арх.

СПРАВКА

Дана архивом Ленинградского морского торгового порта в том, что гр. Робинтрова Евгения Ильинична

года рождения 1923 уроженке

состоит на службе в Ленинградском морском торговом порту

с "14" августа 1940

магазинер

по 30 июня 1942

Уволен По эвакуации

Основание: Отдел кадров по требованию

Книга на уволен. и увольн. №14 Лист

Начальник отдела кадров порта Сав-1 БЕЗОВ Н. Ф.

Заведующий архивом порта РОДИОНОВА В. Н.

Почти месяц, под бомбежками, в товарных вагонах, не мытые, вшивые, добирались мы до мест своего назначения. В конце августа я приехала в Калининскую область, к маме. Сразу встала на учет в сельсовете, а через десять дней получила повестку явиться в райвоенкомат. В армию призывали девушек 1923-24 годов рождения. Я была еще совсем слабая. Мама запрягла в телегу лошадь и повезла меня в военкомат за 18 километров от дома. Там на меня посмотрели, поговорили между собой, а потом зачитали приказ: оставить меня дома до особого распоряжения. Оставили еще двух девочек: одну по болезни, другую по семейным обстоятельствам, а остальных взяли в армию.

ЩЕГЛОВА (Демушкина) Леонтина Андреевна

29.12.1932 г.р.

"Дорога Жизни - единственная военно-стратегическая транспортная магистраль через Ладожское озеро, связывавшая с сентября 1941 по март 1943 года блокированный немецко-фашистскими войсками Ленинград с тыловыми районами страны во время Великой Отечественной войны 1941 - 1945 г.г.".

Когда меня в Таллинском обществе Ленинградских блокадников попросили написать свои воспоминания о Дороге Жизни (в Эстонии я осталась последней, кто непосредственно обслуживал ее и обеспечивал переправу), я с легкостью согласилась. Не думала, что так трудно дадутся мне эти воспоминания. Не буду писать о тех ужасах, которые пришлось видеть за время моего пребывания на Дороге Жизни, но кое о чем умолчать невозможно.

Демушкина
Леонтина
(в центре)
слева в фуражках -
папа и брат Леонид,
справа - механик
с "Соколенка"
с сыном. 1940 г.

Прежде всего о том, как я оказалась на Ладоге. Родилась я в Лодейном Поле Ленинградской области. Война застала меня с братом и бабушкой в поместье Гнильно около большой нефтебазы, на которой заправлялись все пароходы, идущие по реке Свирь. У нас был большой дом и хозяйство, которое вела бабушка. Папа работал на пароходе, который выполнял рейсы по реке Свирь между Онежским и Ладожским озерами. Маму в 1937 году посадили в тюрьму на восемь лет, как политическую.

В июне 11941 года папа заехал за нами, и мы стали жить на пароходе "Соколенок", папа на нем был капитаном. В сентябре "Соколенок" был направлен на Ладожское озеро, заправлял топливом военные корабли.

На пароходе нас было четверо: папа, бабушка, восьмилетний брат и я. Папа в рубке, бабушка в машине, а мы с братом, привязанные, чтобы не упасть в озеро, на швартовке. Я не помню ни голода, ни холода, но отлично помню, как мы с братом гордились, что выполняем взрослую работу, особенно когда фашисты стали бомбить Дорогу Жизни, а мы вылавливали тонущих живых людей, которых переправляли на Большую землю из блокадного города.

Папино начальство располагалось на Ново-Ладожской пристани, он ходил туда по делам службы. Я тайком бегала за папой, боялась, что его убьют. Пробегая по набережной в Новой Ладоге, я видела довоенную булочную, на которой был нарисован большой батон. Я мечтала, что когда кончится война и в магазинах хлеб будут продавать сколько угодно и без карточек, буду сразу покупать и съедать по целому батону. У меня в голове не укладывалось, что наступит время, когда в столовых на столах будут лежать и хлеб, и булка в неограниченном количестве, ешь, сколько сможешь, а ведь это случилось очень скоро после

войны...

Однажды я бежала за папой по набережной, вдоль которой располагалось бомбоубежище. Началась бомбежка, четыре бомбы попали в бомбоубежище. Мы с папой не успели спрятаться, стояли под стеной дома. На нас сыпались руки, ноги, головы, лились потоки крови. Мне до сих пор не избавиться от этого кошмара, от криков тонущих детей и взрослых, когда машины или подводы проваливались под лед в воронки от бомб. Человечество обязано сделать все, чтобы на земле прекратились войны!

Мой дед - Костин Егор Евстафьевич, дяди Василий Дементьевич и Михаил Дементьевич Демушкины похоронены на Пискаревском кладбище. Бабушка, Анна Федоровна Демушкина, умерла в эвакуации на Урале в 1944 году. Папа и мама умерли в 1993 году в Ленинграде. Похоронили мы их на родине в Лодейном Поле. Брат мой живет в Петербурге, работает на разводке мостов. Я закончила физико-технический факультет университета, работала на Байконуре, потом преподавала в 30-й и 33-й средних школах Таллина, в Мореходном училище. Дочери живут со своими семьями, одна в Америке, другая в Эстонии. Мой внук закончил Морскую Академию им. Макарова, судоводитель. Я живу одна, с кошечкой Аделиной. Мы много пережили, но испытания, выпавшие на долю нашего поколения, закалили нас, в своей трудной жизни мы многого достигли. Это наша благодарность всем тем, кто защитил и спас нас, дал возможность получить образование. Мы жили честно.

ТОВАЖНЯНСКАЯ (Федулова)
Нина Михайловна
18.06.1927 г.р.

Во время блокады в Екатерининском саду в Ленинграде были огороды, на которых выращивали овощи для жителей города и раненых бойцов в госпиталях.

В 1943 году мы восстанавливали асфальтовое покрытие, снятое, чтобы копать огороды. Стояла "драча" - сетка на раме, через которую очищали землю от корней и камней. Новую землю привезти было трудно, не было транспорта. Мы делали клумбы, сажали цветы и кустарники, собирали, где только могли, семена и рассаду. Я всегда радовалась, когда проходила мимо Екатерининского сада, он для меня родной, ведь я тоже приложила усилия, чтобы он был уютным и цветущим. За памятником - Пушкинский театр, здесь во время войны работал театр Музыкальной комедии, здание пострадало во время одного из обстрелов. Со всего города голодные и ослабленные люди пешком, как могли, добирались до театра, в зрительном зале сидели в пальто, шапках, валенках, а на сцене артисты были легко и нарядно одеты, играли так, как будто не было никакой войны. Как зрители переживали за них!

У меня была коллекция открыток артистов, занятых в тех военных спектаклях. В 1998 году эту коллекцию я передала в Музей театра, ее приняли с большой благодарностью.

Моя жизнь в блокадном городе складывалась по законам военного времени. Пока не закрылись школы, я училась в 309 средней школе, а в марте 1942 года поступила на курсы бухгалтеров и работала в Смольнинском отделении Коммунального банка. В 1943 году закончила курсы санинструкторов. В свободное от работы в банке время дежурила в госпитале, помогала принимать раненых. Особенно много их поступало с Невской Дубровки, изувеченных и обмороженных.

С 1937 по 1942 год наша семья жила на Коломенской улице, а когда там все замерзло и развалилось, мы перебрались на Социалистическую. В нашей семье были папа, мама, к нам перебрались бабушка и четырехлетняя племянница. Как каждую ленинградскую семью, нас не обошли горькие потери и утраты. Бабушка умерла в мае 1942 года.

Помню, в июле 1941 года в районе Мги у Мстинского моста, который находился рядом с глубоким оврагом, немцы выбросили десант. Нас, детей и женщин, бросили в лес на поиски. Мы шли цепочкой, не теряя друг друга из вида. Десант мы, конечно, не нашли, но зато нам дали по куску хлеба и на поезде отвезли в Ленинград.

Напротив Аничкова дворца стояло здание, его разбомбило, но сразу же пролом фасада был закрыт фанерными листами и закрашен, как настоящий, с колоннами и оконными проемами. Таким образом соблюдали маскировку. Все, кто мог сколько-нибудь передвигаться, работали: разбирали завалы, убирали улицы. Все часы работы заносились в специальную книжку.

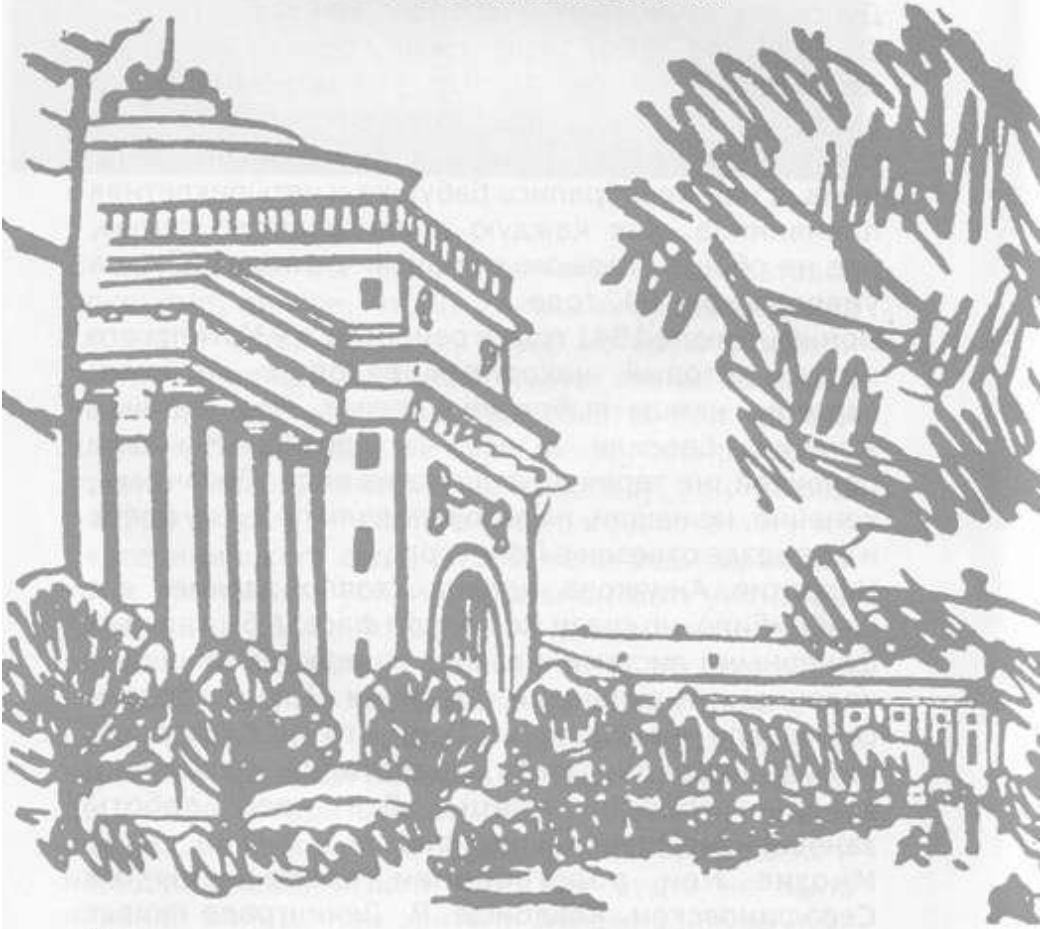
Многие мои родственники похоронены на Серафимовском кладбище. В Ленинграде живет

мой младший брат.

Я помню, что шла по Невскому проспекту, это было 27 января 1944 года, день моих именин. Вдруг взрывы. Первое впечатление - страх. Но небо озарилось разноцветными огнями, а воздух содрогнулся от криков "Ура!...". это закончилась страшная блокада. До сих пор не могу этот день вспоминать без слез. Столько пережито, столько близких осталось там...

Поэт Юрий Воронов написал такие строки:

...Нам кажется:
Когда гремит салют,
Погибшие блокадники встают...



ТРАКС (Суханова)
Тамара Геннадиевна

06.06.1937 г.р.

Мои мама и папа никогда не вспоминали и не рассказывали своим детям ни о войне, ни о блокаде, хотя всю войну папа служил в Ленинграде. Но в моей памяти остались эти страшные блокадные дни. Когда началась война, наша семья жила на Тарухтанных островах, дом 3, квартира 13, в доме, где жили семьи офицеров, в районе Морского порта. На другом берегу стояли немцы. Мы видели их. Когда бомбы падали в воду, на поверхности плавала оглушенная рыба. Дети собирали рыбу в ведра сачками для ловли бабочек. Чтобы сварить пойманную рыбу, женщины собирали прибитые волной к берегу доски.

Собирали разные травы, крапиву, лебеду. Из сосновых иголок заваривали чай. Это спасало от голода и цинги. Немцы в детей не стреляли. Однажды я упала в воду и стала тонуть. Меня спасли, но с тех пор я очень боюсь водоемов.

Осенью 1941 года немцы разбомбили воинскую часть, в которой служил папа. Погибли почти все девочки-зенитчицы. Об этом папа очень горевал. Мы чудом остались живы.

На 5-й Красноармейской улице нам выделили комнату в квартире, в которой жил юрист. Моя мама меня очень оберегала. Но однажды ей пришлось оставить меня одну в комнате, а самой отправиться на дежурство на крышу сбрасывать зажигательные бомбы. Мама строго наказала мне сидеть тихо и не отзываться на голос дяди юриста. Но он все-таки сумел выманить меня из моего убежища и привел в свою комнату. Когда я увидела на столе топор, то сразу вспомнила рассказы о том, что людей убивают, чтобы съесть, как съели тетю Лену, которая работала в офицерской столовой. Я в ужасе вырвалась и забилась под кровать соседа. Он не смог меня оттуда вытащить. Только услышав крики мамы и поняв, что хотят сломать дверь, я отозвалась и была спасена.

Наступила зима, было очень холодно и темно. Я все время просила кушать. Вскоре в наш дом попала бомба. Оставшихся в живых расселили в другие дома. Нам досталась большая комната, в которой была печка-буржуйка и много книг. Раньше в этой квартире жил какой-то ученый, но он умер и его отвезли на Пискаревку. Окна в комнате были заклеены полосками бумаги крест-накрест, а сверху еще был рулон черной бумаги для светомаскировки.

Маме надо было ходить на работу, а у меня болели ноги, я не могла ходить. Маме разрешили брать меня с собой. Она возила меня на санках. Очень хорошо помню, что Невский проспект был завален

трупами. Трамваи стояли под сугробами. Из некоторых сугробов торчали руки, ноги, головы... некоторые трупы были совсем голые. Я видела, как по Невскому проспекту ехал грузовик-полуторка, доверху наполненный трупами, а сверху лежала женщина с длинными волосами, которые жутко развевались на ветру. Я заплакала, так как подумала, что это баба-яга. Но мама мне все объяснила. Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами.

Соседка жаловалась маме, что в городе съели всех кошек и собак, что обнаглевшие крысы жрут трупы, что на Сенном рынке дорого продают котлеты из сладкого человеческого мяса...

Приехал домой очень усталый папа и рассказал, что на Пискаревском кладбище очень много работы. Замерзшую землю взрывают, в воронку забрасывают трупы и снова взрывают. А трупы все везут и везут. Дан приказ очистить город от трупов, поэтому все, кто мог ходить, обязаны помогать в уборке города. С наступлением весны боялись эпидемий. Уборка проходила следующим образом: во двор дома въезжал грузовик с солдатами. Солдаты в сопровождении домуправа входили в квартиры, собирали трупы, а некоторые выбрасывали прямо из окон. Я это сама видела.

Однажды мы с мамой возвращались домой с реки Невы, куда ходили за водой (в реку Мойку сбрасывали отходы, канализация не работала). Мама везла меня на санках, у меня в ногах стоял бидон с водой. Впереди нас шла женщина, она упала, просила о помощи, но никто не помог ей встать, боялись, что упадут сами. К женщине подошел мужичок и стал снимать с нее валенки...

Приехал с передовой папа и привез эвакуационные талоны на меня, маму и ее сестер Валентину и Антонину с детьми. 29 марта 1942 года мы под бомбежками пробирались через Ладожское озеро. На наших глазах под воду ушла машина с детьми из

Возвращение из эвакуации
на Мойку 40.
Третья слева Тамара Суханова
1945 год

СПРАВКА

Дана настоящая гражданину Сухановой
Тамаре Геннадьевне
в том, что он проживает по улице 1937 г.р.
Пушкинская ул. д.3 кв. 12
Была прописана
30 дек. 1941 г.р.
Эвакуирована 29.03.1942 г.
Выдана для представления
по требованию
Начальник жилищно-эксплуатационной конторы
Тип. ЛМП. Зак. 1524 Тир. 2000 29.07.88 г.
5.04.1989 г.

детского дома. Было очень страшно. Кабина была без дверей, колеса полностью в воде. Мы чудом уцелели, добрались до другого берега. Там нас накормили, посадили в эшелоны и повезли дальше. В вагонах, в которых раньше возили скот, были устроены нары. Возле дверей стояло ведро-туалет. Оправляясь, друг друга не стеснялись. Запах был ужасный. На остановках из вагонов выносили трупы. Много выпало испытаний на долю наших молодых мам в пути. Только к лету мы добрались до места назначения в город Барнаул.

Обратно в Ленинград мы вернулись в августе 1944 года. Была ночь, когда наш поезд прибыл на Московский вокзал. Нас встречали папа и дядя Сережа. По темному Невскому проспекту ехали на грузовике в нашу новую квартиру на Набережной реки Мойки, дом 40. Первого сентября я пошла в школу в 1-й класс. Потом закончила строительный техникум и молодым специалистом по разнарядке попала в Таллин.

Самое страшное на свете, что может быть - это голод. Жуткое бессилие, изнуряющее, отупляющее чувство, нет сил жить. Мы это испытали на себе.

ВОЛКОВ
Владимир Федорович

07.03.1931 г.р.

Сколько я помню свое предвоенное детство, родители каждый год снимали дачу (комнату в сельском доме) в юго-западной части Ленинградской области. Все летние месяцы я с мамой проводил на даче. Как только приближалась весна, родители активно обсуждали проблему, где снимать дачу на предстоящий летний сезон.

В 1941 году выбор пал на Вырицу. Красивый добротный дом располагался на высоком берегу реки Оредеж в районе платформы № 3 поселка Вырица. Противоположный берег реки был низменным и занят полями. Погода стояла хорошая. Мы, мальчишки, занимались своим любимым делом - играли в "войну", изготавливали свое нехитрое деревянное военное вооружение. У меня был смастерен деревянный "пулемет-максим" с трещеткой. Высшим классом считалось иметь "поджиг" - деревянное подобие пистолетов с медной трубкой в качестве ствола, один конец трубки расклепывался, сбоку делалась прорезь, трубка заполнялась серными головками от спичек и селитрой. Такое устройство "стреляло" довольно громко.

На даче радио не было, все новости узнавались из газет или их привозили из города. Однажды утром все услышали доносившийся издалека нарастающий гул. Это было очень необычно. Как потом говорили - это была бомбежка. После этого в небе стали все чаще и чаще появляться немецкие самолеты. Однажды прямо над Вырицей произошел воздушный бой. Три наших истребителя встретили немецкие самолеты, летевшие в сторону Ленинграда. Бой продолжался недолго, все три наших самолета были сбиты немцами. Упали неподалеку, в районе соседней платформы. Мы, мальчишки, конечно побежали туда посмотреть. Все три летчика, молодые ребята, погибли.

Мы продолжали жить на даче до середины августа. Папа не спешил забирать нас с дачи, уверял, что скоро Красная Армия погонит немцев и все будет хорошо. Тем временем мама отрабатывала трудовую повинность по справкам, выдаваемым Вырицким поселковым Советом. В воздухе летали немецкие самолеты, часто довольно низко. Раз я даже разглядел лица летчиков, которые летели над рекой. Перед домом в саду была отрыта глубокая

щель с перекрытием, в которой мы иногда укрывались.

Однажды в середине августа поздно вечером за нами приехал папа на грузовой машине с газогенераторными установками. Такие машины использовали вместо топлива деревянные чурки. Ехали всю ночь, дороги были забиты беженцами и ополченцами. Папа работал на механическом заводе № 7. Дома я его почти не видел. Сохранилась справка, где указано, что "тов. Волков Ф.А. работает на заводе ... по 16 часов в сутки без выходных дней". С завода отправлялись эшелоны с оборудованием и семьями работников в тыл. С одним из таких эшелонов с Финляндского вокзала в начале сентября 1941 года отправились и мы с мамой. Нас несколько дней катали вокруг Ленинграда, но выехать мы так и не смогли. Привезли обратно на Финляндский вокзал. Началась блокада...

Мы жили на Кондратьевском проспекте, дом 40, корпус 9, на пятом этаже. У нашего дома было 12 корпусов и занимали они целый квартал. В подвалах корпусов были оборудованы бомбоубежища. В одном из бомбоубежищ в сентябре начались школьные занятия. Я попал в третий класс. Во время занятий часто пропадал свет и все сидели в кромешной темноте. Часто занятия срывались из-за тревог. Занятия продолжались месяца два, а потом прекратились. Очевидно, предполагалось, что в городе могут быть уличные бои. Арки в наших домах были заложены кирпичами, оставались только узкие проходы для людей. Были оборудованы бойницы. На улицах стояли противотанковые ежи. Большую опасность во время авианалетов представляли зажигательные бомбы. Ими город немцы посыпали безмерно. На чердаках домов с объявлением воздушной тревоги дежурили противопожарные расчеты, которые должны были либо тушить

СПРАВКА

Выдана гр. Волкова Н.В
(фамилия, имя, отчество)

посылается работающему в Вырицком п/совхозе ВКЗ
(название предприятия, колхоза)

в том, что он мобилизован по трудповинности.

Председатель исполкома
Совета депутатов
трудящихся / Тихоненко

М. П.

Тип. № 1 им. Володарского. Зак. № 3708

ОТМЕТКА О ЯВКЕ ПО ТРУДПОВИННОСТИ

Место работы: В.З им Калинина

I. Приступил к работе 11 сентября 1941 г.

Окончил работу 13 сентября 1941 г.

Начальник участка:

М. П.

Место работы: _____

I. Приступил к работе _____ 1941 г.

Окончил работу _____ 1941 г.

Начальник участка:

М. П.

зажигалки, либо сбрасывать их с крыш специальными длинными щипцами. Мама была назначена старшей по подъезду и во время воздушных тревог проверяла, все ли жильцы спустились в бомбоубежище. Мы, мальчишки, собирали потушенные зажигалки. У меня дома на кухне хранилось десятка полтора потушенных зажигалок. Один из корпусов нашего дома сгорел от зажигательной бомбы. Горел он два дня, начиная с крыши. Дом был кирпичный, а перекрытия деревянные. Его не тушили, не было воды. Стояла суровая зима. В домах из-за мороза системы водоснабжения были разрушены, а в сгоревшем корпусе водяные системы от пожара отогрелись и какое-то время шла вода, мы туда бегали за ней.

Постепенно к воздушным тревогам и опасностям появилось безразличие. Хотя на пятом этаже мы и ощущали зловещее покачивание от близкого разрыва бомб, в бомбоубежище уже не спускались. Дома было очень холодно. Мы с мамой поселились на кухне, где было немного теплее от керосинок.

В январе 1942 года в заводской больнице умер папа. Мама отвезла его на Богословское кладбище. Вскоре умерла соседка. Она несколько дней лежала в коридоре, пока ее не забрали. Мама занималась реализацией продовольственных карточек, что было довольно сложно. Меняла какие-то вещи на продукты. К съестному относился и столярный клей. У папы было несколько плиток столярного клея. Он казался очень вкусным. Из дома я уже не выходил. Весь укутанный в какие-то одежды, сидел на кухонной плите и читал. Часто мечтал. Тогда мне очень хотелось уехать куда-нибудь в глухую деревушку, где нет ни больших домов, ни автомобилей, ни самолетов, ни радио. Как ни странно, в какой-то степени эти мечты впоследствии осуществились, когда во время эвакуации я с мамой оказался в глухой сибирской деревне. Но это уже другая страничка жизни.

СПРАВКА.

Гр. ..... проживающ.
зарегистр. в Зырице по улице .....
дом №. ... кв. ... выбыл. эвакуирован. к труд -
повинностью ..... 1941г. по
Зырицкому Поселковому Совету и отработал
"30" часов.

Справка выдана для предъявления
.....

Председатель Исполкома
Зырицкого Поселкового Совета
Сиверского района:

В конце марта 1942 года маму вызвали в милицию и сказали, чтобы мы приготовились к эвакуации. И вот, в начале апреля, по пустынному Кондратьевскому проспекту в сторону Финляндского вокзала одиннадцатилетний мальчик тащит свои детские санки, на которых уместилась вся поклажа, а сзади, на некотором удалении, бредет его мама. Пока мы шли, навстречу прошла грузовая машина, доверху заполненная человеческими трупами. Ночью на пригородном поезде нас привезли на берег Ладожского озера. Там нас перегрузили на машины. Во время погрузки у нас стащили рюкзак с продуктами. Когда машины двигались по озеру, кое-где проступала вода. На другом берегу нас погрузили в теплушки. Мы благополучно добрались до станции Голышманово, откуда на санях, запряженных быками, по непролазной грязи, мы добирались до деревни, в которой предстояло жить. Там мы "откармливались", собирая на полях прошлогодние колоски и оставшуюся мерзлую картошку. Колоски сушили, затем прокручивали в ручных жерновах. Примерно через месяц, тем же способом на быках, мы вернулись на станцию Голышманово, снова погрузились в теплушки и отправились в Омск, оттуда пароходом добрались до деревни Покур и прожили там еще пять лет до возвращения в Ленинград.

ВЫШЕСЛАВОВА (Яковлева) Татьяна Васильевна

14.10.1924 г.р.

21 июня 1941 года наша семья - папа, мама, десятилетний брат и я, шестнадцати лет, приехали проведать родственников в местечко Копорье, которое находилось в четырех часах езды на автомобиле от Ленинграда, если ехать по шоссе по нижней дороге вдоль берега Финского залива. Это пограничная зона. Постороннего люда нет. Сюда можно приехать только по спецразрешению, и то при наличии вызова от родственников. Пропуска выдавались нам в Большом доме на Литейном проспекте. Пропуска были выданы нам на каждого человека. В Копорье мы уже отдыхали не один год.

Вот мы и приехали, почти благополучно, если не считать, что потеряли в дороге пять живых угрей, которые нам были подарены в рыбацком поселке нашими знакомыми рыбаками. Как они покинули мешок и полузакрытый кузов нашей машины неизвестно, но было очень жаль, все же такой подарок! Ну, да ладно...

Красота вокруг неописуемая. Воздух! Вдали видна Копорская крепость. Мощная, древняя каменная твердыня. Правда, руины, но впечатляет.

Уже вечер. Нас ждали. Родные встретили радушно. Засиделись за столом далеко за полночь. Разговоры, разговоры - ведь не виделись ровно год, только изредка переписывались и перезванивались с переговорного пункта на территории крепости. Там же располагался и Военный комендант. За крепостью был военный аэродром, а внутри крепости, где было почтовое отделение и переговорный пункт, находилась лавка с очень вкусным хлебом, который выпекался здесь же, продавались конфеты-подушечки, карамельки, леденцы в жестяных баночках, консервы с крабами,

СССР
НАРКОМАТ ОБОРОНЫ
РАЙОННЫЙ ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ
г. Ленинград
ХРАНИТЬ ПРЕДПИСАНИЕ НАРАВНЕ С ПАСПОРТОМ
МОБИЛИЗА
ЦИОННОЕ ПРЕДПИСАНИЕ
города Ленинграда
Военный комиссар
района

селедка из бочки, спички, соль, перец, нитки и прочие необходимые вещи. Такого вкусного запаха, какой был в этой лавке, мне не забыть. Там продавался одеколон "Шипр" для мужчин, а для женщин духи "Красная Москва", "В полет", "Эллада", "Магнолия", "Камелия", хорошее туалетное мыло. А еще была пристройка-лавочка в каменной стене - там продавали керосин. И, самое главное, на столбе был установлен большой радиорупор, около которого всегда собирался народ слушать музыку и всякие новости.

После затянувшегося застолья, уже с рассветом, улеглись. Спали очень долго крепким безмятежным сном. В полдень проснулись. Пошли в лес за ландышами. Набрали много. Зашли к соседям за топленым молоком, поговорили с ними, потом пошли домой. Никто ничего о начале войны еще не слышал. После обеда папа и мама стали собираться в путь. В три часа 22 июня я в последний раз видела папу и попрощалась с ним. Он умер 3 февраля 1942 года в госпитале. В моей памяти он остался живым,

Мобилизационное предписание

добрым, красивым, моим любимым папой. А в 8 часов вечера к нам прибежал почтальон и сообщил ужасную весть - началась война.

Я, мой брат, тетя с сынишкой остались в Копорье у стареньких родственников, которые после услышанного слегли - "подкосились ноги", были в таком страшном состоянии.

Но как быть нам? Что делать? Я и тетя побежали в крепость, чтобы позвонить нашим, они должны были уже приехать домой, а заодно в крепости все разузнать, что и как? Такого зрелища, такой массы взволнованного народа мы никогда не видели. Да, началась война.

На телефонный звонок нам никто не ответил, ни сегодня вечером, ни завтра, а послезавтра комендант попросил нас в крепость больше не приходить! Все было понятно. Ведь из радиорупора говорили ужасные вещи, необъяснимые!

Вышли на гору и увидели километрах в пятнадцати там, внизу, спокойные воды Финского залива, а где-то левее просматривалась Усть-Луга, там была уже

настоящая граница.

А мы по-прежнему ничего толком не знали. С тетей, папиной сестрой, решаем, что будем больше находиться около крепости, чем дома. Может быть, как-нибудь уедем... Была надежда, что папа за нами приедет, ведь обещал нас навестить. Ведь война! Как можно нас оставить? Несколько дней никаких известий, все в ужасе. Доедаем запасы продовольствия. 29 июня некоторые смельчаки решают пойти пешком лесом в сторону Котлов, Капищ, ближе к Ораниенбауму. Но мы не можем, с нами дети 10 - 12 лет. Уже вечера стали холодными, а мы голодаем. Ни хлеба, ни молока, ни денег. Ничего! Подъели все. Нас ведь четверо. Надеялись на лавку с продуктами в крепости, но нас туда уже не пускали. Там пайки, все рассчитано.

Гложет мысль: уехать, уехать... А как? Каким путем? Никакого транспорта. Мы находимся в Копорском котле, в неудобном "кармане". Только внизу, параллельно с берегом залива, идет узкое шоссе, а рядом проложена железнодорожная однопутка-узкоколейка, по которой мы никогда не видели идущего паровоза с вагонами. Я и тетя сбегали на станцию Копорье: ничего сейчас и ничего потом! Ужас! Что делать?

Идем к начальнику станции, объясняем наше положение, спрашиваем, есть ли вообще какая-нибудь надежда... И вдруг нас просят помочь! Может быть завтра, или послезавтра будет проходить эшелон с ранеными, надо наломать больших веток с зеленью для маскировки вагонов. И надо в лесу набрать и напилить по размеру сосновые поленья для топки паровоза.

А еще обещали накормить супом, вареной картошкой с луком и подсолнечным маслом!

Мы дождались! Есть надежда. Нам сказали, что эшелон пойдет только ночью, потихонечку до Ленинграда, так как есть опасность авианалетов. За один день мы подготовили все, что нужно, нас и

Вышеславова
Татьяна
Васильевна

„ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА ЕСТЬ СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ КАЖДОГО ГРАЖДАНИНА СССР".
(из конституции СССР)

ЗАПОМНИ:

На тебя возложена почетная обязанность защиты родного города от бандитских разрушений врага.

Будь достойным звания Ленинградца.

Строго выполняй все указания командования МПВО.

Всегда показывай пример дисциплинированности.

Будь бдительным, не давай возможности врагам наносить ущерб нашему городу и нашим гражданам.

Ленинград — фронт. Ленинградцы бойцы за свой город. Будем достойными помощниками наших боевых товарищей — мужей, отцов, братьев и сыновей храбро сражающихся за нас, за нашу родину.

Р. С. Ф. С. Р.
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Сталинского районного
Совета депутатов трудящихся
Отдел Военный
29. Мая 1942
№ 4
Гор. Ленинград

Приписное удостоверение

Гр. Яковлевой Татьяны Васильевны

На основании постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 2/VII 1941 г. „Всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне" и Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся от 29/ 1942 г., Вы зачислены в группу МПВО домохозяйства № 25 по улице Калашниковской дом № 22 кв 2 Сталинского района и обязаны выполнять все распоряжения и указания командования МПВО дома.

Уклонение от выполнения обязанностей, определяемых положением о группах самозащиты МПВО, влечет за собой привлечение к ответственности по законам военного времени.

Начальник Военного отдела
Исполкома Райсовета
Военный военкомиссар

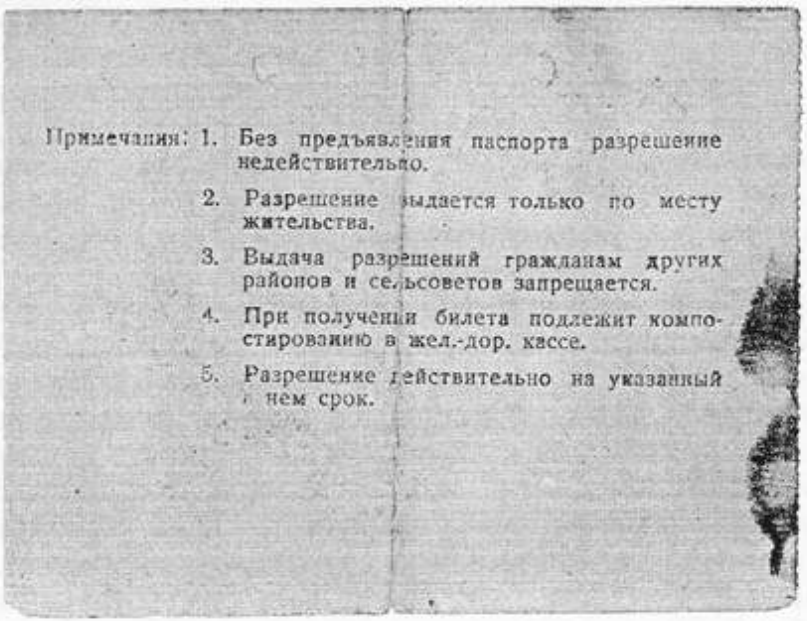
Начальник участка МПВО
Начальник _____ отд. К. М.

Приписное
удостоверение

накормили, и похвалили, и сказали по секрету, чтобы никуда не уходили. Надо ждать! Надо научиться ждать!

Эшелон с ранеными подошел ранним утром. Мы помогали носить дрова к паровозу, прикрепляли ветки к окнам и поручням дверей. И уже к вечеру мы были в тамбуре одного из вагонов. Кстати, в этом же вагоне ехала группа артистов ансамбля песни и пляски Военно-морского флота. К 9 часам вечера наш состав потихонечку попыхтел и повез нас в Ленинград. В дороге все было тихо. Над нами никто не летал. Мы четверо, прижавшись друг к другу, спали беспробудным сном до самого Ленинграда. Сказать спасибо было некому, все были заняты только собой и ранеными. Стоял невообразимый шум, сновали санитары с носилками. Мы же побежали с перрона к трамваям. Бегом выскочили

Разрешение на право
приобретения железнодорожного билета
от Ленинграда до Средней Рогатки



Примечания: 1. Без предъявления паспорта разрешение недействительно.

2. Разрешение выдается только по месту жительства.

3. Выдача разрешений гражданам других районов и сельсоветов запрещается.

4. При получении билета подлежит компостированию в жел.-дор. кассе.

5. Разрешение действительно на указанный в нем срок.

на привокзальную площадь и остановились в ужасе от увиденного: военные и новобранцы, машины с людьми в кузовах, лошади с телегами, и пушки, пушки... Мешки с песком, доски, лопаты. Окна заклеены крест-накрест полосками белой бумаги...

Домой мы добрались с пересадками на трех трамваях и без билетов. Дома никого не было. Мама отправилась получать продуктовые карточки. Папа был мобилизован на второй день войны и пока никто ничего о нем не знал.

Так началась новая страница нашей жизни.

В середине июля 1941 года была первая жуткая бомбежка. Часов в 5 вечера в небе появилось несметное количество немецких самолетов. Летели и целенаправленно бомбили городской аэродром, Военно-воздушную академию, которая находилась рядом с аэропортом. Не промахнулись, было почти

прямое попадание. В сентябре во время очередной массированной бомбардировки, сгорели Бадаевские склады с большим запасом продовольствия для города и области. Бомбы попадали и в здания рядом с Московским вокзалом. Я, мама и братишка были в квартире, сидели и не знали, что же делать. Дом наш ходуном ходил, шатались стулья, когда бомба упала возле Московского вокзала, в полукилометре от нашего дома. Ужас был невероятный, а бомбоубежища еще не были приспособлены.

На другой день управдом собрал шестнадцатилетних девочек и мальчиков и объявил нас звеном-бригадой по местной самообороне нашего дома. В срочном порядке красили деревянные балки на чердаках и крышах белым противопожарным составом. При очередных бомбежках мы бежали на свои посты на крышу и своими собственными руками в пожарных рукавицах научились сбрасывать зажигательные бомбы. Было и страшно, и тяжело, но привыкли. Так продолжалось осенью и зимой. А по утрам собирались по нескольку человек и ездили на разбомбленные Бадаевские склады за сладкой сахарной гущей, которая была смешана с грязью и осколками кирпичей. Мы научились эту грязь сушить, землю выдували, а сладкую грязноватую серо-черную массу заливали водой, отстаивали, процеживали через марлю или тряпочку и заливали в кастрюлю про запас. Пили такой чай и в Новый 1942-й год, заедая одним сухарем черного фронтового хлеба.

В ноябре нам передали посылочку с фронта от папы. Там было 15 черных квадратных сухарей, хлебных и таких вкусных! Еще пять пачек папирос "Звездочка" и пять пачек махорки. Сухари разделили и пили со сладкой горячей водицей, а папиросы и махорку отложили на самый тяжелый случай, чтобы потом поменять на хлеб.

В посылке были письма маме, мне и братишке. Письма сохранены до сего дня. Папа писал, что был на передовой у Кировского завода, а теперь его перебросили на другой фронт. Больше писем от папы мы не получали. Он был в бригаде Народного ополчения в 67-й армии.

Еще в сентябре немцы были уже в пяти километрах от Кировского завода. По распоряжению руководителей города были срочно созданы бригады из молодежи (обращение было к комсомольцам), которые призывались строить оборонительные сооружения. Вместе с нами на этих работах были те, кто не успел поступить в учебные заведения, студенты техникумов и вузов, слушатели военных академий, преподаватели школ, техникумов, институтов. Мы все вместе в сентябре и ноябре рыли траншеи, окопы, строили доты, дзоты, амбразуры, устанавливали противотанковые надолбы.

Помимо всего учились бросать гранаты и окапываться. Командовали нами военные инженеры. Особенно запомнилась кладка амбразур в больнице Мечникова в конце Кондратьевского проспекта. Строили амбразуры в полуподвальных помещениях, где часто на бетонных полах до размещения по палатам лежали тяжелораненые, а мы где-то в сторонке месили раствор из песка и цемента, а потом бегали за кирпичом, его нужно было принести в лямке через плечо - три кирпича на груди, три на спине. Надо сказать, очень эти кирпичики были тяжелые. Одеты мы уже были в телогрейки, стеганые ватные штаны, кирзовые сапоги большого размера. В них помещалась нога в шерстяном носке и стелька из старого полушубка. На голове шапка-ушанка или шерстяной платок, а через плечо сумка с противогазом, ложкой, алюминиевой кружкой.

Спать мы уходили в бараки на Кондратьевском проспекте. Это было совсем недалеко от больницы.

Гражданин(ке) Яковлевой М.В.

ПОВЕСТКА

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» Вы считаетесь мобилизованным с 27 марта по 8 апреля 1942 года для выполнения в порядке трудовой повинности работ по очистке города.

Немедленно по получении настоящей повестки Вы обязаны явиться в контору домоуправления для получения направления на работу.

Рабочие и служащие действующих предприятий, а также учреждений обязаны по получении повестки явиться в места по указанию руководителя предприятия (учреждения).

В процессе выполнения работ по очистке Вы обязаны беспрекословно подчиняться распоряжениям бригадира, безоговорочно следовать его указаниям и выполнять ежедневные задания.

За неявку или уклонение от выполнения работ по очистке Вы будете привлечены к ответственности по законам военного времени.

ИСПОЛКОМ ЛЕНГОРСОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

Спали на полу. Усталость и недоедание сказывались в конце дня, и сон был тяжелым и глубоким. От тяжелой работы болело все тело, ныли руки и ноги. Кормили нас в больнице. Супчик, каша, чай без сахара, маленький кусочек хлеба. Это было очень даже хорошо. Иногда нам даже разрешали помыться.

Закончены работы в больнице. Приезжало командование принимать работы. Торопились. Но ничего не сказали, значит все было сделано сносно. А нас уже перебросили к Нарвским воротам срочно пилить столбы, высокие такие, чистенькие, круглые. Эти столбы пилили в размер для траншей и окопов. Ели мы уже в простой столовой у Нарвских ворот, на первом этаже универмага, гороховую кашу, дрожжевой суп. Тоже ничего. Спали в каком-то помещении на полу. Уже стали забывать, как спят в теплой квартире, да с простынями, на подушечке

Отметки о явке
и выполнении работ. 1942 г.

ОТМЕТКИ О ЯВКЕ И ВЫПОЛНЕНИИ РАБОТ

Дата	Отметка о явке на работу	Отметка о продолжительности работы	Отметка о выполнении задания	Подпись бригадира
27/III		2 часа		
28/III		2 часа		
29/III		2 часа		
30/III		2 часа		
31/III		2 часа		
1/IV		2 часа		
2/IV		2 часа		
3/IV		2 часа		
4/IV		3 часа		
5/IV		2 часа		
6/IV		4 часа		

Подпись управляющего домом _____
(при привлечении по месту жительства)
Подпись руководителя предприятия _____
(при привлечении по месту работы)

По первому требованию органов и должностных лиц, военкоматов явку и выполнение работ.

По окончании срока мобилизации подлежит обязательной сдаче управляющему домом (при привлечении по месту жительства) или руководителю предприятия, учреждения, организации (при привлечении по месту работы)

под теплым одеялом... Все было в прошлом.

Дали три дня отдыха после распиловки столбов. Спилили почти все фонарные столбы. На руки дали пропуска и сказали, куда явиться после трехдневного отпуска.

Побывала дома. Грустно. Холодно. Голодно. Мама не работает. Братишка простудился и кашляет. От голода у него началась цинга, а я ничего с собой не смогла принести. Рот у мальчика уже кровоточил. Из пятнадцати папиных сухарей съедено десять. Три папиных пачки папирос я поменяла на три килограмма чечевицы. Невкусно очень, но все же каша. Ее съели быстро. Я получала 250 граммов хлеба, мама с братом по 125 граммов и ничего больше. Отдала им свою продуктовую карточку. Во время отпуска сумела с женщинами из нашего дома, а жили мы на берегу Невы, съездить на буксире в село Рыбацкое, где были большие огороды под

капустой. После первых заморозков, пока не замерзла река, ленинградцы ездили на эти огороды за капустными листьями и кочерыжками. Хряпой их называли. Поехали ранним утром. Буксир ждал нас за собором Бориса и Глеба, до революции за этим собором была переправа на другой берег Невы. Моя мама рассказывала мне, как раньше на этой маленькой пристани перевозчик кричал, зазывая: "Перевоз на Малую Охту, плата 5 копеек!"...

На поле очень много капустных листьев. Я набрала две вещевые сумки. На поля мы ехали сидя, а вот возвращались стоя - не садиться же на мерзлые листья. Так и простояли все пять километров по реке, не шевелясь, не размахивая ни руками, ни ногами. Замерзли жутко. Притащили свою ношу домой. Разделали все сразу же, вернее, пока листья не оттаяли, разрезали их и заквасили, получилось почти четыре кастрюли. Это уже солидный запас. Еще капитан обещал мне за пять пачек махорки десять килограммов дуранды. Это жмых, куски льняной дуранды. Когда впервые эти куски я размочила в кастрюле с горячей водой, она разбухла в три раза! Как мы все - мама, я и братишка - были рады этому продукту!

Моя побывка домой закончилась, и со спокойной душой я отправилась на свою тяжелую грубую работу, которая была так необходима городу!

Да, наших имен нигде нет. Но мы помогали отстоять наш город! Привести в порядок после жуткой зимы, расчистить улицы, где был не только снег и лед, но и вмерзшие трупы людей. Снег укрывал их, образуя ледяные сугробы. Все в прошлом. Вспоминать очень тяжело...

Получили новое задание. На Малой Охте подлежали разборке старые-престарые дома. В них уже никто не жил еще до войны, было решено разобрать их на дрова. Дома мы с мамой тоже заготавливали дрова: я отпилила от двух кресел ножки, 8 штук, длиной около 15 сантиметров, еще 4 ножки от дивана,

сняли с пола 25 дубовых паркетин. Обеденный стол трогать не стали, жалко было хорошую вещь. Подготовили, чтобы сжечь в буржуйке, Большую Советскую Энциклопедию в роскошном переплете с великолепной муаровой бумагой и цветными иллюстрациями, которые прикрывались тонкой папиросной бумагой.

Я уехала и вернулась домой только в декабре. Все остановилось, замерло. Перемена к худшему. Ничего нельзя нигде достать поесть. У нас еще есть немного дуранды, а кашку из чечевицы только вспоминаем. Брат болен. Все поражаюсь: ну почему дома нет никаких запасов? Пересмотрела буфет, все ящички. Ничего! Только маленькая баночка с кофе, граммов 200. Поменяла на 2 килограмма черных сухарей и 10-12 пачек сахарина. Дома темно, холодно. Топим буржуйку. Трубу вывели в изразцовую печь. Сидим при коптилке. Слушаем радио. Говорят о массовом заболевании цингой. Советуют заготавливать хвою для приготовления напитка в столовых. Цех будет работать на мясокомбинате, для массовой заготовки хвои будут набирать рабочих. Мясокомбинат находится на Выборгской стороне, а мы живем у Невской Лавры. Не дойти ведь туда, а жаль. Раздумываем, как быть дальше.

Наступила весна 1942-го. Настроение жуткое. В январе со своим звеном, в страшный холод, мы валили деревья в лесах Парголово и Всеволжском. Спали на еловых лапниках. Было тяжело. Снега было так много, и было так холодно и голодно! И опять было снижение норм продовольствия. Мы могли получать за норму распиловки - 7 кубометров, только 700 граммов хлеба. Но не было сил выполнять эту норму. Мы делали тюрю из того хлеба, который удавалось получить. Пилили вдвоем пилой-рамой. Сколько напилим - столько заработаем.

Прошел холодный и голодный январь. Я

Вячеславова
Татьяна
Васильевна

ЗА ХРАБРОСТЬ, СТОЙКОСТЬ И МУЖЕСТВО, ПРОЯВЛЕННЫЕ В БОРЬБЕ С НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ, И В ОЗНАМЕНОВАНИЕ 40-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 ГОДОВ

Указом ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 11 марта 1985 г. НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ II степени

№ 879421

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

№ ордена 5758121

простудилась, очень сильно кашляла. Февраль провела дома. Мама ходила в столовую за дрожжевым супом. Брату прописали 1 стакан раствора из сгущеного молока - 1 ложка на стакан воды, получалась мутненькая голубовато-серенькая водица, за которой я ходила в детскую больницу. Ваткой, смоченной перекисью водорода, я обрабатывала рот брата. Не передать виденного: десна кровоточат, каждый зубик в мясистых лохмотьях дёсен отторгался, я их как бы отрываю. Брат возненавидел меня за боль, которую я причиняла ему. Потом у него началось расстройство кишечника. Очевидно, от воды из Невы. Я что-то принесла в очередной раз в кувшине или в баночке со сгущеным молоком. Приехала скорая помощь, и братика увезли в Боткинские бараки, где он

УДОСТОВЕРЕНИЕ

№ 12555

Выдано тов. Вышеславовой Тамаре Васильевне

в том, что на основании постановления Совета ветеранов ДКБФ ему (ей) вручен нагрудный знак „Ветеран ДКБФ"

Председатель Совета ветеранов дважды Краснознаменного Балтийского Флота адмирал В. ТРИБУЦ

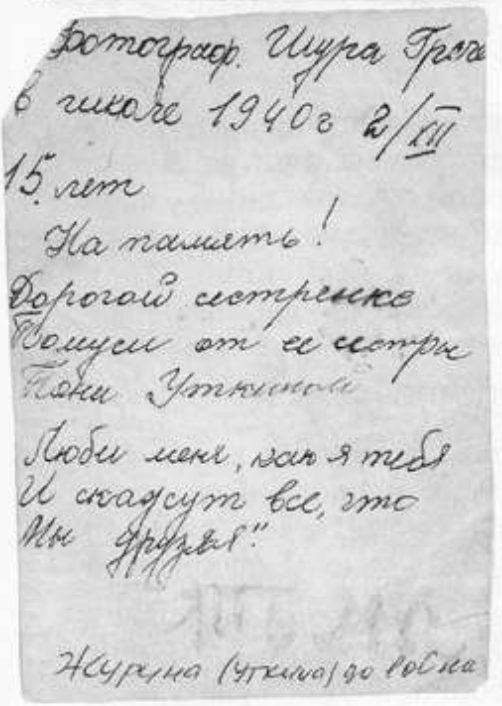
16 . 1 1994 г.

умер 17 марта от заражения крови. Его гробик стоил моей рабочей карточки на апрель. А я со своими подружками по предписанию была отправлена на работы на Среднюю Рогатку.

ЖУРИНА (Уткина) Антонина Алексеевна

14.03.1925 г.р.

Ленинград жил, несмотря на постоянные обстрелы и бомбежки, голод и холод. В школах и вузах шли занятия. Работали театры - имени Пушкина, Горького, Выборгский Дом культуры.


Фотограф. Шура Грош
в школе 1940г 2/XII
15 лет
На память!
Дорогой сестренке
Тоньше от ее сестры
Тани Уткиной
Люби меня, как я тебя
И скажут все, что
Мы друзья!"
Жукина (Уткина) до гроба

1 января 1942 года нам, учащимся, дали пригласительные билеты на елку в Драматический театр им. Горького. Во время спектакля несколько раз объявляли тревогу, спектакль прерывали, мы все спускались в бомбоубежище. После спектакля были накрыты столы. Я запомнила, что нам каждому дали по маленькой котлетке с гречневой кашей.
18 октября 1943 года я переехала жить на Выборгскую сторону. Был пасмурный день, но после обеда небо прояснилось, начался обстрел. Во дворе 105-й школы на Выборгской стороне разорвалось два снаряда. Погибли три первоклассницы и две учительницы. Учитель литературы Елизавета Алексеевна Николаева проработала в школе 25 лет. Накануне, на уроке литературы, она рассказывала нам о "Мертвых душах" Гоголя. Вторая -

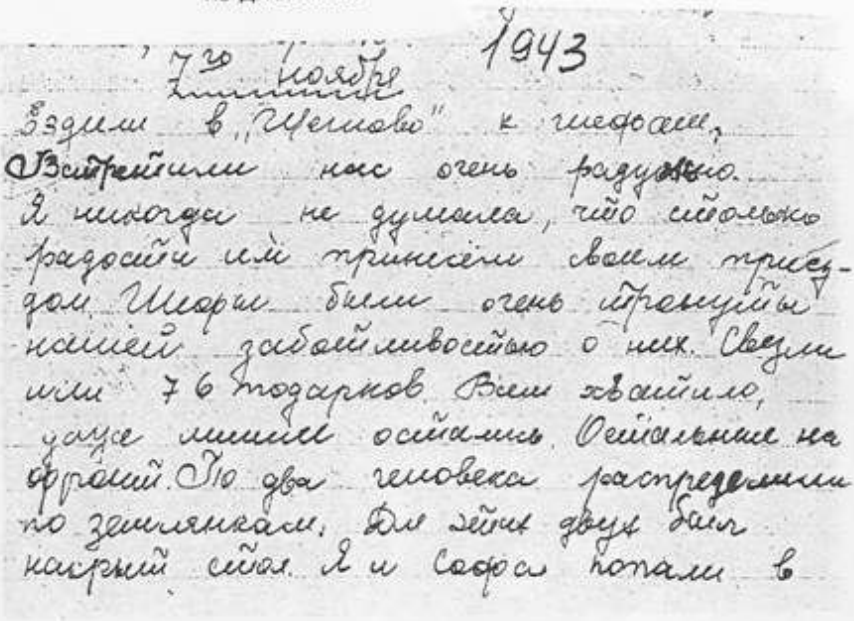
105 школа
Класс, в котором училась
Уткина Тоня
1943 год

учитель истории и школьный библиотекарь Надежда Владимировна Владимирова.

Наша 105-я школа была в Бабурином переулке, дом 5. Она числилась "военным объектом № 736", по которому рекомендовалось стрелять фугасно-зажигательными снарядами.

В школе я была членом комитета по культурно-массовой работе и вела дневник работы пионерской и комсомольской организаций.

Страничка
из дневника



7-го ноября 1943

Ездили в „Ленино" к шефам.
Встретили нас очень радушно.
Я никогда не думала, что столько
радости и приязни вызовем приез-
дом. Шефы были очень тронуты
нашей заботливостью о них. Свезли
им 76 подарков. Всем хватило,
даже лишние остались. Остальные на
фронт. По два человека распределили
по землянкам. Для этих двух был
накрыт стол. Я и Софа попали в

Вот некоторые записи из моего дневника:
"1942 год.
23 января. Девочки третьих классов ходили выступать в госпиталь.
26 января. Девочки 10-х классов Хрущева, Беликова, Заборская, Уткина, Мостиславская, Афанасьева выступали с концертом в госпитале.
27 января. 7 - 10-е классы выступали с концертом.
3 февраля. Девочки 9-го класса ходили в госпиталь. Починили 50 штук белья.
4 февраля. Девочки 10-го класса ездили в госпиталь на 17-ю линию Васильевского острова к раненым разведчикам.
5 февраля. Девочки 8-го класса чинили в госпитале белье. Починили 50 штук. Девочки 8 - 10-го классов дежурили во 2-й хирургии, читали и рассказывали в палатах.
10 февраля. Чинили белье 79 штук."

2-й женский ботальон,
медсанрота по уборке города
1942 год

Наш подшефный госпиталь располагался в здании Военно-медицинской академии им. С.М.Кирова у Финляндского вокзала.

Весной 1942 года правительство города обратилось к жителям, кто в состоянии, выйти на уборку и очистку от трупов улиц. Мое "историческое место" было на набережной Невы около Финляндского вокзала. За всю войну ни одна эпидемия не проникла в город. Блокадники, несмотря на голод и лишения, старались содержать свой город в возможном порядке. Мы, например, ученики "объекта № 736", убирали и чистили еще двор нашей школы. Для нас было организовано питание в столовой. У меня сохранилось меню из этой столовой:

1. Щи из подорожника.
2. Суп из дрожжей.
3. Пюре из крапивы и щавеля.

3 ноября 1943 года

Разведчики
63-й гвардейской дивизии

4. Котлеты из свекольной ботвы.
5. Биточки из лебеды.
6. Шницель из капустного листа.
7. Печень из жмыха.
8. Соус из рыбнокостной муки.
9. Оладьи из казеина.
10. Торт из дуранды.
11. Соевое молоко (по талонам).

После 9-го класса весной 1942 года нас направили работать в совхоз "Щеглово". Мы жили в доме за парком. Однажды вечером после работы к нам постучались. Это были бойцы 63-й Гвардейской дивизии, которых направили в "Щеглово" на отдых после тяжелых боев под Синявиным. Мы подружились с разведчиками этой дивизии. Они взяли над нами шефство, когда после завершения полевых работ мы уехали в Ленинград. Наши шефы принимали участие в прорыве блокады Ленинграда в январе 1943 года, в снятии блокады в январе 1944 года. Мы писали им письма на фронт, они нам отвечали, интересовались нашей учебой. Мы разыскивали семьи раненых шефов в госпиталях, навещали их, давали им концерты, привозили патефон и пластинки, читали им книги. Уже после войны, в День Победы, мы встречались с нашими шефами, ездили на Воронью гору, с которой Ленинград просматривался как на ладони, и где фашисты установили дальнобойное орудие с названием "Берта". Эта пушка все 900 дней и ночей блокады обстреливала наш город.

Фашисты обстреливали Ленинград методично. С 20 часов, например, обстреливался Невский район, потом Выборгский. В один из таких обстрелов в наш дом по Нейшлотскому переулку, дом 15в, попал снаряд в верхний этаж. Нам повезло, мы жили на втором этаже. От взрыва вылетели остатки стекол, а мы, полураздетые, выскочили в бомбоубежище.

Страшно было дежурить на крышах во время авианалетов, но радость от подбитых нашими

Выписка
из протокола № 146-Н
заседания Президиума
Исполкома Союза
Обществ Красного Креста и
Красного Полумесяца СССР.
29 августа 1944 года

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 146-Н
заседания Президиума Исполкома Союза Обществ Красного Креста
и Красного Полумесяца СССР
г. Москва 29 августа 1944 г.

СЛУШАЛИ: О награждении отличников санитарно-оборонной работы
/протокол заседания наградной комиссии Исполкома
СОКК и КП № 429 от 25/VIII-с.г./. /докл. т. Витенко/.

ПОСТАНОВИЛИ: Наградить отличников санитарно-оборонной работы
по Ленинградской городской организации Красного Креста

За самоотверженную работу по оказанию медицинской и очаговой
помощи во время артобстрелов и налетов вражеской авиации,
большую общественную помощь госпиталям по уходу за ранеными и
больными и проведение профилактических и противоэпидемических
мероприятий:

Грамотой "Отличнику санитарной обороны".

Уткину Антонину Алексеевну - ученицу 105-ой
школы - активистку Красного Креста

п/п: Председатель -
Отв. секретарь

Выписка верна:
Секретарь президиума Исполкома
Красного Креста /Рахманинова/

зенитками вражеских самолетов была огромная. За общественную работу по уходу за ранеными мне и учителю географии А.Н.Песковой в приказе по госпиталю вынесли благодарность. В 1943 году нас наградили медалью "За оборону Ленинграда", а в 1944 году меня наградили грамотой "Отличник Красного Креста и Красного Полумесяца".

В школе нам преподавали азбуку Морзе. Когда в 1944 году мы заканчивали школу и сдавали экзамены по военному делу, то на экзамен приезжала комиссия из военных во главе с генералом. После школы многие поступили в институты. Я закончила педагогический институт имени Герцена.

40-летие победы.
Бойцы 63 гв. дивизии,
которые принимали
участие в прорыве и
снятии блокады.
Журина Антонина -
2-ой ряд 4-я слева

КОРОТКОВА (Кирпиченок) Вера Ивановна

26.03.1924 г.р.

Я родилась и выросла в Ленинграде. 15 июня 1941 года в нашей школе состоялся выпускной вечер. После окончания школы я поступила в Горный институт, строила планы самостоятельной жизни. Мечтам не суждено было осуществиться. 22 июня была нарушена мирная жизнь страны. В первые дни войны папа добровольно вступил в ряды ополчения, несмотря на наличие брони. Он был направлен на Ленинградский фронт. Встретились мы с ним только один раз в 1943 году, когда его отпустили на побывку домой на одни сутки. Эта единственная и последняя встреча осталась в моей памяти навсегда. Папа воевал до 20 января 1944 года, в боях за освобождение города от блокады он погиб. Похоронили его в Братской могиле в районе деревни Кобоны Ленинградской области. Мама умерла до войны, в 1940 году.

В июле или августе 1941 года, точно не помню, всех студентов нашего института направили в пригород

на рытье танковых рвов эскарпов. После выполнения нами задания ночью прилетели фашистские самолеты и разбомбили всю нашу работу. Начальство отправило нас в Ленинград по домам. Шли мы до города пешком двое суток, двигались по обеим сторонам шоссейной дороги, а когда раздавался рокот моторов фашистских самолетов, прятались в лесу или в кюветах. Ночевали в лесу.

Институт вместе со студентами и преподавателями в скором времени был эвакуирован куда-то на юг, но я осталась в Ленинграде. Дежурили вместе с другими жильцами нашего дома на крыше, обезвреживали зажигательные бомбы, проверяли светомаскировку, обезвреживали негодяев-предателей, которые подавали наводящие световые сигналы фашистским самолетам.

Я занималась на курсах медсестер и дежурила в военном госпитале на 19-й линии. Курсы находились на Петроградской стороне, а я жила на Большом проспекте Васильевского острова, преодолевать такие большие расстояния с каждым днем становилось все труднее. Я оставила курсы, но дежурить в госпитале продолжала, тем более, что там лежал солдат без рук и почти слепой, я кормила его, от других медсестер он отказывался принимать пищу. Видимо, мой голос напоминал ему голос матери, сестры или любимой девушки. Учитывая его тяжелое состояние, все старались выполнять его желания.

Голодная и холодная зима 1941-42 годов была страшная. Скудный хлебный паек, отсутствие воды, электричества, бомбежки и артобстрелы, доводивший до ужасного состояния голод. Однажды ранним утром, переходя 19-ю линию, я наткнулась на лежащий труп, у которого были вырезаны мягкие ткани, ягодицы. Я долго не могла прийти в себя от ужаса. Со временем голод довел людей до того, что стали есть кошек, собак и даже крыс.

Перед войной в Ленинград приехало из деревень много молодых парней. Они учились в ремесленных училищах, а когда началась война, многие не смогли уехать к себе домой. Они голодали, многие мальчики не могли получать даже 125 граммов хлеба, так как не имели ленинградской прописки. Однажды в хлебном магазине у женщины, только что получившей по карточкам свою норму хлеба, один парень вырвал из рук кусок хлеба и стал жадно запихивать в рот. Народ, стоявший в очереди с раннего утра, обозленный, стал его жестоко избивать, но парень, упав на пол, продолжал жевать хлеб.

Смертность была столь велика, что в городе появились покойницкие склады, куда обессиленные родственники штабелями сваливали зашитые в простыни и одеяла трупы своих близких. Потом эти трупы специальные команды грузили на машины и везли на кладбища в братские могилы. Физические истощения были не меньшими, при мытье в бане присутствие голых мужчин и женщин не вызывало никаких эмоций.

С наступлением весны люди стали собирать траву, варили супы. Все газоны, сады и скверы превратились в огороды, где выращивали овощи.

Обстрелы и бомбежки стали привычными, мы перестали убегать в бомбоубежища, просто ложились на кровать под одеяло и прятали головы под подушки. Однажды рядом с нашим домом разорвалась бомба, и дом трясло и качало, как при землетрясении. Кстати, землетрясение и цунами мне пришлось пережить в 1952 году на самом северном острове Курильской гряды Шумшу.

Молодежь, девушек стали обучать уличным боям, учили обращаться с винтовкой и штыком. В мае 1942 года меня призвали в МПВО (Местная противо-воздушная оборона), в то время она не входила в состав РККА (Рабоче-крестьянская Красная Армия), но была военизирована. В МПВО

не положено было иметь самолеты и зенитные орудия, чтобы отражать вражеское нападение над Ленинградом и прикрывать войска противовоздушной обороны. Нашим полем боя были улицы, площади, дома. В круг обязанностей входили: ликвидация последствий воздушных налетов и артиллерийских обстрелов, оказание населению первой помощи, обезвреживание неразорвавшихся бомб и снарядов, обеспечение нормальной работы промышленных предприятий, коммунального хозяйства, разных организаций, учреждений, транспорта, связи. Все это должно было выполняться силами наших специальных частей, гражданского населения, групп самозащиты, входящих в состав МПВО.

Я служила в медико-санитарной роте командиром взвода. Однажды шел обстрел Свердловского района города. Снаряды один за другим ложились в районе расположения военного госпиталя. Один из них попал в здание госпиталя. На спасательные работы были брошены дежурные взводы медико-санитарной и саперной рот, но обстрел был такой интенсивный, а количество пострадавших таким большим, что мы не в силах были справиться с поставленной задачей, поэтому были дополнительно вызваны на подмогу еще две роты

бойцов. Мы тоже понесли потери: одной девушке оторвало часть руки, а другую ранило в ногу. Когда закончилась наша работа в очаге поражения, нам пришлось всю ночь работать на расчистке трамвайных путей и дорог от снега.

Помимо освоения военного дела и политзанятий, мы осваивали строительные специальности. Как только появлялась возможность, «залечивали раны» города, нанесенные бомбежками и артобстрелами. Форма нашей одежды в то время состояла из серого ватника и таких же брюк. Красноармеец МПВО Н.Лагутина написала песню о ватнике:

О бушлате, о шинели,
О солдатских сапогах
Будут петь, поют и пели
На заводах и фронтах.
В песне ласковой и краткой
Из простых и теплых слов
Я прославлю серый ватник
Наших девушек-бойцов.
Кто не знает серый ватник?
Всюду встретишь ты его
На плечах у ленинградки
Из частей МПВО.
Жжет мороз, и вьюга колет,
Ветер воет и визжит...
Превратилась площадь в поле,
Снег сугробами лежит.
Не пройти и не проехать,
Эй, вставай, не унывай!
Снег расчистим до рассвета,
Чтоб, звеня, пошел трамвай!
Вот уж год в осаде город.
Нет угля, света, дров.
Мы спешим на сломку дома
Для больниц и детсадов.
Нет, не все из нас умели
(И признаться, не беда)

Плотный снег счищать с панели,
Дом ломать, пилить дрова.
Научились очень скоро
По-мужски работать в лад.
Так велел любимый город,
Приказал наш Ленинград.
А налеты и обстрелы,
На опаснейших местах -
Кто не видел ватник серый,
Что на девичьих плечах?
Снова ночи стали кратки,
Чаще солнце видим мы,
Но прощай, мой серый ватник,
Расстаемся до зимы.
А когда тяжелой сказкой
Станут эти дни боев,
Ленинград с любовью, с лаской
Песнь о ватнике споет.

В январе 1943 года блокада была прорвана. В июле МПВО стала одним из формирований Красной Армии. Работа осталась той же самой, но ответственность возросла. На нас стали распространяться требования воинского Устава и дисциплины. Мы несли караульную службу, приняли присягу, стали носить военную форму. Меня направили в полковую школу, после окончания которой я получила воинское звание старший сержант.

До окончательного снятия блокады оставалось чуть больше полугода, продолжали гибнуть люди, разрушались здания, а мы несли свою службу.

В честь снятия блокады города Ленинграда был грандиозный салют, на котором я познакомилась со своим будущим мужем, лейтенантом военно-морского флота.

Керро
Клавдия
апрель 1936 г.

КЕРРО
Клавдия Гербертовна
28.04.1926 г.р.

Воспоминания детства и юности всегда являются самыми яркими, теплыми и приятными. А если дом наполнен светом и теплом взаимоотношений, царит атмосфера любви, внимания, нежности, заботы, участия и подлинного интереса друг к другу, детская память неизгладима. Мой дедушка - добрейший, интеллигентный и порядочный человек. Всегда веселый, оптимистичный, внимательный и чуткий собеседник, выдумщик и труженик. Честность, порядочность и доброта были для него главными качествами и жизненными правилами, которые он прививал и нам. Его смерть еще до войны была для меня самой невосполнимой утратой. Трогательно нежной и отзывчивой была бабушка, всегда и во всем старавшаяся помочь каждому, кто хоть немного в этом нуждался.

Отец большой умница, знавший несколько языков, требовательный к себе и к своим поступкам, в том числе к внешнему виду. Он всегда был аккуратный, подтянутый, «с иголочки», даже его повседневная морская форма выглядела, как парадная. Дисциплинированность и абсолютная точность во всем были его неотъемлемой чертой характера. Мама с невероятной силой воли и мужества, способная любого человека взбодрить и вывести из затруднительной ситуации, с большим чувством юмора.

Общение с родителями, бабушкой и дедушкой давало нам ощущение абсолютного счастья, помогало выжить в страшные годы блокады, преодолевать жизненные невзгоды и тяготы. И таких людей среди наших знакомых было очень много.

Жизнь казалась прекрасной, она улыбалась, впереди было светлое и радостное будущее, о котором мы так мечтали со своими школьными друзьями.

Мы жили в Ленинграде на Полюстровской набережной. На противоположном берегу Невы напротив нашего дома был Смольный. Наша квартира выходила во внутренний двор с зеленым садом. Ветки огромного клена заглядывали в окна папиного кабинета. Мне нравилось сидеть в большом кожаном кресле, очень уютном и красивом, делать уроки за папиным столом, освещенном лампой с зеленым абажуром. В папином кабинете была большая библиотека.

С дедушкой мы часто ходили гулять на набережную, а в это время бабушка пекла пироги. По воскресеньям, когда мы отправлялись с мамой в театр, наступала сказка: мама в красивом платье превращалась в волшебную фею, окутанную тонким ароматом духов.

В 1941 году я успешно закончила семилетку и поступила стипендиатом в техникум точной механики и оптики. Война безжалостно провела черту между еще только начавшейся юностью и несвоевременно ранней зрелостью. Но в то время я еще не могла себе представить и поверить, что придется пережить... Я успокаивала себя мыслью, что война скоро закончится.

Отец сразу же решил пойти добровольцем, несмотря на освобождение по состоянию здоровья. Бабушка слегла в постель, на нервной почве у нее отказали ноги. Жизненный опыт у нее был больше, она переживала за нас, и в какой-то мере могла предвидеть те лишения и горести, которые несет с собой война. Но даже она не могла представить себе все те ужасы, которые пришли вместе с блокадой. Бабушкино сердце не выдержало, она умерла еще в июле. Мы похоронили ее на Охтинском кладбище. Никогда не забуду эти

похороны. Во время них началась одна из первых бомбежек города. Пришедшие проводить бабушку в последний путь залегли между могилами. А я стояла и смотрела на них и мне казалось, что все тоже умерли, все друзья, знакомые, родственники... Меня кто-то схватил и положил рядом, но у меня перед глазами оставалась эта картина. Вскоре она превратилась в реальность.

Один за другим стали умирать мальчики из нашего двора, когда-то веселые и бесшабашные, затейливые шутники. Их, завернутых в простыни и одеяла, еле передвигая ноги от голода и безразличия, на саночках увозили матери и сестры, мои подруги. Как ужасно было это видеть! Сжималось сердце, глядя в печальные и безучастные лица некогда веселых и жизнерадостных людей.

В первые недели не верилось и не хотелось верить, что это продлится долго. Было желание как можно быстрее вернуться к мирной жизни, для этого я старалась делать все, что

Мама Клавдии - Клавдия Васильевна Ленинград 25 мая 1941 года

Папа Клавдии Керро - Герберт Карлович Ленинград 19 июня 1941 года

могла. В сентябре начались занятия в техникуме. Я училась, занималась общественной работой. Нам преподавали военное дело, учили надевать противогаз, обезвреживать зажигательные бомбы. Чувство страха, которое появилось в первые недели войны, со временем притупилось, мы перестали спускаться в бомбоубежища при объявлении тревоги, а потом уже не хотели туда спускаться из-за отсутствия сил. Мы научились по свисту бомб и снарядов, по звуку самолетов определять «свои» или «чужие», но когда слышали звуки наших самолетов, то ни какой голод не мог сдержать нашу радость. Почти все мои сверстники, и мальчики, и девочки, хотели стать летчиками и защищать свой город.

Зима. Страшные морозы. Обледенелые сугробы. С трудом иду в магазин, чтобы отоварить карточки. Проходя мимо одного из сугробов, я увидела слегка припорошенную снегом, под тонким слоем льда, маску, поразившую необычайной красотой, искусством мастера, создавшего ее: изящно красивое юное лицо с легкой улыбкой и загадочно неземным выражением. В течение нескольких дней, проходя по этой дороге, я останавливалась возле сугроба и рассматривала эту маску, задаваясь вопросом: как она попала сюда? И вдруг страшная догадка осенила меня: ведь это лицо реального человека, замерзшей молодой женщины...

Время шло, снижались продовольственные нормы, а силы убывали еще быстрее. В хлебных магазинах в длинных очередях обреченно и молчаливо стояли замерзающие люди, терпеливо дожидаясь своего крошечного кусочка хлеба, не толкаясь и не пытаясь проскочить вперед. Когда начиналась бомбежка, люди продолжали стоять, соблюдая очередь. Некоторые, присев на корточки на минуточку, уже никогда не поднимались. Несколько раз у меня на глазах в людей, стоящих в очереди за хлебом, попадали осколки разорвавшихся снарядов.

Раненым пытались помочь из последних сил, а убитых могли только обойти...

Наверное, были какие-то страшные ситуации, но мне ни разу не доводилось сталкиваться с паникой или видеть случаи мародерства. Иначе было бы еще страшнее... мне «повезло». А вот столкнуться с подлостью и непорядочностью случалось. Добираться до техникума стало невозможно. На общественных началах я работала в госпитале, в котором работала моя мама. Часто мы оставались ночевать в госпитале. У мамы силы заметно таяли. Однажды, видя, что мне совсем плохо, мама сама собралась пойти за водой к Неве. Как она дошла, не знаю, но когда мама вернулась, ее рассказ потряс меня. Зачерпнув воды и установив ведерко на саночках, мама попыталась подняться по склону набережной, но ей это никак не удавалось, было очень скользко. Вода расплескивалась, сил оставалось все меньше. Вдруг мама увидела на набережной человека, который быстрой походкой двигался по направлению к ней. Это был средних лет мужчина, хорошо одетый и довольно крепкий. Мама обратилась к нему с просьбой подать ей руку и помочь выбраться на дорогу. Мужчина грубо и издевательски ответил: «А не хочешь ли ногу?», и покуривая, стал смотреть на маму. Мама попыталась пристыдить его, но он в бешенстве выхватил пистолет и стал им угрожать маме. На ее счастье, откуда-то появилась женщина, очень плохо одетая, чулки и башмаки подвязаны веревками, сама еле державшаяся на ногах. Женщина тихим, но твердым голосом сказала: «Давайте, милая, руку, я помогу вам». Мужчина сплюнул в сторону женщин, грязно выругался и ушел. Другие случаи я постаралась вычеркнуть из своей памяти. Хороших, порядочных и добрых людей в моей жизни было несоизмеримо больше.

В нашей семье каждый приносил свои продукты домой, и как бы ни хотелось съесть хоть кусочек,

Керро Клавдия (справа) с подругой Татьяной Васильевой 27 апреля 1941 г. Ленинград

отщипнуть крошечку, никто никогда не позволял себе этого сделать. Все продукты мама делила на несколько мизерных порций, но не разрешала съедать все сразу, распределяла продукты по кусочкам на несколько раз в день. Когда от голода уходило сознание, маленький кусочек сахара возвращал к жизни. Из картофелины, горсточки пшена и нескольких капель растительного масла мама варила похлебку. Когда я говорила маме о

своей заветной мечте съесть большой кусок хлеба, мама успокаивала меня и говорила, что придет время, я буду есть пирожные. Тогда это казалось сказкой.

Особенно запомнилась мне встреча нового 1942 года. Еще в начале осени из Колтушей мама привезла мешок картофеля. В доме оставался столярный клей, которым дедушка до войны пользовался в хозяйственных целях, насушенные бабушкой еще в первый месяц войны сухари, на кухне хранилась бутылочка старого растительного масла. Будучи человеком рачительным и волевым, мама сохранила эти бесценные в декабре-январе первой блокадной зимы продукты. Роскошный новогодний ужин состоял из половинки картофелины, жареной на подсолнечном масле, кусочка хлеба, нескольких сухариков и тридцати граммов красного вина. Новогодний тост был за снятие блокады, за скорую встречу с отцом.

Мы очень переживали друг за друга. Засыпая, укутывались всеми имеющимися в доме одеялами, крепко прижавшись друг к другу, мы каждый раз мысленно прощались друг с другом в страхе, что утром кто-то не проснется. Мне казалось, что только я боюсь потерять своих близких, даже не предполагала, что так же думает и мама. Ее энергичный добрый голос, всегда вселяющий надежду, ровный и спокойный, никогда не выдавал ее истинных переживаний и страданий. Спустя много лет я смогла оценить, какого труда стоило маме поддерживать во мне адекватное отношение к происходящему, научить бороться со страхом, растерянностью. Пытаясь отвлечь меня от угнетающих мыслей и заставить как-то двигаться, мама давала мне, на мой взгляд, нелепые поручения: подшить все постельное белье, скатерти, заштопать и починить одежду. На мои недоуменные вопросы зачем все это делать, мама твердо отвечала: «Нам это пригодится». Позднее, когда мы уходили из

нашей квартиры, все эти простыни, скатерти, белье оставались лежать аккуратными стопками на столе. На мой вопрос зачем же все-таки нужно было заниматься этой работой, мама ответила просто: «Чтобы выжить! Чтобы ты была занята работой, чтобы мысли были на чем-то сосредоточены».

У нас дома на стене висела большая карта Советского Союза. Я ежедневно, по сводкам Информбюро, флажками отмечала продвижение наших войск. Как мы радовались любым, даже самым маленьким, победам!

В январе 1942 года от папы пришло письмо. Нас воодушевило сообщение, что папа жив, с ним все хорошо. Но силы нас покидали все больше. В марте покинуть Ленинград и отправиться в эвакуацию по Дороге Жизни мы не рискнули, все ждали прорыва блокады. Не хотелось покидать родной город до последнего момента.

Не знаю, как нам удалось дожить до мая. Потихоньку мама стала собираться в дорогу. В узелки сложила несколько пар белья, по паре платьев, немного отцовских вещей, несколько фотографий и документы. Собрав этот нехитрый багаж, мама слегла. Силы совсем покинули ее. Понимая, что я теряю самого близкого мне человека, я поплелась в исполком нашего района. Не знаю, как добралась до председателя исполкома, помню только, что упала перед ним на колени, не могла вымолвить ни слова, только слезы ручьем лились из глаз. Он поднял меня с колен, стал успокаивать. Кое-как справилась с собой, стала умолять его помочь маме, отправить нас на Большую землю. Спасибо этому человеку, он дал слово, что отправит нас первым пробным эшелоном через Ладогу, сам будет присутствовать при отправке на Финляндском вокзале. Свое слово он сдержал, и 27 мая 1942 года сто смельчаков, среди которых были мы с мамой, отправились в эвакуацию. На Финляндском вокзале нас нашел (не забыл!) председатель исполкома, пожелал спокойной

дороги и здоровья, попрощался...
Все оставив в квартире, отдали ключи соседям и, шатаясь, едва держась на ногах, вышли из дома. На столе остались стоять чашки из-под только что выпитого «чая»...
Такой и осталась в памяти наша квартира. Папа скончался 13 января 1943 года. Когда мы вернулись в Ленинград после прорыва блокады, нашего дома уже не было, он был сломан зимой 1943 года, а вещи все пропали. Мы с мамой после эвакуации работали на Машиностроительном заводе № 7, мама финансистом, а я - фрезеровщицей. После рабочей смены на заводе восстанавливали город. Ленинград навсегда остался для меня самым прекрасным и замечательным городом на Земле. Когда я бываю в родном городе, то забываю о своих проблемах и хворях. Низко кланяюсь всем тем, кто сохранил в себе лучшие человеческие качества, помог выжить многим людям и выстоять в суровых испытаниях и лишениях.

Керро
Клавдия
октябрь
1946 г.

СТАГАНОВИЧ (Захарова) Нина Ивановна

10.12.1939 г.р.

Когда началась война, мне было всего полтора года, но война была слишком долгой, поэтому у меня тоже есть свои воспоминания. И еще есть воспоминания моей мамы.

В первый день войны мама пошла в магазин. Хотела купить продукты про запас, но магазины были уже пусты. Так закончилось сытое детство. Питались травой и отрубями, но траву еще нужно было где-то нарвать. Однажды маме дали талоны на траву. Женщин отвезли в поле, где мама нарвала два мешка травы. Приехала домой, наготовила котлет. И тут она поняла, что эта трава с братских могил. Маме сделалось плохо, но ни отцу, ни мне она не сказала причины, ей очень хотелось, чтобы мы были сыты.

Отца на фронт не взяли, у него не было пальцев на левой руке. Папа был на оборонных работах, где его тяжело ранило во время очередного обстрела.

От голода я была очень слаба, и в один из дней уже не смогла самостоятельно подняться на ноги. Оттуда, из далекой блокады, корни моих сегодняшних проблем со здоровьем. Я инвалид. В блокадном Ленинграде мы прожили все 900 дней и ночей.

Все мое детство ушло на стояние в очередях, поэтому с военного времени у меня отвращение к ним. Однажды мы с мамой стояли в очереди за картошкой. Картофель заканчивался, люди в очереди стали роптать и требовать, чтобы давали только взрослым. Для нас с мамой это означало, что мы получим всего пять килограммов, и следующий день опять придется провести в какой-нибудь очереди за продуктами. Мама потихоньку передала мне сумку и деньги, шепнула, чтобы я правильно

отвечала на вопросы и говорила, что я стою одна, без мамы, которая, якобы, осталась дома. Так нам удалось купить не пять, а десять килограммов картошки.

Были и радостные минуты в моем детстве. Каждый день в десять часов утра я слушала детские радиопередачи, свои рассказы о природе читал Виталий Бианки. Но больше всего я любила слушать передачи, которые вела Мария Григорьевна Петрова. Самое светлое воспоминание у меня связано с победой. Мы жили на углу Кировского проспекта и Карповки. Из окон нашей квартиры мы смотрели, как в мае 1945 года от Кировского моста к Каменноостровскому шли войска. Войска-победители! Как их встречали! Сколько к их ногам было брошено цветов! Сколько пролито слез радости!

2004 год. Почти Шестьдесят лет спустя. Ректор Института экономики и управления, профессор, действительный член-академик Международной академии биосферных наук

БАРАБАНЕР
Ханон Зеликович

30.07.1933 г.р.

Я - ленинградец. Блокадник. До войны отец был преподавателем в Военной академии,

мама работала бухгалтером. Кроме меня в семье была сестренка 1940 года рождения. Несмотря на то, что прошло так много лет, годы блокады помнятся отчетливо. Помню первую массированную бомбежку. Было это 8 сентября 1941 года. В этот же день сомкнулось немецкое кольцо вокруг Ленинграда. Жили мы на Лиговке в Московском районе. Именно на наш район упало тогда наибольшее количество бомб. Как мы потом узнали - более пяти тысяч. Все кругом было в огне. Недалеко от нас располагались знаменитые Бадаевские склады, основные хранилища продуктов Ленинграда.

Помню, как проводилась кампания принудительного вывоза ленинградских детей в глубь страны, но мама не отдала меня, спрятала. Мало кто знает об этой страшной трагедии. Вывезенные дети частично попали под бомбежку, частично прямиком к немцам. Большинство из них погибли. Помню, как все меньше и меньше становился хлебный паек, и как все время хотелось есть. У нас дома было печное отопление. Дрова уже в ноябре кончились. В ход пошла огромная папина библиотека, но хватило ее ненадолго. Спали мы в одежде, все вместе - мама, я, сестренка. В декабре начались перебои с водой. За водой мы ходили на Обводный канал, а канал этот частично принимал городские отходы.

Школа не работала. В начале сентября учеба проходила в бомбоубежище, а потом она вообще прекратилась. Впоследствии многое из школьных премудростей пришлось наверстывать.

В январе 1942 года совсем слегла мама, у нее началась острая дистрофия. Она почти полностью скармливала свой паек сестренке и мне. Я в неполных девять лет стал старшим. Большим счастьем было то, что иногда с фронта приходил отец. Его часть держала оборону очень близко от черты города. Приносил что-то из своего скудного

военного пайка.

Бомбежки стали обычным явлением. Вначале от них уходили в бомбоубежище, потом перестали. Уже знали, если в дом попадет бомба, бомбоубежище не спасет. Пока его откопают, люди задохнутся. Очень «досаждали» артобстрелы. Стреляли немцы достаточно прицельно, они знали, где какие объекты.

Напротив нашего дома находилась фабрика «Союз». Многие ее знают как знаменитую производительницу авторучек, но во время войны там изготавливали различные боеприпасы. Обстреливали фабрику почти ежедневно. Однажды снаряд попал в нашу квартиру. Нам повезло, нас в это время не было дома. С января на улицах стало все больше и больше появляться трупов. Вначале было страшно. Потом страх как-то притупился. Хорошо помню, как весной 1942 года стал свидетелем того, как женщины почти насмерть забили немецкого летчика, выбросившегося с парашютом из подбитого самолета. Били молча. Тогда я впервые видел, как бьют ногами. Молчали, чтобы милиция не услышала и не отобрала немца. Все-таки его успели отобрать живым.

Никогда не забуду свою первую зажигалку (зажигательную бомбу). Было это в 1943 году. Мы с мальчишками во время бомбежек забирались на чердак дома, где были песок, клещи, ломы, лопаты. Вначале там дежурили взрослые. Потом их не стало. Дежурили мы. Зажигалки были небольшие, только страшно шипели, почти как большие бенгальские огни. Первую зажигалку я обезвредил вместе с моим товарищем, позднее погибшим. Потом доводилось и единолично совершать «подвиги». В 1943 году школьные учителя стали собирать ребят, организовывать концертные бригады для выступлений в госпиталях.

Прошли многие десятилетия. В памяти осталось очень многое из того, что пришлось пережить

нашему блокадному поколению. Передо мной лежит «Блокадный дневник» - книга, составленная из рассказов жителей блокадного Ленинграда, членов Таллинского Общества жителей блокадного Ленинграда. В книге без пафоса, лакировки, литературного приукрашивания они вспоминают, как с оружием в руках обороняли город, как падая в голодный обморок, работали на оборонных заводах и в госпиталях. Есть в книге воспоминания детей блокадного Ленинграда, рано повзрослевших, деливших со взрослыми голод и холод, помогавших взрослым всем, чем могли. Книга эта - вклад в историю блокадного Ленинграда. Подлинную историю. Сегодня очень важна именно эта подлинность. Не секрет, что появилось немалое количество «новых историков», пытающихся с цинизмом невежд перекроить историю блокады, осквернить ее. Используя в основном материалы геббельсовского министерства пропаганды фашистской Германии, они пытаются доказать, что не было героизма - был только страх, не было угрозы уничтожения города - было только бессмысленное сопротивление, навязанное комиссарами. Процитируем один из таких «источников»: «Настроение советских войск очень плохое. Насильно загнанные в рабочие отряды и в отряды гражданской обороны рабочие удерживаются там только благодаря невообразимому страху перед комиссарами. Настроение населения под влиянием жестоких ограничений в продовольственном снабжении, а также общего военного положения чрезвычайно подавленное». Подобные источники и берут за основу перекройщики истории. А вот цитата из письма немецкого солдата домой: «Что творится? Русские как фанатики. Они бьются за каждый метр земли. Мы не только не можем форсировать эту реку (Неву), нас отбрасывают от нее, прижимают к земле, не дают выпрямиться. Такого ада мы не видели в Европе».

8 сентября 1941 года гитлеровские войска захватили Шлиссельбург. Ленинград оказался в блокаде. К этому дню в нем находилось 2 миллиона 544 тысячи жителей. И практически каждый из них сражался за родной город. Вот что писал в эти дни Дмитрий Шостакович: «До этого я знал лишь мирный труд. Ныне я готов взять в руки оружие. Я знаю, что фашизм и конец культуры, конец цивилизации однозначны. Историческая победа фашизма нелепа и невозможна, но я знаю, что спасти человечество от гибели можно только сражаясь».

Доказывая бессмысленность обороны города, «новые историки» утверждают, что самому городу ничего не грозило, что его следовало, как Париж, сдать на милость немцам и тем самым уберечь от разрушений. А вот правда: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После падения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта. Предложено тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и беспрерывной бомбежки с воздуха сравнять его с землей» (Директива немецкого военно-морского штаба за номером 1601/41 от 22 сентября 1941 года). Блокада Ленинграда продолжалась почти 900 дней. 900 дней героической обороны. Полтора миллиона погибших. И не сдавшийся город, который стал символом мужества, героизма, верности Родине. Символом победы духа над грубой силой. 27 января 1944 года блокада Ленинграда была снята. Отдавая дань героизму Ленинграда, главный артиллерийский салют в ознаменование этого события был произведен не в Москве - столице страны (и это исключительный случай!), а непосредственно в Ленинграде. Залпы ленинградского салюта отозвались радостью в сердцах миллионов людей во всем мире. «Все свободные и все порабощенные гитлеровцами народы понимают, - писала английская газета

«Стар», - какую роль сыграл разгром немцев под Ленинградом для ослабления нацистской мощи. Ленинград давно уже завоевал себе место среди городов-героев нынешней войны. Битва под Ленинградом посеяла тревогу среди немцев. Она дала им почувствовать, что они лишь временные хозяева Парижа, Брюсселя, Амстердама, Варшавы, Осло». Газета «Нью-Йорк Тайм»: «Вряд ли в истории можно найти пример такой выдержки, которую проявили в течение столь длительного времени ленинградцы. Их подвиг будет записан в анналы истории как своего рода героический миф. Ленинград воплощает непобедимый дух России».

Президент США Франклин Рузвельт от имени американского народа направил Ленинграду специальную грамоту «в память о его доблестных воинах и его верных мужчинах, женщинах и детях, которые, будучи изолированными захватчиком от остальной части своего народа, успешно защищали свой родной город и символизировали этим неустрашимый дух народов Союза Советских Социалистических Республик и всех народов, сопротивляющихся силам агрессии».

«Блокадный дневник» - это документ истории, написанный теми, кто делал эту историю.

Поклонимся им.

Странички из дневника Таллинского Общества жителей блокадного Ленинграда

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

5 апреля 1943 г.
СЕКРЕТНО.

Из отчета
Городского управления предприятиями
коммунального обслуживания
по работе за год войны
с июня 1941 по июнь 1942 г.

ПОХОРОННОЕ ДЕЛО

Организация и проведение захоронений трупов людей в городе возложены на трест "Похоронное дело", подчиненный управлению. Захоронение проводилось на 11 находящихся в ведении треста действующих городских кладбищах.

За первое полугодие 1941 г. трестом "Похоронное дело" было захоронено 18909 покойников, что составляет в среднем в день 105.

К началу войны кладбища обслуживали 109 могильщиков, 64 уборщика и 77 сторожей.

Работа по захоронению протекала нормально без каких-либо затруднений.

Одновременно с этим, еще в мирное время, штабом МПВО города через управление на трест "Похоронное дело" были возложены разработка и проведение мероприятий по уборке и транспортировке из очагов поражения на кладбища, оформление и захоронение трупов людей, ставших жертвами воздушных бомбардировок и артобстрелов.

Но, кроме наметок по формированию при тресте "Похоронное дело" специального отряда из автомашин треста и работников кладбищ для уборки из очагов поражения трупов людей и транспортировки их на кладбища, в мирное время ничего сделано не было.

Начало Отечественной войны и приближение войск противника к городу Ленинграду заставили трест и управление срочно проводить ряд мероприятий по подготовке к транспортировке из очагов поражения на кладбища трупов людей, оформлению на них документов и захоронению.

В июле 1941 г. по требованию управления и треста последнему Архитектурно-планировочным управлением исполкома Ленгорсовета были отведены земельные участки для нужд захоронения возможных жертв

вражеских бомбардировок и артобстрелов в следующих местах:

1. Правый берег Невы - у Веселого Поселка - Володарский район.
2. Старая Деревня - севернее Серафимовского кладбища - Приморский район.
3. Куракина дорога - у ст. Купчино - Московский район
4. Краснокабацкое шоссе - Кировский район.
5. Восточнее Богословского кладбища - Красногвардейский район.
6. Большая Охта - восточнее Большеохтинского кладбища - Красногвардейский район.
7. Волкова деревня - юго-западнее Татарского кладбища - Московский район.
8. Остров Декабристов - от набережной реки Смоленки - Василеостровский район.

В течение июля и первой половины августа 1941 г. трестом "Похоронное дело" на первых 6 вновь отведенных земельных участках были хозяйственным способом построены легкого типа дощатые морги. Они предназначались для хранения трупов людей с момента доставки их из очагов поражения до захоронения.

С момента начала строительства моргов, т. е. с первых чисел июля 1941 г., и до первых чисел ноября 1941 г. силами рабочих треста "Похоронное дело", а частично и силами рабочих, привлеченных исполкомами райсоветов депутатов трудящихся, на отведенных земельных участках было вырыто 280 траншей размером 20х2,5х1,7 метров. Более значительный запас траншей был вырыт на спецплощадках у Большеохтинского кладбища и на острове Декабристов.

В первые дни Отечественной войны при управлении трестом "Похоронное дело" из рабочих предприятий последнего был сформирован отряд в количестве 21 человека с приданными ему 4 автобусами. С начала Отечественной войны период с 22 июня по 8 сентября 1941 г. был напряженным организационно-подготовительным периодом к противовоздушной обороне города во всех областях, в том числе и в области захоронения. Начавшаяся 8 сентября 1941 г. систематическая бомбардировка, а позже и артиллерийские обстрелы города сопровождались разрушениями и человеческими жертвами.

С этого времени начинается напряженная работа отряда треста "Похоронное дело". Команды отряда по указанию своего постоянного представителя при медико-санитарной службе штаба МПВО города круглосуточно выезжают в очаги поражения, убирают трупы людей - жертв бомбардировок и артобстрелов, транспортируют их в морги на спецплощадки, где трупы раскладывались на топчаны и, в соответствии с инструкцией, утвержденной штабом МПВО города, хранились в течение 48 часов для опознания родственниками.

В первый период бомбардировок и артиллерийских обстрелов 80-85 % трупов, доставляемых в морги из очагов поражения, опознавались родственниками и хоронились в обычном индивидуальном порядке на кладбищах города. Неопознанные трупы по истечении 48 часов фотографировались представителем соответствующего отделения милиции, прикомандированным к моргам, оформлялись составлением актов опознания, на основании актов представителя милиции и врачей оформлялись. свидетельства о смерти в ЗАГСах, после чего такие трупы работниками кладбищ, прикомандированными к спецплощадкам, захоранивались в траншеи. Над каждым захороненным в траншее устанавливалась деревянная, окрашенная в красный цвет колонка, на которой писалась фамилия захороненного, а при невозможности установить личность писалось - "Неизвестный".

Морги, построенные на спецплощадках, куда трупы людей, ставших жертвами вражеских бомбардировок и артобстрелов, доставлялись со всех очагов поражений в основном транспортом отряда треста "Похоронное дело", представляли собой жуткое зрелище. Здесь можно было видеть изуродованные, обезображенные трупы людей, части трупов, т. е. оторванные головы, ноги, руки, размозженные черепа, трупы грудных детей, трупы женщин с крепко обнятыми в агонии смерти трупиками грудных и других возрастов детей. В моргах с утра до наступления темноты бродили люди с унылыми, озлобленными лицами и искали: родители - погибших детей, дети - погибших родителей, братья - сестер, сестры - братьев и просто знакомых.

По мере нарастания бомбардировок росло и число захоронений из месяца в месяц, о чем говорят нижеприведенные цифры:
июль 1941 г. - 3688 захоронений
август 1941 г. - 5090
сентябрь 1941 г. - 7820
октябрь 1941 г. - 9355
ноябрь 1941 г. - 11401
Несмотря на значительный из месяца в месяц рост захоронений в городе за счет жертв вражеских бомбардировок и артобстрелов, трест "Похоронное дело" до декабря 1941 г. удовлетворительно справлялся с захоронениями. Правда, встречались затруднения в удовлетворении спроса населения на гробы, т. к. столярно-веночная мастерская треста (по своей производственной мощности и в связи с призывом в РККА части мужчин-мастеров) не в состоянии была удовлетворить быстро растущие запросы населения на этот вид изделий. Но выпускаемые предприятиями Ленбумтреста и мастерскими треста "Похоронное дело" 350 гробов [в сутки] ни в какой степени не удовлетворяли спроса; в особенности спрос повысился в первых числах декабря, что вынудило обязать председателей исполкомов райсоветов организовать на предприятиях и в районных мастерских производство простейшего типа гробов и выпускать их в продажу населению не менее 15 штук в день по каждому району.
Продолжающаяся со второй половины августа 1941 г. вражеская блокада города, отсутствие подвоза продовольствия вынудили ввести в ноябре 1941 г. норму выдачи так называемого хлеба по рабочей продовольственной карточке 250 и по служащей 125 граммов на человека в сутки при том условии, что других продуктов почти никаких не выдавалось. Это положение со снабжением населения города хлебом и другими продуктами не замедлило сказаться на небывалом росте смертности. В дополнение к непрекращающимся вражеским бомбардировкам и ежедневным артиллерийским обстрелам, вырывавшим ежедневно из рядов героически обороняющих свой любимый город ленинградцев десятки и сотни жизней, в декабре на город и его население надвинулся страшный призрак голода. Уже в начале декабря в городе все чаще и чаще

можно было встретить людей истощенных, с опухшими лицами, отекшими ногами и замедленной, неверной походкой, опирающихся при ходьбе на палочки. Наблюдались нередко случаи, когда люди разных возрастов, нередко молодые мужчины, без всякой видимой внешней причины падали на мостовых и панелях и не в состоянии были без посторонней помощи подняться. Некоторые из них поднимались и плелись дальше, не реагируя уже ни на что окружающее - людей, двигающийся транспорт, артиллерийские обстрелы, а частично тут же на улице умирали, а их трупы некоторое время оставались лежать здесь же на улице, пока представитель милиции при помощи дворников или других лиц не уберет во двор дома, где они часто лежали длительное время, и затем поодиночке или по несколько на саночках. грузовых тачках, автомашинах [их отправляли] в ближайшую покойницкую больницы, а в конце декабря, когда покойницкие больниц оказались переполненными и отказывались принимать трупы, ночью они просто подбрасывались к ближайшим больницам и поликлиникам, на улицы и площади. Смертность среди населения города на почве истощения от голода, суровых холодов, отсутствия дров в декабре 1941 г. резко возросла и, по неполным данным треста "Похоронное дело", достигла 42050 человек, что по отношению к смертности ноября 1941 г. составило рост на 247 %.

Аппарат треста "Похоронное дело" с его персоналом кладбищ и контор оказался совершенно неподготовленным к проведению работ по захоронению в таких небывало больших масштабах по причинам:

а) объем работ по транспортировке трупов и их захоронению оказался небывало велик, неожиданно, внепланово выпал на долю треста;

б) в аппарате треста не были укомплектованы должности заместителя управляющего трестом, начальника транспортной конторы; главный инженер управления треста Садофьев, заведующий конторой эксплуатации кладбищ Пионтковский и ряд других работников вышли из строя, ввиду заболевания на почве истощения;

в) могильщики кладбищ, которых на 1 декабря 1941 г. состояло по списку 109 человек, - это люди, выполнявшие большую физическую работу по рытью могил, много кушавшие и выпивавшие водки и пива, очутившись на пайке 250 граммов

хлеба, в первых числах декабря, за исключением единиц, оказались больными на почве истощения, неспособными работать и 46 человек из них впоследствии умерли;
г) транспорт треста не был рассчитан на такой объем транспортировки трупов, который нужно было выполнять в декабре;
д) подготовленные по плану МПВО осенью траншеи, никак не рассчитанные на декабрьскую смертность, были в несколько первых дней декабря полностью использованы.
А смертность среди населения города с каждым днем все возрастала и возрастала, транспорт треста не только совсем отказался от удовлетворения запросов населения на транспортировку покойников из города на кладбища, но далеко не справлялся с вывозом трупов из больниц, госпиталей, эвакопунктов и других мест. Далеко не удовлетворялся и не мог быть удовлетворен спрос населения на гробы. Население вынуждено было прибегать к частным способам изготовления гробов, чем воспользовались спекулянты и мародеры, требовавшие от заказчика хлеб и другие продукты, и люди, сами голодавшие, но желавшие отдать последний долг умершему близкому человеку, за изготовление гроба отдавали свои последние крохи хлеба или карточки умерших, а те, кто не имел хлеба для уплаты за изготовление гроба, или сами сколачивали ящик из дверей, старых досок, фанеры, или просто труп покойника зашивали в простынь, одеяло (куклой). Этот, последний способ, как самый легкий и простой, особенно широко применялся. Только в одиночных случаях населению удавалось воспользоваться транспортом учреждений и предприятий для транспортировки покойников на кладбища, а в основном покойники транспортировались на саночках, ручных тележках, детских колясках, на листах фанеры и т. д. По городу двигалось множество своеобразных похоронных процессий, а на уличных магистралях, ведущих непосредственно к кладбищам (Смольный пр., Георгиевская ул., Новодеревенская ул., 16-17-я линии Васильевского острова и др.), они представляли сплошную вереницу. Тяжелое впечатление производили они на население города. В густой дымке трескучих морозов закутанные человеческие фигуры медленно и молча с сумочками-авоськами двигались по улицам осажденного, непокоренного города, волоча за собой саночки, фанерные листы с уложенными на них в самодельных гробах, ящиках или зашитыми в одеяла или простыни одним или несколькими покойниками, а иногда, толкая перед собой ручную тележку с покойником, подпрыгивающим на ней, или двигающие перед собой детскую колясочку с покойником, зашитым в одеяло-простынь и усаженным в нее.

Перед входами на кладбища скопились сотни людей, саночек, тележек, автомашин, детских колясок.
Конторки кладбищ были битком набиты людьми. Здесь люди ожидали оформления документов, искали кого-либо из работников кладбищ для отвода места под захоронение, но не находили их, так как их было очень мало, да и те были заняты массовым траншейным захоронением. Здесь же толпились так называемые кладбищенские "волки" с ломами, лопатами, топорами и кувалдами. Эти люди, пользующиеся бедствием других, их бессилием, отсутствием на кладбищах штатных могильщиков, за хлеб, крупу, табак, водку, продовольственные карточки нанимались рыть могилы, продавая их готовыми, но поскольку надзора за их работой со стороны администрации кладбищ не было, а граждане, доставившие покойника, усталые и озябшие, не всегда могли ждать конца захоронения покойников, то "волки" в отдельных случаях бросали незахороненных покойников на кладбище, иногда отрывали неглубокие ямки-могилы, ставили гроб или укладывали "куклу" (покойник, зашитый в одеяло или простынь), прикрывали его несколько землей или просто снегом и считали свое дело сделанным.
Граждане, доставившие на кладбище покойника с благими намерениями - своими силами вырыть могилу и захоронить, получали место или просто сами выбирали его, начинали рыть могилу, но в силу того, что земля промерзла на один-полтора метра, [а] у них отсутствовал нужный инструмент и физическая сила, вырывали незначительную ямку, прикрывали незначительным слоем земли или снега и уходили, а некоторые просто, попробовав рыть могилу (что было очень трудно), бросали на кладбище покойника и уходили.
С половины декабря 1941 г. кладбища, особенно Серафимовское, Болыпеохтинское и Волково, представляли такую картину: перед воротами кладбищ прямо на улице, на самих кладбищах у контор, церквей, на дорожках, в канавах, на могилах и между ними десятками, а иногда и сотнями, лежали оставленные покойники в гробах и без них; их постепенно работники кладбищ и привлеченные убирали, хоронили в траншеях, но покойников продолжали подбрасывать, и это зрелище оставалось до марта.
В январе и феврале смертность росла, а люди еще больше физически слабели от истощения, а в связи с этим сокращалось и индивидуальное захоронение, транспортировка покойников на кладбища самим населением. Уже в декабре транспорт треста "Похоронное дело" явно не справлялся с вывозом трупов умерших людей из госпиталей, больниц, эвакопунктов и других мест.

К 19 декабря их накопилось в городе больше 7 тысяч. Еще в первой декаде декабря в больнице им. 25-летия Октября прямо во дворе и у забора на территории Троицкого колхозного рынка в штабелях открыто лежало несколько сот трупов.

По этому вопросу 19 декабря было созвано совещание у заместителя начальника Управления НКВД по Ленинградской области. На совещании было установлено, что в городе имеется более 7 тыс. невывезенных трупов. Совещание решило организовать срочную вывозку трупов на кладбища автотранспортом МПВО города, 4-го полка НКВД, управления милиции и трестов "Похоронное дело" и уличной очистки. Между этими организациями были распределены больницы, госпитали, эвакопункты, где имелись трупы, и утром, сразу по окончании совещания, было приступлено к работе. Для вывозки трупов были привлечены 3 пятитонных автомашины 2-й автобазы треста уличной очистки и 3 автомашины треста "Похоронное дело", а для погрузки на автомашины и выгрузки трупов было выделено 50 человек - бойцов МПВО. С 19 по 25 декабря включительно был вывезен 4591 труп. Если удалось несколько очистить город от завала трупов, хотя и не на продолжительное время, то значительно усугубилось положение на кладбищах. На кладбищах не было свободных траншей, трупы хоронить было некуда, и они складывались в штабеля на кладбищах: Волковом, Серафимовском, Богословском, Большеохтинском и острове Декабристов. Траншеи, подготовленные летом и осенью, оказались уже заполненными, а 270 рабочих, мобилизованных исполкомами райсоветов в распоряжение треста, согласно решению СЗ исполкома от 6 декабря 1941 г. № 852-с для рытья траншей на правом берегу Невы у Веселого Поселка, на острове Декабристов и кладбищах: Волковском, Большеохтинском и Пискаревском не дали положительных результатов.

Проведенная в первой половине декабря работа по захоронению показала, что ее масштабы из ведомственных рамок треста "Похоронное дело" переросли в общегородскую проблему, которую нельзя было разрешить без непосредственного участия исполкомов райсоветов в этой работе, без привлечения к ней стройорганизаций с их механизмами и формирований МПВО как физически здоровой силы и

как специалистов подрывников. 25 декабря 1941 г. СЗ исполкома приняло решение по вопросу упорядочения работы городских кладбищ, в котором отметило, что городские кладбища находятся в явно удовлетворительном состоянии. Этим решением был снят с работы как необеспечивший нормальную работу треста управляющий Кошман, а также намечены конкретные меры по упорядочению работы кладбищ, а именно:

а) председателям райсоветов, в районах которых расположены кладбища, было предложено в течение двух дней навести полный порядок на кладбищах, закончив очищение моргов и захоронение всех незахороненных трупов, установлены санитарные нормы по захоронению и председатели предупреждены, что они будут лично отвечать за допущение в дальнейшем на кладбищах незахороненных трупов;

б) предложено начальнику городской милиции запретить перевозку трупов по городу без гробов, установив, что все трупы должны сдаваться в районные морги, а оттуда организованно транспортироваться на кладбища; очистить кладбища от случайных могильщиков (спекулянтов), привлекать злостных из них к уголовной ответственности;

в) председателям исполкомов, райсоветов и УПКО предложено навести порядок в организации работы кладбищ и превратить ломку населением на кладбищах крестов и оград;

г) было разрешено производить массовое захоронение на нижеследующих новых участках: при Большеохтинском, Серафимовском, Богословском и за Татарским кладбищах, на острое Декабристов и у Веселого Поселка;

д) предложено УПКО передать стройконтору треста зеленого строительства тресту "Похоронное дело" для производства работ по рытью траншей;

е) обязаны были начальники УЖС тов. Дроздов и УКБС т. Кутин выделить в распоряжение УПКО на арендных началах 4 вполне исправных экскаватора с необходимым персоналом для рытья траншей;

ж) до 28 декабря 1941 г. председателям исполкомов райсоветов было предложено организовать районные морги для сбора в них трупов, оформления документации и транспортировки на кладбища для захоронения средствами райсоветов;
з) в целях недопущения скопления трупов в больницах и госпиталях горздравотделу было предложено установить минимальный срок оформления документов, а УПКО по оформлению в течение суток вывозить трупы на кладбища для захоронения;
и) как временная мера, было разрешено производить захоронение трупов из больниц и госпиталей по спискам, составленным ими, с последующим оформлением через ЗАГС;
к) штат могильщиков на городских кладбищах доведен до 200 единиц, введены должности заместителей заведующих кладбищами, пересмотрены в сторону повышения ставки зарплаты руководящим работникам кладбищ и повышены расценки оплаты могильщикам за рытье могил.
Принятые и проведенные в жизнь мероприятия на короткий период улучшили дело захоронений на городских кладбищах, но поскольку количество покойников, поступающих на кладбища в январе 1942 г., возросло в два с лишним раза против декабря 1941 г., [эти мероприятия] оказались недостаточными и не обеспечили своевременного захоронения поступающих трупов. Смертность неуклонно росла, а население слабло от истощения, вся тяжесть по захоронению ложилась на трест и исполкомы райсоветов. Если в декабре еще значительную часть умерших транспортировало на кладбища население, то в январе это резко сократилось. Приняло большие размеры такое явление, когда покойников стали в массовом порядке подбрасывать к больницам, поликлиникам, выбрасывать на лестницы, во дворы и даже на улицы города. Организации и предприятия вывозили из города трупы умерших людей и, боясь, что администрация кладбищ их не примет из-за отсутствия документов, сваливали трупы незаметно для сторожей на кладбищах или на улицах вблизи них. На Кременчугской улице у наружных дверей покойницкой больницы им. Боткина ежедневно беспорядочно в куче лежали подброшенные покойники. Кроме того, их можно было часто по утрам видеть выброшенными к воротам домов, на лестницах. При подъезде к кладбищам на дорогах, в канавах, в кустах валялись брошенные трупы людей, их можно было встретить и

на свалках, вывезенными вместе с мусором - это имело место на дороге, идущей от Богословского кладбища на Пискаревскую дорогу.

В январе опять незахороненные трупы накапливались в городе и на кладбищах, хотя к этому времени на кладбищах стало больше порядка, так как исполкомы райсоветов вплотную занялись кладбищами, прикрепили для руководства работами на них ответственных работников.

Поскольку отсутствие нужного количества траншей для массового захоронения все время являлось тормозом, а 4 экскаватора типа "Комсомолец", выделенных по решению исполкома Ленгорсовета от 25 декабря 1941 г. управлениями жилищного и культурно-бытового строительства, себя в работе по рытью траншей не оправдали, горком ВКП(б) и Ленгорисполком обязали 20 января 1942 г. 5-е особое строительное управление (Союзэкскавация), располагающее мощными экскаваторами типа "АК" и опытными квалифицированными кадрами, приступить к работам по рытью траншей на Пискаревском кладбище. Это управление во главе с т. Чернышевым приступило к работам и успешно их провело. Пискаревское кладбище, как новое, располагающее значительным земельным участком, явилось основным местом для массового захоронения. Здесь на протяжении с 16 декабря 1941 г. по 1 мая 1942 г. вырыто и захоронено 129 траншей, не считая воинской площадки. На данном кладбище есть 6 траншей 4-5 метров глубиной, 6 метров шириной и до 180 метров длиной, которые вместили по 20 с лишним тысяч трупов каждая. По неподдающимся проверке данным, на этом кладбище только за два с половиной месяца, т. е. с 1 января по 15 марта 1942 г., похоронено около 200 тыс. покойников, а всего с декабря 1941 г. по 1 июня 1942 г.- 371 428.

Последние дни января и февраль были периодом, когда количество захоронений достигло наивысшей точки. В больницах, госпиталях, на эвакопунктах и в районных моргах опять скопилось большое количество трупов. Нужны были чрезвычайные меры, и исполком Ленгорсовета решением от 2 февраля 1942 г, № 72-с обязал:

1. Председателей исполкомов райсоветов, УПКО и начальника МПВО города генерал-майора Лагуткина в пятидневный срок произвести вывозку трупов из районных моргов, больниц, госпиталей и их захоронение на городских кладбищах.
2. Ежедневно выделять для вывозки трупов следующее количество больших грузовых машин с прицепами: АТУЛ - 10 машин, МПВО - 15 машин, УПКО - 5 машин, исполкомы райсоветов - не менее 2 машин в сутки каждый.
3. Начальника МПВО города генерал-майора Лагуткина -

закрепить за машинами АТУЛа и УПКО 100 бойцов МПВО для погрузки и выгрузки трупов.
4. Установить водителям автомашин и рабочим по перевозке трупов дополнительно за каждую вторую и последующие поездки по 100 граммов хлеба, 50 граммов водки или 100 граммов вина, а рабочим, работающим по приему, отправке и захоронению трупов, дополнительно по 100 граммов хлеба и 100 граммов водки или вина в день. Этот пункт решения исполкома 2 февраля 1942 г. был утвержден постановлением Военного совета фронта.
5. Обязать генерал-майора Лагуткина выделять для повседневной работы на спецплощадку острова Декабристов, на Серафимовское и Богословское кладбища бойцов МПВО города, обеспечивающих полное захоронение всех поступающих трупов.
Трестом были установлены нормы погрузки трупов на каждую автомашину в зависимости от тоннажа, т. е. на 5-тонную - 100, на 3-тонную - 60, полуторатонную - 40 трупов.
Приведенным решением исполкома Ленгорсовета от 2 февраля 1942 г. успешно разрешался вопрос вывоза из города трупов на кладбища, но не решался вопрос захоронения, так как нужного количества готовых траншей не было, несмотря на хорошо проведенную 5-м ОСУ работу по рытью траншей. Экскаваторы работали круглые сутки при морозах, достигавших - 30 и больше градусов.
В течение значительного количества дней февраля только на Пискаревское кладбище привозили для захоронения 6 -7 тыс. трупов в сутки. В связи с дополнительной прогрессивной выдачей хлеба и водки за вывозку трупов автомашины использовались очень интенсивно. Можно было наблюдать двигавшиеся по городу 5-тонные автомашины, нагруженные навалом трупами людей в полтора раза выше бортов автомашины, плохо прикрытыми, а наверху сидели 5-6 человек рабочих. Вопрос вывоза трупов был разрешен положительно.
Кроме работавших экскаваторов, на кладбищах города в феврале 1942 г. работало около 4000 человек ежедневно. Это были бойцы МПВО, работавшие на Серафимовском, Богословском, Большеохтинском кладбищах и спецплощадке острова Декабристов. Специальные команды МПВО и 4-го полка НКВД производили подрывные работы, от которых на таких кладбищах как Серафимовское и Пискаревское, круглые сутки гремела канонада взрывов. Остальные бойцы,

рабочие и служащие после подрыва вручную рыли траншеи, укладывали в них покойников, вынимая из гробов (так как захоронение в гробах в траншеи занимало много места, а траншей не хватало), зарывали траншеи, заполненные покойниками. Несмотря на такие масштабы работы по рытью траншей, их все же недоставало. Нужны были срочные меры по решению вопроса с захоронением. Вырыть требовавшееся количество траншей в короткий срок было невозможно, копить трупы в городе и на кладбищах было нельзя.
3 февраля 1942 г. исполком Ленгорсовета принял решение об использовании под братскую могилу имевшегося на Богословском кладбище песочного карьера, который был заполнен в течение 5-6 дней 60 тысячами трупов людей. Под захоронение были использованы и бомбовые воронки на Богословском, кладбище, в которые захоронено около 1000 трупов. Позже было решено использовать под захоронение часть противотанкового рва, расположенного рядом с песочным карьером с северной стороны, где было тоже захоронено больше 10 тысяч покойников. На северной окраине Серафимовского кладбища имевшиеся 18 волчьих ям, подготовленных как противотанковые препятствия, были использованы под захоронение, и в них было похоронено около 15 000 трупов. Но темпы поступления на кладбища трупов значительно обгоняли быстро нарастающие темпы заготовки траншей, а потому и проведенные мероприятия по использованию под захоронение карьера и волчьих ям не устраняли диспропорции между наличием готовых траншей и завозом на кладбища трупов. На Пискаревском кладбище количество незахороненных трупов, сложенных в штабеля длиною до 180-200 метров и высотою до 2 метров, из-за отсутствия траншей в отдельные дни февраля достигало 20-25 тысяч; на Серафимовском кладбище трупами был забит морг, церковь и часть их лежала просто на кладбище. Штабель трупов, около 5 тысяч, лежал и на Большеохтинском кладбище, там же полностью был заложен трупами морг. На кладбище имени Жертв 9 января в сенном сарае лежало около 3 тысяч незахороненных трупов.
Такое положение на кладбищах длилось до конца февраля 1942 г., т. е. до наступления переломного

момента, когда началось, хотя и медленное, но снижение поступления трупов для захоронения на кладбища, в связи со снижением смертности в городе. В еще худшем, чем город Ленинград, положении в части захоронения находился город Колпино, ввиду непосредственной близости к позициям немецко-фашистских войск. У колпинцев возникла мысль о кремации трупов людей в термических печах Ижорского завода, и исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся решением СЗ от 27 февраля 1942 г. № 140 разрешил исполкому Колпинского райсовета производить сжигание трупов людей в термических печах. Кремация колпинцами трупов людей в термических печах навела на мысль о возможности использования для кремации трупов предприятий города. Такое предприятие было найдено - это 1-й кирпичный завод Управления промышленности строительных материалов, расположенный на Московском шоссе, д. 8.
15 марта 1942 г. в Ленинграде на указанном заводе заработал невиданный в истории и во всем мире крематорий, рожденный мыслью по-фронтовому работавших людей, блокадой и тяжелой обстановкой, в которой находился тогда город. 16 марта 1942 г. крематорий принял и успешно кремировал первые 150 трупов, а 29 марта он довел пропускную способность уже до 880 трупов, 18 апреля 1942 г. он кремировал 1425 трупов за сутки, работая уже на 2 печах. В апреле всего подверглось кремации 22 861 труп, в мае 29 764 трупа, а всего до 1 января 1943 г. кремировано 109 925. В качестве топлива используются дрова и сланец. Работа крематория по сжиганию трупов значительно облегчила дело захоронения и дала возможность в конце марта ликвидировать залежи незахороненных трупов на кладбищах, привести наличие готовых траншей в соответствие с потребностью для захоронения поступающих на кладбища трупов, а с 1 июня 1942 г., благодаря успешной работе крематория и значительному снижению смертности, мы совсем прекратили массовое захоронение трупов людей на кладбищах, и все трупы из больниц, районных моргов и других мест трестом "Похоронное дело" транспортируются в крематорий и предаются кремации. Проведенное в зимних условиях массовое траншейное

захоронение с нарушением по ряду кладбищ санитарных правил при приближении весеннего периода потребовало проведения срочной работы по подбору в первую очередь с кладбищ незахороненных трупов и перезахоронению неправильно захороненных, упорядочения и изменения способа транспортировки трупов.

Приближалась весна и весенне-летнее тепло. Исполком, управление и трест "Похоронное дело" хорошо понимали, что предотвратить возникновение эпидемических заболеваний в результате допущенных санитарных нарушений при захоронении зимой можно было только проведением больших и срочных работ на кладбищах города и в самом городе.

С началом таяния снега на всех кладбищах (особенно много на Волковском, Большеохтинском, Серафимовском и им. Жертв 9-го января) было обнаружено много вытаявших из-под снега гробов с незахороненными трупами. Их нужно было до наступления тепла и разложения убрать, кремировать или захоронить в имевшиеся траншеи. Три дня все работники треста во главе с управляющим т. Чайкиным, работники кладбищ, около тысячи человек рабочих и работниц фабрик и заводов, мобилизованные исполкомами райсоветов, собрали 12900 трупов-"подснежников", как их тогда называли, их вынимали из гробов, грузили на автомашины и направляли в крематорий, а если он не мог принять - на Пискаревское кладбище для захоронения в имевшиеся там подготовленные траншеи. Оставшиеся гробы и другие принадлежности захоронения тут же на кладбищах на кострах сжигались. Весь день на кладбищах пылали костры, и от них подымался сплошной дым.

Если в конце декабря 1941 г., в те тяжелые дни, исполком допустил возможность захоронения трупов из больниц и госпиталей по спискам с последующим оформлением смертей в органах ЗАГСа, чего больницы и госпитали не делали, то с 15 апреля управление категорически запретило тресту и кладбищам принимать трупы к захоронению без свидетельств о смерти, это внесло порядок в дело учета смертности. Весной и летом трупы должны были вывозиться из районных моргов, из больниц, госпиталей и

кремироваться немедленно. Исполком закрепил за трестом "Похоронное дело" 25 автомашин из автотранспортного управления для регулярной вывозки трупов, обязал выделить в каждом районе по одной автомашине в распоряжение районных моргов для сбора из районов трупов и доставки их в районные морги.
В апреле 1942 г. сформирована специальная рота МПВО в 200 человек для погрузки и выгрузки трупов на транспорте, для проведения других срочных работ на кладбищах. Рота размещена в отдельном помещении. Личный состав роты и районных моргов снабжен полностью специальной одеждой и обувью: непроницаемые комбинезоны, резиновые сапоги и перчатки, бойцы роты и работники районных моргов получают дополнительно хлеб и водку.
Снижение смертности, проведенные перечисленные выше мероприятия, хорошая работа крематория обеспечили упорядочение работы районных моргов и возможность гражданам и учреждениям, не имеющим сил и средств для захоронения покойников, сдать их в районный морг.
В городе уже не стало залежей невывезенных, а на кладбищах незахороненных трупов. Только в отдельных местах в городе обнаруживались трупы, о наличии которых узнавали случайно. Так, например, после того как эвакуировался Эрмитаж, в подвалах его здания было обнаружено 109 трупов. Это умирали работники Эрмитажа, а администрация их складывала в подвале и, уезжая, оставила, никому ничего не сказав.
Зимой 1941/42 гг. много индивидуальных захоронений было произведено с грубым нарушением санитарных норм, т. е. на глубине от поверхности земли на 5, 10, 15, 20, 30, 35, 40 и т. д. сантиметров вместо 80 сантиметров.
По приказу управления во второй половине апреля и первой половине мая 1942 г. на всех кладбищах города их работниками под руководством и контролем работников управления треста были обследованы все могилы индивидуального захоронения в осенне-зимний период 1941/42 гг. на предмет выявления могил, где захоронение произведено с нарушением санитарных норм и подлежащих перезахоронению. На основе данных обследования была установлена очередность перезахоронений. Всего за весенне-летний период на

кладбищах города было перезахоронено 9173 индивидуально захороненных покойника.
Наступление весенне-летнего тепла и начало процесса разложения захороненных покойников требовали от управления, треста и работников кладбищ повседневного строгого наблюдения за индивидуальными и братскими могилами, тем более что значительная часть их была только слегка присыпана землей. Начались провалы насыпей индивидуальных и братских могил, обнажение трупов, появление трупного запаха. Это грозило возникновением эпидемических заболеваний. Управление и трест срочно поставили на засыпку братских могил на Пискаревском кладбище два экскаватора типа "Комсомолец", а на другие - людей: всех работников кладбищ, часть личного состава спецроты МПВО и рабочих, мобилизованных райсоветами. В первую очередь были засыпаны все братские могилы с образованием на них холмов, в течение лета насыпи на некоторых могилах оседали несколько раз, их каждый раз подсыпали вновь.
К осени 1942 г. были приведены в полный порядок с оформлением надмогильных холмов 17850 индивидуальных и 584 братские могилы. Только на 78 братских могилах на Пискаревском кладбище не были окончательно оформлены надмогильные холмы. Засыпку братской могилы на Богословском кладбище (песочный карьер) по решению СЗ исполкома Ленгорсовета от 17 июня 1942 г. № 309-с производило экскаваторами Управление культурно-бытового строительства. Процесс засыпки длился в течение всего лета, так как по мере разложения трупов насыпанная земля осаживалась. Всего насыпано на эту братскую могилу 15 тысяч кубометров земли, а засыпка далеко не окончена.
Особо серьезное значение летним работам на кладбище в части повседневного наблюдения за братскими могилами и поддержания их в порядке придавалось потому, что подобного нашему опыта массовых захоронений не знает история. А поэтому отдельные специалисты-санврачи - договаривались до того, что процесс разложения может привести к тому, что на отдельных братских могилах могут забить фонтаны массы разлагающихся тел. Разных панических разговоров по этому вопросу было много, а работники

"Похоронного дела", считали, что надо не допускать только обнажения трупов при провалах надмогильных насыпей, а остальное пойдет нормально, и мы оказались правыми. После такого массового захоронения город не имел эпидемических заболеваний.

Пережив весьма горький опыт отсутствия запасных траншей для массового захоронения в зиму 1941/42 гг., а также имея ввиду продолжавшуюся блокаду, бомбардировки и обстрел города, по ходатайству управления исполком Ленгорсовета решением СЗ от 14 июня 1942 г. № 305-с разрешил тресту в течение лета произвести работы по рытью запасных братских могил. Эту работу в основном проводило 5-е ОСУ. Сейчас каждое кладбище имеет запасные братские могилы, а всего в разных местах 96 братских могил длиною 6620 метров вместимость на 134 120 покойников.

В заключение нужно сказать, что при всех имевших место больших недостатках, вызванных в основном внезапностью возникновения работы по захоронению в невиданных в истории размерах, проведена гигантская работа. К сожалению, в городе нет организации, которая могла назвать точную цифру умерших в городе Ленинграде людей за период с 1 декабря 1941 г. по 1 июня 1942 г.

Это объясняется тем, что, по неточным данным произведенных кладбищами захоронений, последние в декабре 1941 г. по отношению к ноябрю выросли на 247 %, в январе 1942 г. по отношению к декабрю - на 408 % с лишним, в феврале по отношению к январю - на 108 % с лишним.

Никто к таким размерам смертности и молниеносности ее роста не только не был подготовлен, но никто никогда и не мог мыслить о чем-либо подобном.

О масштабах работы по захоронению можно судить хотя бы по тому, что с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1942 г., кроме индивидуального, под захоронение занято на кладбищах города и вновь отведенных участках 662 братских могилы протяжением 20233 погонных метра, из них вынуто земли в условиях суровых морозов и промерзания грунта до полутора метров - 60135 куб. метров, не считая занятых под захоронение песочного карьера, противотанкового рва, бомбовых воронок на Богословском кладбище и волчьих ям на Серафимовском.

Отдельные работники кладбищ, учитывая важность и срочность проводимой работы, работали до последних сил. Некоторые могильщики, вырыв с неимоверным напряжением сил могилу, не в силах были без посторонней помощи из нее выбраться или, опуская покойника в могилу, падали за ним сами.

Имели место случаи, когда могильщики Волкова кладбища - Зуев, Новиков, Митькин, Дмитриев и Ковшов умерли на кладбище, на работе. Один из них вырыл могилу, лег на дно ее отдохнуть и больше не встал - умер.

Все это показывает, что работники кладбищ, невзирая на трудности, считали своим долгом перед родиной отдать все свои силы и жизнь за порученное им дело.

В неимоверно трудных условиях работниками кладбищ при большой помощи исполкомов районных Советов депутатов трудящихся, подразделений МПВО и стройорганизаций проведена в течение года войны и блокады гигантская, невиданных масштабов работа по захоронению.

Результат работы был достигнут хороший - город и его население, пережив небывалые лишения, после такого массового захоронения с нарушением санитарных норм избежали эпидемических заболеваний.

По данным кладбищ города,
далеко не точным, возможно завышенным,
ими за период с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1942 г.
захоронено 1 093 695 покойников.

Транспортом городского треста "Похоронное дело" и транспортом других организаций, предоставляемым в распоряжение треста из гражданских госпиталей, больниц, эвакопункта, районных моргов и других, за период с 1 декабря 1941 г. до 1 декабря 1942 г. вывезено 444 182 покойника.

Начальник УПКО
исполкома Ленгорсовета
депутатов трудящихся
А. Карпушенко

Первым испытал дорогу санный обоз

Ладога. Дорога жизни

"ДОРОГА ЖИЗНИ"

Есть разные дороги - магистральные, городские, деревенские, разбитые и ухоженные, есть даже гоночные и кольцевые, но была и есть одна дорога, цена которой - жизнь ленинградцев, и не вспомнить о ней нельзя.

8 сентября 1941 года гитлеровцы захватили у истока Невы город Шлиссельбург, окружив Ленинград с суши. Началась 871-дневная блокада Ленинграда.

В условиях блокады единственной возможной транспортной коммуникацией, связывающей Ленинград с тылом, если не считать воздушный путь, была Ладога.

К началу Великой Отечественной войны Ладожское озеро было мало освоено, слабо изучено, на нем не было необходимого озерного флота, отстойных бухт и никакого пристанского хозяйства.

30 августа 1941 года ГКО (Государственный Комитет Обороны) принял решение о доставке грузов в Ленинград через Ладожское озеро. На западном берегу озера началось сооружение порта в небольшой бухте Осиновец, в 55 км от Ленинграда, недалеко от станции Ладожское озеро,- конечной станции Ириновской железной дороги.

Перевозки возлагались на Ладожскую военную флотилию и Северо-Западное речное пароходство. 12 сентября 1941 года к причалам мыса Осиновец с восточного берега Ладожского озера пришли две баржи, доставив 626 тонн зерна и 116 тонн муки. Так начала действовать блокадная "артерия" Ленинграда, которую народ назвал Дорогой жизни.

С 12 сентября по 15 ноября, когда навигация официально закончилась, по Ладоге удалось доставить 24 097 т зерна, муки и крупы, более 1130 т мяса и молочных продуктов и др. грузов. Из Ленинграда водным путем было эвакуировано 33 479 человек. Каждый рейс по озеру был подвигом. Осенние штормы на Ладоге делали невозможным судоходство. Серьезную опасность для движения судов представляла вражеская авиация, часто налетавшая на транспортные суда и пристани. И только благодаря мастерству и мужеству команд, суда совершали плавания в течение всей навигации. Количество продовольствия, привезенного по Ладоге, составляло 20-дневную потребность города.

С наступлением ледостава перевозки водным путем прекратились. Началась подготовка к строительству зимней дороги по льду Ладожского озера. После разведки, изучения ледовой обстановки и сооружения первой нитки ледовой магистрали 20 ноября с Вагановского спуска у деревни Коккорево спустился на лед конно-санный обоз. Около 350 саней направились на восточный берег озера в Кобону. Погрузив на сани 63 тонны муки, обоз утром 21 ноября прибыл в Осиновец. На следующий день, 22 ноября, в Кобону за продовольствием ушла колонна из 60 автомашин ГАЗ-АА. Совершив трудный рейс, колонна вернулась 23 ноября, доставив 33 т продовольствия. Лед был настолько хрупким, что двухтонный грузовик вез лишь 2-3 мешка продовольствия. Так родилась ставшая знаменитой ледовая трасса, которую именовали Военно-автомобильной дорогой № 101.

В первых числах декабря лед окреп, и на трассу были пущены трехтонные машины ЗИС-5; шоферы уже ездили, не опасаясь провалов льда.

Несмотря на морозы и метели, на огонь вражеской артиллерии и удары с воздуха, занятие противником

8 ноября Тихвина, движение грузового автотранспорта не прекращалось практически ни на один день, в ноябре-декабре по трассе было доставлено 16 449 т грузов, что позволило с 25 декабря впервые за время блокады несколько увеличить хлебный паек.
С 1 января 1942 года трасса подвоза грузов для Ленинграда стабилизировалась, движение по ней было упорядочено. Дорога стала сложнейшим инженерным сооружением. Ее строители изготавливали дорожные знаки, вехи, переносные щиты, мостики, строили базы, склады, обогревательные и медицинские пункты, пункты питания и технической помощи, мастерские, телефонные и телеграфные станции, приспосабливали разнообразные средства маскировки.
"Дорога жизни" - это не только трасса по льду озера, это путь, который надо было преодолеть от ж/д станции на западном берегу озера до ж/д станции на восточном берегу и обратно.
С 7 по 19 января перевозки увеличились почти вдвое, а 18 января дорога впервые выполнила план (в Ленинград ежедневно доставлялось в среднем до 2 тыс. т грузов).
На 20 января город уже был обеспечен мукой на 21 день, мясом - на 20, крупой и жиром - на 9, сахаром - на 13 дней. Рост перевозок дал возможность дважды (24 января и 11 февраля) увеличить ленинградцам хлебный паек.
Ледовая трасса работала бесперебойно. В целях еще большего сокращения пробега машин 11 января 1942 г. ГКО принял постановление о строительстве в месячный срок железнодорожной ветки Войбокало - Лаврово - Коса, протяженностью 40 км. В условиях суровой зимы, на глазах у немцев, строительство дороги было завершено к 10 февраля. Ветка вплотную подходила к озеру. Протяженность трассы сократилась более чем наполовину, а расход горючего - на 200 т в сутки. Отдельная трасса, именовавшаяся "угольной", была проложена от ст. Коса до ст. Осиновец и по ней специальными машинами перевозилось топливо для Ленинграда. Ледовая дорога работала до последней возможности. В середине апреля температура воздуха стала подниматься до 12 - 15° и ледовый покров озера стал быстро разрушаться. На поверхности льда

накапливалось большое количество воды. В течение целой недели - с 15 по 21 апреля - машины шли по сплошной воде, местами глубиной до 45 см. В последних рейсах машины не доходили до берега и грузы переносили на руках. Дальнейшее движение по льду стало опасным, и 21 апреля Ладожская ледовая трасса была официально закрыта, но фактически она функционировала до 24 апреля, так как некоторые водители, несмотря на приказ о закрытии трассы, продолжали рейсы по Ладоге. Всего за зиму 1941/42 года по ледовой трассе было доставлено Ленинграду 361 109 тонн различных грузов, в том числе 262 419 тонн продовольствия. За этот же период (с 22 января по 15 апреля) было эвакуировано 554 186 человек.
В конце мая 1942 года моряки Ладожской военной флотилии и водники Северо-Западного пароходства открыли новую навигацию по трассам Осиновец - Кобона, Осиновец - Новая Ладога. И за время этой навигации в обоих направлениях удалось перевезти 1 миллион 99,5 тысячи тонн грузов: из них в адрес осажденного города - более 790 тысяч тонн, включая 353 тысячи тонн продовольствия. Было также вывезено на Большую землю около 540 тысяч человек, из которых эвакуированных жителей - более 448 тысяч. Для пополнения Ленинградского фронта переброшено около 290 тысяч солдат и офицеров.
С наступлением зимы 1942/43 года до 30 марта 1943 г. действовала ледовая трасса. Значение Ладожской коммуникации невозможно переоценить. Она спасла ленинградцам жизнь, позволила городу выстоять в кольце блокады, явилась путем, по которому осуществлялась его связь со всей страной, оказавшей ему всю возможную поддержку.
На западном берегу Ладожского озера у мыса Осиновец ныне создан музей "Дорога жизни" - филиал Центрального военно-морского музея. Собранные здесь многочисленные документы и реликвии рассказывают о мужестве и подвигах тех, кто обслуживал и защищал водные и ледовые трассы, связавшие в годы Великой Отечественной войны город на Неве с Большой землей. У Вагановского спуска сооружен мемориальный комплекс "Разорванное кольцо".

ГОЛОД

Представляет научный интерес тот факт, что эпидемий в Ленинграде не было, более того, острые и инфекционные заболевания в декабре 1941 года уменьшились по сравнению с тем же месяцем 1940 года, что видно из отчета Ленгорздравотдела 5 января 1942 года:

Количество случаев заболеваний

	1940 год декабрь	1941 год декабрь
Брюшной тиф	143	114
Дизентерия	2086	1778
Сыпной тиф	118	42
Скарлатина	1056	93
Дифтерия	728	211
Коклюш	1844	818

Чем можно объяснить, что при остром голоде, недостатке горячей воды, холоде, предельно ослабленном организме, эпидемий не было? Пример Ленинграда показывает, что не обязательно голод шагает нога в ногу со своими неразлучными спутниками - инфекционными болезнями и эпидемиями. Хорошо организованный санитарный режим нарушает это единство. Не только зимой, но и весной 1942 года, когда имелись наиболее благоприятные условия для вспышек инфекций, их в Ленинграде не было. Власти подняли народ на очистку улиц, дворов, лестничных клеток, чердаков, подвалов, канализационных колодцев, словом, всех очагов, могущих дать начало инфекциям. В марте-апреле ежедневно работало 300 тысяч человек по очистке города. Проверка квартир и обязательное соблюдение чистоты предупредили заразные болезни. Жители голодали, но до последнего дня выполняли свои общественные обязанности, необходимые в общежитии граждан. Голод наложил тяжелую печать на людей: иссушил тело, сковал движения, усыпил организм. Микроб-возбудитель, проникая внутрь такого человека, не находил условий для своего развития и погибал. Тонкая, как пергамент, кожа да кости не создавали, по-видимому, нужной

среды для развития инфекционных микробов. Может быть, это и не так, а действовала какая-то другая сила, ведь в природе еще так много тайн, но так или иначе, а эпидемий не было, инфекционные заболевания на самой высокой стадии развития алиментарной дистрофии уменьшились, и это отрицать никто не сможет. Весной 1942 года была вспышка цинги как результат длительного неполноценного питания, но цинга вскоре была изгнана из Ленинграда, и смертельных исходов от этой болезни почти не было. Большая смертность в декабре и в первые месяцы 1942 года явилась результатом блокады города и вызванного ею длительного и острого недостатка продуктов питания. На глазах всего мира фашисты стремились уничтожить духовно и физически население одного из важнейших политических и экономических центров страны. "С нашей стороны в этой войне, которая ведется не на жизнь, а на смерть, нет заинтересованности в сохранении хотя бы части населения этого большого города", - говорилось в директиве начальника штаба руководства морской войной Германии морским офицерам, находившимся при армейской группе "Норд" [Директива начальника штаба руководства морской войной Германии. Берлин, 29 сентября 1941 года, № 1 - 1а 1601/41-"Будущность города Петербурга". Перевод с немецкого.]. И только в силу несгибаемой воли к победе ленинградцев и их жгучей ненависти к захватчикам дух народа оставался непреклонным. В 1947 году немецкие врачи сообщили всему миру о гибели от голода в западной зоне Германии немецкого населения, получавшего рацион питания, равный 800 калориям на человека в день. Они обвиняли страны-победительницы в умышленном уничтожении германского народа голодом. В своем меморандуме они писали: "Мы, немецкие врачи, считаем долгом заявить перед всем миром, что все происходящее здесь составляет прямую противоположность обещанному нам "воспитанию в духе демократии"; наоборот, это уничтожение биологической основы демократии. На наших глазах происходит духовное и физическое уничтожение великой нации, и никто не сможет уйти

от ответственности за это, если только не будет делать все от него зависящее для спасения и помощи" [Жозуэ де Кастро. География голода, стр. 328.]. На самом деле, как правильно пишет Жозуэ де Кастро, союзники были далеки от мысли морить голодом население Германии: "Установленные в Германии в послевоенный период низкие нормы продовольствия были естественным следствием разрушительной войны и вызванного ею развала мирового хозяйства" [Жозуэ де Кастро. География голода, стр. 329.]. Иначе говоря, по вине самих немцев голод охватил ряд стран, в том числе и Германию. Когда голод коснулся Германии и немецкое население почувствовало лишения (хотя ничего похожего не было в сравнении с мучениями, переносимыми населением Ленинграда), немецкие врачи нашли сильные слова и средства апеллировать к совести народов мира "о гибели великой нации". У этих же врачей не нашлось ни одного слова протеста против открытых действий их соотечественников, официальных властей фашистской Германии, по уничтожению голодом мирного населения крупнейшего промышленного центра СССР Ленинграда. При непрестанной ноющей боли под ложечкой, когда голод толкает людей на поступки, несовместимые с законом, в городе поддерживался неукоснительный порядок не только со стороны органов власти, но, что самое замечательное, - самими гражданами. ...Шофер грузовой машины, объезжая сугробы, спешил доставить свежевыпеченный хлеб к открытию магазинов. На углу Растанной и Лиговки вблизи грузовика разорвался снаряд. Переднюю часть кузова словно косой срезало, буханки хлеба рассыпались по мостовой, шофера убило осколком, вокруг темнота, как в омуте. Условия для хищения благоприятные, некому и не с кого спросить. Прохожие, заметив, что хлеб никем не охраняется, подняли тревогу, окружили кольцом место происшествия и до тех пор не уходили, пока не приехала другая машина с экспедитором хлебозавода. Буханки были собраны и доставлены в магазины. Голодные люди, охранявшие разбитую 'машину с ценным грузом, испытывали неодолимую потребность в еде, запах теплого хлеба разжигал их естественное желание, соблазн был поистине велик, но все же сознание долга преодолело искушение. ...На одной из тихих улиц Володарского района вечером в булочную вошел плотного сложения мужчина. Внимательно, исподлобья осмотрев находившихся в магазине покупателей и двух

продавцов-женщин, он неожиданно вскочил за прилавок и начал выбрасывать с полок хлеб в зал магазина, выкрикивая: "Берите, нас хотят уморить с голоду, не поддавайтесь уговорам, требуйте хлеба!" Заметив, что батоны никто не берет и поддержки его слова не находят, неизвестный, ударив продавщицу, бросился к двери, но уйти ему не удалось. Покупатели как один бросились на провокатора, задержали и сдали его органам власти. Сотни других самых разнообразных примеров можно привести в подтверждение образцового поведения и высокой сознательности граждан столь большого города. Дров не было, люди терпели несказанные лишения, но деревья парков и садов ревностно хранили. Пример осажденного и голодающего Ленинграда опрокидывает доводы тех иностранных авторов, которые утверждают, что под влиянием непреодолимого чувства голода люди теряют моральные устои и человек предстает хищным животным. Если бы это было верно, то в Ленинграде, где длительное время голодало 2,5 миллиона человек, царил бы полный произвол, а не безупречный порядок. Поведение ленинградцев за время блокады в условиях невероятных лишений и острого голода было на высоком моральном уровне. Люди вели себя стоически, гордо, сохраняя до последней минуты жизни цельность человеческой личности. Жизнь в осажденном городе шла своим чередом. Отсутствие топлива замораживало не только водопровод, но и людей. Чтобы согреть воду, нужны дрова, а их не было. Жгли мебель, книги, заборы, деревянные дома, особенно много разобрали и сожгли домов для отапливания квартир и общежитий на Охте, но все это сгорало быстро, как фейерверк. Когда дома обеспечены топливом и жизнь идет в обычном установившемся ритме, то кажется, что немного надо, сущие пустяки, два-три полена, чтобы вскипятить воду, приготовить обед. Горожанин не задумывается, сколько же нужно топлива для такого города, как Ленинград. А надо для его вместительного чрева свыше 120 поездов дров ежедневно, чтобы поддержать более или менее нормальную деятельность городского хозяйства. В его же прожорливую пасть бросали всего три - четыре маршрута дров в день, больше дать топлива не могли ни по запасам леса и торфа, ни по пропускной способности обрубленных блокадой железных дорог. Никакие заборы, деревянные дома, сараи и мебель не могли заменить даже в малой степени недостающие дрова и спасти людей от холода. Дома оставались без света, без воды, без отопления, они, как изваяния, наблюдали человеческую драму, страдания людей и их жажду к жизни. Если воду жители города с трудом, но доставляли к себе в жилище, с натугой

преодолевая обледеневшие ступеньки крутых лестниц, то кипяток для них был неразрешимой проблемой. Отсутствие горячей воды причиняло много горя. В декабре городской исполнительный комитет открыл общественные пункты по отпуску кипятка при столовых, больших жилых домах и на улицах, что принесло большое облегчение и радость населению. Время шло. От малого до большого - все превозмогали голод. Трудились и жили крепкой надеждой на торжество правого дела. Не роптали на судьбу, а скромно про себя каждый гордился тем, что он в тяжелое время вместе со всеми борется за свой любимый город, за честь Родины. Несмотря на все невзгоды, независимо от того, насколько долог еще может оказаться путь борьбы, святое чувство правого дела поднимало кузнеца, инженера, лесоруба, ученого на героические дела, это же чувство руководило артистами, когда они пели, играли, развлекали других голодных и усталых людей, хотя у них самих подкашивались ноги и слышался в груди хрип. Только подлинные патриоты и сильные духом люди могли переносить такие лишения. Почти все театральные коллективы были своевременно эвакуированы в глубь страны, а труппа оперетты осталась. Население любило этот театр. Слушая веселые шутки, остроты, музыку, люди на несколько часов забывались от бремени непокидающих их дум. Фантастическая картина встает перед глазами. Декабрь. На улице мороз 25 градусов. В неотапливаемом помещении театра немного теплее, и все же зал полон народа, все в верхней одежде, многие пожилые люди в валенках. В три часа дня началась оперетта "Роз-Мари". Артисты играли в легких костюмах; лица острые, бледные, но улыбающиеся, а балерины настолько худенькие, что, казалось, при движении они неминуемо должны переломиться. В антрактах у многих исполнителей наступало обморочное состояние, но человеческая воля побеждала изнемогающую плоть; они вставали, падали, опять вставали и продолжали играть, хотя в глазах мутилось. Редко какой спектакль проходил без помех; в разгар действия врывались пронзительные звуки сирен, предупреждающие об опасности. В этих случаях объявлялись перерывы, публику выводили из театра в бомбоубежище, а артисты в гриме и костюмах, вооруженные клещами для сбрасывания зажигательных бомб, взбирались на ледяные крыши и становились на вышки дежурить. После отбоя зрители заполняли зал, а артисты, спустившись с крыш, продолжали прерванную игру. По окончании спектакля публика вставала и в знак благодарности молча и благоговейно приветствовала исполнителей несколько минут (аплодировать не хватало сил). Ленинградцы дорожили

артистами и понимали, какой ценой, каким предельным напряжением воли они давали радость и вызывали забытый смех у зрителей. Лишения, связанные с войной и особенно с блокадой города, испытывали все люди, но на долю женщин выпало неизмеримо больше трудностей. Они работали на производстве, где заменяли мужчин, призванных на военную службу, и вели домашнее хозяйство. Их заботы о доме, о детях никто не в силах был снять. Скудные нормы получаемых продуктов потребовали строгого их распределения по дням и в течение дня - по часам. Чтобы не заморозить детей, они с большими трудностями доставали дрова, бережно расходуя каждое полено. Из ближайших рек ведрами таскали воду. Стирали белье при тусклом свете коптилки, чинили одежду себе и детям. Под тяжестью всех переживаний и лишений, какие принесла блокада, в условиях двойной нагрузки - на производстве и дома - немало женщин сильно подорвали свое здоровье. Но их воля к жизни, их сила духа, их решительность и расторопность, их дисциплинированность будут всегда служить примером и вдохновением для миллионов людей.

К концу января 1944 г.

войска Ленинградского фронта вышли к р. Луге в нижнем ее течении и на нескольких участках форсировали реку, а соединения Волховского фронта вели наступление в направлении Луги и Шимска. Враг был отброшен от Ленинграда на 60-100 км, а от Новгорода - на 50-80 км. В ходе наступления были освобождены от противника десятки городов и сотни населенных пунктов. 21 января наши части заняли город и железнодорожный узел Мгу, 24 января - Пушкин и Слуцк, 26 января - Красногвардейск и Тосно, 28 января - Любань, а 29 января - Чудово. Вся главная магистраль Октябрьской железной дороги была очищена от врага. Таким образом, блокада Ленинграда была полностью ликвидирована. Как докладывал Военный совет Ленинградского фронта в Ставку Верховного Главнокомандования, "под ударами наших войск потерпела крушение сильнейшая оборона немцев, которую они сами расценивали как неприступный и непреодолимый "Северный вал", как "стальное кольцо" блокады Ленинграда...
Выполнена задача первостепенной важности - ликвидирована полностью вражеская блокада Ленинграда".

Вечером 27 января 1944 г.

в честь полного освобождения Ленинграда от блокады на берегах Невы прогремел торжественный артиллерийский салют из 324 орудий.

Ленинград приветствовал доблестные войска Ленинградского фронта и моряков Балтийского флота, выполнивших важнейшую историческую задачу. Ленинградцы, измученные фашистской блокадой, не опасаясь обстрелов и бомбежек, вышли на улицы праздничного города. "Первый раз за долгих два с половиной года мы увидели свой город вечером! - вспоминала потом Ольга Берггольц. - Мы увидели его светлым-светлым, освещенным вплоть до последней трещины на стенах, весь в пробоинах, весь в слепых зафанеренных окнах - наш израненный, грозный, великолепный Ленинград. Мы увидели, что облик его неизменно прекрасен, несмотря ни на какие раны... и чувствовали, что нет нам ничего дороже этого города, где столько муки пришлось принять и испытать такое небывалое, гордое человеческое счастье, как в этот вечер 27 января. Незнакомые люди обнимали друг друга, и у всех в глазах светились слезы".

Вместе с ленинградцами великому торжеству города Ленина радовались все советские люди, все прогрессивное человечество. Разгром немецко-фашистских войск под Ленинградом был одним из важнейших этапов в истории Великой Отечественной войны. Успех советских войск под Ленинградом вызвал немало восторженных откликов в зарубежной печати. Газета "Нью-Йорк Таймс" писала: "Их победа будет записана в анналы истории, как своего рода героический миф... Ленинград воплощает непобедимый дух народа России".

Из книг:

- "НЕПОКОРЕННЫЙ ЛЕНИНГРАД" Дзенискевич А.Р., Ковальчук В.М., Соболев Г.Л., Цамутали А.Н., Шишкин В.А.
- "ЛЕНИНГРАД В ОСАДЕ" Сборник документов
- "ЛЕНИНГРАД В БЛОКАДЕ" Павлов Д.В.

СОДЕРЖАНИЕ

В.И. МАТВИЕНКО Приветствие	5
Э. САВИСААР Вступительное слово	7
Н. УСПЕНСКИЙ Вступительное слово	9
Л. МАТРОСОВА-ЗЫБИНА Бесценное свидетельство	11
К.И. ЧУКОВСКИЙ Ленинградским детям	16
АРХИПОВА А.А.	18
БУРЛЕЙ Л.Е.	25
БУТЫНСКАЯ Л.В.	28
ДЕМИДОВА Л.А.	31
ЕГОРКИНА Г.А.	33
ЭНЗЕЛЬ Т.Н.	35
ГЕНДЕЛЕВИЧ Э.Р.	43
ГЛЕБОВА Л.Н.	50
ГОЛИЦИНА З.П.	58
ГУЩИН Д.Ф.	61
ИВАНОВ А.В.	64
ЯБЛОНСКАЯ А.С.	67
ЯННО Л.А.	69
ЮДИЧЕВА Е.В.	77
КАЛАБУГИНА Н.Н.	81
КОЛЯГИНА Н.А.	85
КОТЕНКО А.А.	89
КОЗЛОВ Ю.П.	92
КУЛУХОВА И.П.	96
КУЗЬМИНА В.А.	101
БУРЛАКОВА Л.С.	102
ЛЕВКИНА В.П.	108
КУЗНЕЦОВА Г.А.	114
ЛЕНЦМАН Е.П.	118
ПАРИК Л.	126
ЛЮБЕНКО Е.И.	131
ЛЫСАКОВА В.Н.	133
МАЙОРОВА В.Н.	135

МАТРОСОВ А.И. 144
МЕЛЬНИКОВА О.А. 164
МИРСКАЯ Е.И. 167
МЯСНИКОВА Л.В. 179
НИКОЛАЕВА Л.Ф. 182
СПИРИДОНОВА Н.В. 186
ОЛИВСОН И.А. 194
ОРЛОВА А.М. 196
ПАНТЕЛЕЕВ Н.И. 199
ПАВЛЕНКО А.Ф. 205
ПАВЛОВА Н.И. 210
ПЕСКОВА О.Н. 218
ПЕТРОВСКАЯ З.И. 222
ПЕТРУШЕВСКАЯ Ц.Г. 226
ПУНИССОН Л.Г. 231
РАНД Э. 234
РОМАШКИНА Т.С. 239
САВЕЛЬЕВА А.Н. 245
СИЛБЕРГ Б. 248
СМИРНОВА Т.П. 249
СОЛДАТОВА А.Н. 253
СОПОВА Е.И. 258
ЩЕГЛОВА Л.А. 263
ТОВАЖНЯНСКАЯ Н.М. 267
ТРАКС Т.Г. 271
ВОЛКОВ В.Ф. 275
ВЫШЕСЛАВОВА Т.В. 281
ЖУРИНА А.А. 295
КОРОТКОВА В.И. 304
КЕРРО К.Г. 311
СТАГАНОВИЧ Н.И. 320
БАРАБАНЕР Х.З. 321
Историческая справка 328
Похоронное дело 329
Дорога жизни 349
Голод 353

Подписано в печать 30.03.2010. Формат 60x90/16.
Печать офсетная. Бумага мелованная. Усл. печ. л. 26. Тираж 2000 экз. Зак. № 149.
Отпечатано в ОАО «Информационно-издательский центр Правительства
Санкт-Петербурга "Петроцентр"» ОП «Пушкинская типография»
196601, Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Средняя, 3/8. тел. (812) 451-90-00